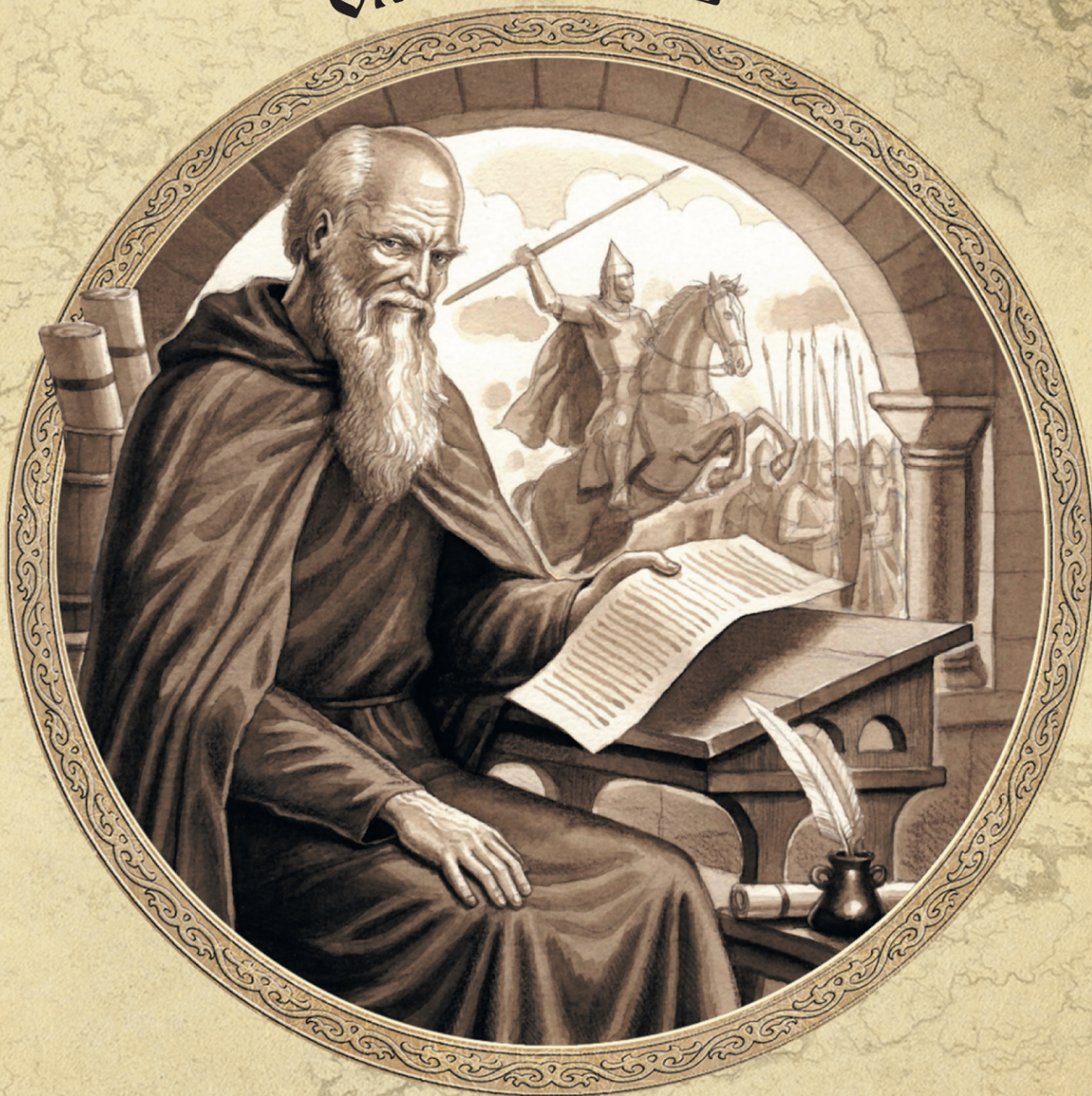

У истоков Руси

Олег Яковлев

Хроники Червонной Руси

У истоков Руси

Олег Яковлев

Хроники Червонной Руси

«ВЕЧЕ»

Яковлев О. И.

Хроники Червонной Руси / О. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7698-3

Рубеж XI–XII веков. Нелёгкая судьба выпала трём братьям Ростиславичам, хоть и происходят они из княжеского рода. Мало того что рано лишились отца, так ещё и остались без наследства, без уделов, а безудельным князьям остаётся только скитаться по Руси и сопредельным странам. На помощь других князей рассчитывать трудно – те, конечно, родня, но прежде всего видят в скитальцах врагов, зарящихся на чужие волости, да и за жёнами, когда в доме «бедный родственник», лучше присматривать повнимательней... Нет братьям покоя и тогда, когда скитания позади: свой удел, чудом доставшийся, нужно защищать силой оружия, и даже самый удачливый из трёх братьев, Володарь Ростиславич, из года в год не покладает меча.

ISBN 978-5-4484-7698-3

© Яковлев О. И.

© ВЕЧЕ

Содержание

Вступление	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	35
Глава 10	40
Глава 11	41
Глава 12	43
Глава 13	47
Глава 14	50
Глава 15	52
Глава 16	54
Глава 17	56
Глава 18	59
Глава 19	62
Глава 20	67
Глава 21	69
Глава 22	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Олег Яковлев

Хроники Червонной Руси

Вступление

Тёплым и солнечным выдалось на Волыни лето 1080 от Рождества Христова. Нечастые дожди поливали землю, на полях набухала тучная пшеница, предвещающая обильный урожай, зеленели полные зверя и птицы леса и роши дубовые, текли богатые рыбой среброструйные реки – всё в благодатном этом крае обещало покой и достаток, а жизнь радостную и беззаботную. Тем паче, прошли, схлынули, канули в Лету косящие люд тяжкие времена междоусобиц. Русь Червонная, простирающаяся на восход от Карпат, область Волынская до берегов Горыни¹, а также примыкающие к ней земли вдоль болотистой Припяти с городами Туровом и Пинском, и, кроме того, Забужье² и Подляшье³ наслаждались миром и тишиной. Княжил здесь второй год молодой Ярополк Изяславич, племянник великого киевского князя Всеволода. Обширные достались Ярополку волости, дядя щедро наделил его землёй, простирались владения его до самого Днепра, до Вышгорода, богатого торгового, добро укрепленного города в пятнадцати верстах к северу от стольного Киева.

Отец Ярополка, прежний киевский владетель Изяслав, два года тому назад пал в сече с буйными крамольными князьями Борисом и Олегом Святославичем, помогая вместе с сыном князю Всеволоду воротить отобранный у того Чернигов, и теперь Всеволод, чтя память погибшего брата, не поспешил на уделы его сыновьям. Святополк утвердил в Новгороде, Ярополку же, почитай, отдал всю Западную Русь. Много хлопотала о сыновнем уделе энергичная мать Ярополка – вдовья княгиня Гертруда, дочь польского короля Мешко Второго⁴ и германской принцессы Риксы. Ещё ранее, когда довелось почившему Изяславу с супругой и детьми мыкаться по Европе, будучи лишённым на Руси волости, уговорила Гертруда любимого сына своего перейти в латинскую веру. Побывал тогда Ярополк, Пётр в крещении, в самом Риме, лобызал украшенные крестами сандалии папы Григория и получил от римского святого отца грамоту, в коей присвоен был ему титул «короля Руси».

Супругой Ярополка стала немка Кунигунда, одна из дочерей маркграфа Оттона и Аделы Брабантской, младшую же сестру свою, совсем ещё девочку, мыслил молодой князь выдать за юного Мешко, племянника польского властителя Владислава Германа⁵. Обрастая широкими связями на Западе, мечтал Ярополк, а ещё более – честолюбивая мать его, о большем.

Одна забота, пожалуй, одна неприятность стояла на пути вверх молодого сына Изяслава. Называлась она: князья-изгои, безудельные родичи.

Один из них, Борис, пал в кровавой битве на Нежатиной Ниве, в которой погиб и отец Ярополка, другого, Олега Святославича, двухродного⁶ неугомонного братца, схватили, как сказывали, в приморской Тмутаракани по тайному уговору со Всеволодом лукавые ромей и выслали на далёкий остров Родос. Но оставались иные князья и жили они у Ярополка под боком, на Волыни. О них и пойдёт у нас речь.

¹ Горынь – река на территории современной Украины, правый приток Припяти.

² Забужье – историческая область к западу от реки Западный Буг, ныне – на территории Польши.

³ Подляшье – историческая область по среднему течению Западного Буга, ныне – на территории Польши.

⁴ Мешко Второй (990—1034) – король Польши с 1025 года.

⁵ Владислав Герман – польский князь в 1079—1102 годах, сын князя Казимира и русской княжны Марии-Добroneги, сестры Ярослава Мудрого, внук Мешка Второго, племянник Гертруды.

⁶ Двухродный – то же, что двоюродный.

Глава 1

Высоко над башней Владимирского детинца, в чистом голубом небе парили птицы. Стяг с червонным всадником на жёлтом поле гордо реял над дубовыми зубцами. В хоробах было шумно, готовились обильные яства, на середину обширного двора выносились крепкие столы, накрывались скатерти. Сновали холопы в нарядных праздничных одеждах, гридни⁷ в начищенных до блеска кольчатых и дощатых бронях⁸ несли стражу у ворот и в переходах.

Съезжалась во Владимир на Луге⁹ знать: бояре, князья, иноземные рыцари. Любил молодой князь Ярополк закатывать многодневные пиры, пивать крепкие меды и светлый пшеничный ол¹⁰, любил учинять ловы¹¹ в сосновых борах, тянущихся на многие вёрсты к северу от города, любил видеть вокруг себя общество блестящих, пышно разодетых вельмож. Ныне повод сыскался хороший собраться им во Владимире – был канун именин Ярополка, Дня святых Петра и Павла, а святой апостол Пётр являлся небесным охранителем волынского князя.

В Гридшины ворота города один за другим въезжали разноцветно разукрашенные возки и всадники на великолепных скакунах с дорогой обрудью¹². Сверху, из башни, открывался прекрасный вид на переброшенный через крепостной ров подъёмный мост на цепях и взбирающийся из низины посада¹³ на городские валы широкий шлях. Несколько женщин в богато отделанных узорочьем одеяниях из шёлка и иноземного сукна с заметным любопытством наблюдали за прибывающими гостями.

Княгиня Гертруда, высокая, поджарая особа с красивым, густо покрытым белилами лицом, в строгом чёрном вдовьем платье и повое¹⁴ на голове, стояла впереди всех. Гордо вздёргивала она вверх голову и смотрела вокруг себя с надменностью знатной матроны, привычной к власти и сознающей своё положение. Пальцы её, длинные и сухие, перебирали чётки, она время от времени поворачивалась лицом к находящимся рядом двум нарядно одетым жёнам и объясняла им:

– Возок княгини Чешской, Свентославы¹⁵. Украшен львами золотистыми в коронах. Княгиня Свентослава – сестра польского князя Германа, моя племянница и двухродная тётка моего сына... Боярин Ардагаст. На вороном коне с серебряным стремяном. Владелец обширных земель на Буге, под Дрогичином... Вон тот всадник, на мышастой¹⁶ лошади, приземистый, в шапке горлатной, с чёрной бородой – Игоревич Давид, безудельный князь... Племянник младший моего покойного супруга.

Гертруда говорила сначала по-русски, а потом повторяла сказанное по-немецки, чтобы слушательницам всё было понятно.

Двадцатитрёхлетняя Кунигунда, во святом крещении Ирина, с живостью в голубых, как море, глазах всматривалась в гостей, с жадностью вслушиваясь в слова свекрови. Сказочно

⁷ Гридни – на Руси категория младших дружинников. Часто выполняли функции телохранителей князя.

⁸ Кольчатая броня – кольчуга; дощатая броня – панцирь из гладких металлических пластин.

⁹ Владимир на Луге – Владимир-Волынский, город в совр. Волынской области Украины. Расположен на берегу реки Луга (приток Западного Буга).

¹⁰ Ол – пиво.

¹¹ Лов (др.-рус.) – охота.

¹² Обрудь (др.-рус.) – сбруя.

¹³ Посад – населенная посадскими людьми (купцами, ремесленниками) часть древнерусского города вне крепостных стен, неукрепленная или слабо укрепленная.

¹⁴ Повой (повойник) – головной убор замужней женщины

¹⁵ Свентослава (1050—1126) – чешская королева, супруга Вратислава Второго, дочь польского князя Казимира, брата Гертруды, от брака с Марией-Доброной, сестрой Ярослава Мудрого.

¹⁶ Мышастая лошадь – серая, цвета мыши.

тонкий, словно игрушечный, стан её перехватывал широкий шёлковый пояс, поверх нижнего платья – котта багряного цвета с узкими рукавами была надета безрукавка – сюрко из тонко выделанной шерсти, голову и плечи покрывал мафорий¹⁷ цвета морской волны. В ушах золотились звездчатые серьги с крупными сапфирами и топазами. На пальцах тоже сверкали золотом и камнями самоцветными перстни-жуковины.

Глядя на сноху, Гертруда досадливо вздыхала. Хороша собой Кунигунда, не одному боярину и отроку¹⁸ вскружила голову. Так и брызжет в глаза весёлая беззаботная молодость и красота её. Всё в снохе привлекает, притягивает восхищённые мужские взоры – и ланиты¹⁹, словно из мрамора выточенные, и ресницы длинные, и брови-стрелки, которые ни подводить, ни выщипывать не надо. Даже немного великоватый мясистый носик нисколько не портит, но, наоборот, как-то по-особенному красит лицо молодой княгини. А ведь привыкла Гертруда быть всегда и везде первой по красоте. Теперь же, глядя в серебряное зеркало, наблюдая морщины окрест век и на некогда свежих, яко спелое румяное яблоко, щеках, видя нос долгий и острый, покрытый точечками угрей, седые волосы, оставалось ей лишь вздыхать. Да, прошли, минули молодые лета.

...Рядом с Кунигундой стояла мать её, Адела Брабантская, полная, розовощёкая фламандка, такая же, как и дочь, златокудрая и голубоглазая, облачённая в долгую ромейскую столу²⁰, в платке, плотно покрывающем голову. Приехала издалека, из Саксонии, из Мейсена²¹, поспешила проведать зятя с дочерью, посмотреть на малолетних внучат.

Старшенькая, шестилетняя Анастасия, крутится здесь же, возле матери, хватается ручонками подол платья Кунигунды-Ирины, молодшенькие, Ярослав с Вячеславом, совсем ещё крохотные, гуляют с мамками по дворцовому саду.

Роды не испортили красоты молодой княгини, всё та же худенькая, хрупкая девушка стоит рядом с Гертрудой и слушает её с живым любопытством.

И радостно было за сына, но и обидно немного. Теряла медленно, но неуклонно княгиня-мать первенство в сыновнем терему.

– А вон, смотрите, два угорских²² королевича – Коломан и Альма. Едут комонные. Тот, что на низенькой лошадке, – старший, Коломан. Горбатый и хромой заика, и слеп на один глаз, как токмо и на свет уродилось чудище этакое! Альма – тот выше намного ростом. Их покойная бабка, королева угров Рихеза, приходилась мне старшей сестрой. Волосы у обоих длинные и чёрные, жупаны доброго сукна с серебряной нитью, сапоги тимовые с боднями, тоже серебряными, шапки войлочные.

При виде угорцев Кунигунда зарделась, в глазах появились смешинки, она прикрыла ладонью нос и рот, удержалась, чтобы не расхохотаться. Всему свету известно, что наследный принц угорской короны Коломан давно и безнадежно влюблён в неё.

– Вот та жёнка полная, уткой переваливается, из возка выходит – это мать их, Софья, дочь князя Изяслава²³. Только не моего почившего супруга, другого Изяслава – Полоцкого.

– Они, наверное, хорошо знают славянскую речь? – спросила графиня Адела.

¹⁷ Мафорий – короткий плащ, покрывающий голову и плечи.

¹⁸ Отроки – категория младших дружинников в Древней Руси. Считались выше гридней.

¹⁹ Ланиты (*устар.*) – щёки.

²⁰ Стола – верхнее женское платье с широкими рукавами.

²¹ Мейсен – город в Саксонии, на реке Эльба.

²² Угорский – венгерский, угры – венгры.

²³ Софья, дочь Изяслава – вымышленное лицо. По В.Н. Татищеву: «Гейс, король Венгерский, был женат на дочери князя Изяслава, от которой родился сей Коломан...» Но о каком Изяславе могла идти речь, непонятно. Если о муже Гертруды, Изяславе Ярославиче, то тогда родители Коломана оказались бы слишком близкими родственниками, двоюродными братом и сестрой, а подобные браки не разрешались католической церковью. Что касается генеалогии полоцких князей, то она изучена плохо. По другим сведениям, матерью Коломана и Альмы (Альмоша) была немецкая принцесса.

– Ещё бы! Не в первый раз на Руси! – Гертруда презрительно хмыкнула. – Ага, вижу отроков княжеских. Справа – худой, длинный, как жердь, Воикин, слева – Радко, пониже ростом, светловолосый. Ближние слуги моего сына, – добавила она, указывая на двоих молодцев в травчатых²⁴ кафтанах и лихо заломленных шапках-папах, медленно въезжающих в ворота вслед за угорской свитой королевичей.

Долгой вереницей втягивались в Гридшины ворота возки и кони. Казалось, не будет этому строгому стройному движению конца.

Шумом и гамом весёлым наполнялось княжеское подворье. Слуги Ярополковы сбились с ног, устраивая многочисленных гостей.

Гертруда, решив, что без неё такое дело не обойдётся, собралась уже покинуть башню, когда вдруг Кунигунда, указав пальчиком с розовым ноготком в сторону ворот, неожиданно спросила по-русски:

– А это кто есть? Одеты почему так?

Она говорила с сильным акцентом, растягивая гласные.

Гертруда, взглянув вниз, невольно вздрогнула и, к изумлению снохи и сватки, чертыхнулась.

Трое всадников в простых суконных вотолах²⁵ серого цвета неторопливо семенили по широкому подъёмному мосту через ров. Перед воротами они дружно спрыгнули с коней и далее повели скакунов в поводу.

– Чёрт ворогов принёс! – вознегодовала Гертруда. – Эх, сын, сын! Добр вельми, привечает тут всяких!

– И всё же, княгиня! Я должна знать! – настойчиво допытывалась Кунигунда-Ирина. – Кто эти люди?

– Ну так ведай: Ростиславичи это! Изгой безудельные! – бросила с раздражением Гертруда. – Верно, волости просить у твоего супруга приехали! Да вот шиш им!

Вдовая княгиня сложила пальцы в кукиш, высунулась из оконца башни и, смачно выругавшись, потрясла дланью в воздухе.

Внизу, видно, жест её заметили. Один из прибывших, рослый темноволосый юноша, безбородый, с тонкими вислыми усами и крупным носом с горбинкой, насмешливо улыбаясь, послал ей в ответ воздушный поцелуй, прокричав:

– Здорово, тётушка!

– Володарь, гад! – прохрипела возмущённая Гертруда.

Лицо её искажилось от злости и негодования.

– Изгой! Захребетники! – стиснув длань в кулак, грохнула им княгиня-мать по подоконнику.

– Прошу тебя, успокойся, дорогая княгиня. Лучше расскажи нам, что за люди эти Ростиславичи и почему они так плохо одеты? – попросила Кунигунда-Ирина.

Графиня Адела, не понимающая, в чём дело, удивлённо хлопала глазами, маленькая Анастасия, боясь Гертрудиного гнева, сильней прижималась к матери.

Кунигунда-Ирина ласково погладила её по голове, стараясь успокоить.

– Их дед Владимир²⁶ был старшим братом моего мужа, – начала нехотя рассказывать Гертруда. – Но он умер раньше своего отца. Поэтому его сыновья Ростислав и Ярополк не получили наследия в Русской земле. Мой покойный муж, да будет ему светлая память, не обделил

²⁴ Травчатый – с узорами в виде трав.

²⁵ Вотол – верхняя дорожная одежда, грубая, из валяного сукна. Существовали и дорогие княжеские вотола, украшенные жемчугами.

²⁶ Владимир Ярославич – старший сын Ярослава Мудрого, умер в Новгороде в 1052 году в возрасте 32 лет, за полтора года до кончины своего отца.

Ростислава и дал ему во владение Перемышль²⁷, а потом и самый Владимир. И ещё позволил выгодно жениться на Ланке, моей племяннице, дочери угорского короля Белы и моей сестры Рихезы. Коломану и Альме эта Ланка приходится родной тёткой. Но упрямый мальчишка Ростислав не оценил доброты моего дорогого супруга. Бросил он на Волыни жену и троих маленьких сыновей, убежал самовольно из Владимира и уселся на стол в Тмутаракани²⁸. Уговорили его на худое дело два новгородских боярина, Вышата и Порей. Ещё я слышала, что Ростислав увлёкся одной непотребной девицей-гречанкой. Да только не просидел он долго в Тмутаракани! Его отравил один грек. На пиру незаметно подсыпал в вино яд.

При слове «отравил» лицо молодой Кунигунды брезгливо поморщилось, она чуть слышно пробормотала:

– Какая мерзость!

– И что? Гнусный отравитель остался без наказания?! – спросила возмущённая графиня Адела.

– В Херсонесе²⁹ жители забили этого грека камнями. Да что о нём говорить?! Слепое орудие императора ромеев³⁰! – Гертруда брезгливо махнула рукой и продолжила: – Так вот! Узнав о гибели мужа, Ланка просила князя Изяслава отпустить её с детьми в Угрию. Хорошо, мой покойный супруг оказался не столь глуп. Ланку он отпустил, а сынов её удержал на Волыни. Опасался, что начнут они, как подрастут, сговаривать угров помочь им добыть волости на Руси.

– Грустная история, – качнула головой Кунигунда-Ирина. – Думаю, их матери было тяжело расставаться со своими детьми.

Гертруда внезапно злобно ухмыльнулась.

– Как бы не так! Неплохо их мать устроилась. Вышла замуж за короля Хорватии Димитрия! Живёт, как у Христа за пазухой. А эти... они сами по себе. Сидят без уделов, попрошайничают, отираются тут у нас на Волыни.

– Им, наверное, надо было дать города в держание, – сказала, морща гладкое чело, Кунигунда. – Чтобы они не воевали против нас.

– Глупость говоришь! – резко одёрнула её свекровь. – Гнать их надо взашей с Волыни! Всё князь Всеволод со своим сыном, они их привечают!

– Тот, который с тобой говорил – Володарь. Это старший?

– Нет, средний, – нехотя ответила Гертруда. – Самый из них старший – Рюрик. Такой же тёмный на лицо и волос, как Володарь, только ниже ростом. Эти двое пошли в мать, Ланку. Очи такие же, с раскосинкой, как у угров. А младший самый из них – Василько. Красавец! Белокурый, и глаза большие, голубые, и плечи широкие. Весь в отца своего, Ростислава.

К изумлению снохи, Гертруда неожиданно томно вздохнула. Вспомнила вдовая княгиня, как в давние времена не раз удатный³¹ молодец Ростислав проводил с ней время в ложнице³² в отсутствие мужа. И как безутешно рыдала она, хоронясь от супруга, сведав о кончине Ростислава в Тмутаракани. Его любила, а вот сынов его, особенно двоих старших, терпеть не могла, равно как и мать их, свою племянницу Ланку, не выносила на дух.

Княгини спустились из башни во двор. Гертруда поспешила отдать распоряжения челяди, графиня Адела засеменила за нею следом, Кунигунда же с дочерью удалились в бабинец³³. Молодая жена Ярополка хмурилась, настроение её после рассказа свекрови заметно ухудшилось. В голове стучало неведомое ранее, казавшееся жутковатым слово: «Изгой!»

²⁷ Перемышль – город в Западной Руси, на реке Сан, ныне – г. Пшемьсль в Польше.

²⁸ Тмутаракань (Таматарха) – ныне Тамань, в X–XII вв. – в составе Древней Руси, столица Тмутараканского княжества.

²⁹ Херсонес – древний город в Крыму, близ совр. Севастополя.

³⁰ Ромеи – византийцы.

³¹ Удатный (*др.-рус.*) – удалой, лихой.

³² Ложница – спальня.

³³ Бабинец – женская половина княжеского дворца на Руси.

Глава 2

Широко расставив ноги в тёмно-синих портах и высоких сафьяновых сапогах с боднями³⁴, облачённый в алый праздничный кафтан доброго лунского³⁵ сукна, двадцатипятилетний князь Ярополк, улыбаясь, распахнул двоюродным племянникам объятия, по очереди пылко расцеловав их в щёки. Пшеничная, торчащая клином борода тряслась от радостного смеха, он хлопнул сначала Володаря, затем Василька по плечу, промолвив:

– Экие молодцы удатные стали! А давно ли без портов по двору владимирскому бегали!

– И ныне портов у нас не лишка! – заметил вполголоса мрачноглазый старший из Ростиславичей, Рюрик.

Ярополк недовольно сдвинул пшеничные брови. Володарь досадливо глянул на брата и тихо шепнул ему на ухо:

– Не время! Погоди, после.

– Вот, поздравить тебя приехали, отметить именины твои. Не забудь уж, угости родичей, – обратился он к Ярополку, приложив руку к груди и чуть склонив голову.

Видя, что неприятный разговор, пусть хоть и на время, но откладывается, Ярополк вновь просиял.

– Нынче ловчие мои медведя погонят. Славную учиним охоту, Бог даст! А собачек моих видали? Экие добрые! – Ярополк взахлёб стал рассказывать, как в прошлый раз завалил он в пуще могучего тура³⁶, ударил его копьём, достал до самого сердца.

Братья, хмуро переглядываясь, слушали молча, изредка поддакивали, кивали головами. Младший, Василько, кажется, разделял восторг хозяина, голубые глаза его радостно блестели, двое же старших лишь из вежливости поддерживали беседу.

– Заутре на пир прошу, братья! Мёды, вина заморские застоялись в бочках. Яства обильные такожде вас ждут – не дождутся. А как попируем – тамо и на ловы соберёмся, – говорил без умолку Ярополк. – И княгини на ловы с нами поедут, и супруга моя, и мать, и иные тож. Хотят косуль да белок пострелять, потешиться.

– Гляжу, весёлая у тебя жизнь при дворе волынском, – с лёгкой усмешкой качнул головой Рюрик.

– Яства обильные, мёды рекой струятся, ол янтарный из бочек хлещет. Рай – одно слово, – вторил брату Володарь.

Намёки братии Ярополк хорошо понимал. Дескать, мог бы и нам по городку из своих владений выделить. Не много ли тебе одному – Волынь, Червонная Русь³⁷, Забужье, Туров с Пинском, Вышгород? Мы же безудельные, лишь милостью дяди твоего, Всеволода, кормимся. Дядя к тебе добр был, к нам же – не шибко, вот и ходим мы в кафтанах латаных, в постолах³⁸ старых да драных. А ведь, как и ты, братец, одного рода княжеского.

Но молчали куда братья Ростиславичи, не спешили заводить серьёзную толковню³⁹, улыбались натянуто, благодарили за приглашение, за то, что не забывает их Ярополк.

³⁴ Бодни – шпоры.

³⁵ Лунский (*др.-рус.*) – английский.

³⁶ Тур – вымерший крупный дикий бык, объект охоты. Весил до 800 кг.

³⁷ Червонная Русь – область на юго-западе Руси, то же, что Галиция. Главные города – Перемышль, Теревовля, Свиноград (Звенигород-Червенский).

³⁸ Постола – обувь на Руси, из кожи или из шкуры с шерстью.

³⁹ Толковня (*др.-рус.*) – разговор.

Они сидели в долгом просторном покое в одной из теремных башен. Эту палату с майоликовыми⁴⁰ щитами на стенах и травчатой муравленой печью князь с дворским отвели троим братьям на время празднеств. В слюдяные окна бил солнечный луч, со двора доносились громкие оклики стражей.

Ростиславичи расположились на лавке у стены, Ярополк же расхаживал по палате, размахивая руками. Наконец, решив, что достаточно уделил своим родичам времени, он заключил:

– Ну, отдыхайте с дороги, братья. Мне, извиняйте уж, недосуг с вами тут.хлопоты различные. Гостей много съехалось.

Лицо его в очередной раз озарила улыбка, он поспешил покинуть двоюродных племянников и исчез в дверях покоя.

Ростиславичи некоторое время сидели молча. Володарь достал кремень, трут и кресало, высек искру, зажёл на поставце лампадку, установил возле неё маленький походный образок апостола Иоанна Богослова – своего небесного покровителя, положил крест.

– Что, молиться будешь? – спросил Василько.

– И не устал, братец? – насмешливо добавил Рюрик. – Не молитв же ради мы здесь. Думаю, как толковню с Ярополком начать. И когда к нему лучше подступить?

– После ловов. Еже добыча знатная будет, смягчится Ярополк. Может, нам тогда что и перепадёт, – хмуро промолвил Володарь. – И, главное, чтоб сия ведьма Гертруда поблизости не приключилась. Тётушка, чтоб её черти унесли!

Он трижды плюнул через левое плечо.

– Обидно се. Обидно и стыдно, братья! Будто попрошайки мы какие, но не князья! – вспыхнул вдруг Василько. – Ездим, кланяемся – то Всеволоду, то сыну его, Владимиру Мономаху, то Ярополку вот топерича! А мы – князья, такие же Ярославовы внуки, такие же потомки святой Ольги и Владимира Крестителя! И по ряду, по лестнице уделы нам в Русской земле положены!

– Оно так, – протянул Рюрик, морща чело. – Да токмо⁴¹ рать начинать мы не хотим. Миром мыслим дела наши порешить.

Володарь внезапно предостерегающе поднял вверх перст и прислушался. Затем он крадучись подошёл к двери и резко её распахнул. Чёрная тень метнулась по переходу, скользнув по стене. Тихие шаги простучали по крутой винтовой лестнице вниз.

– Подслушивают, подручные Ярополковы, чтоб их! – Володарь сокрушённо качнул черноволосой головой. – Нигде тут не схоронишься. В общем так, братья. Языки покуда за зубами держим. Особо здесь, в тереме этом. Потом, позже найдём место, где и о чём потолковать.

Братья понимающе кивнули.

⁴⁰ Майоликовый – изготовленный из обожжённой глины, покрытый глазурью и красками.

⁴¹ Токмо (др.-рус.) – только.

Глава 3

Быстроногая косуля вихрем неслась меж раскидистых дубов, то скрывалась из виду её светло-коричневая упругая спина, то снова мелькала впереди. Увлечённый погоней, Володарь гнал скакуна галопом, вонзая ему в бока острые бодни. Вот сходу проскочил конь журчащий, изрыгающий белое пенное крошево ручей, взметнулся вверх по склону крутой гряды, вознёсся на вершину, помчался дальше, ломая тонкие ветки прямоствольных осин и топча густой кустарник.

Косуля обогнула небольшую лесную поляну, выбежала на тропу. Лес стал реже, замаячила перед глазами Володаря неширокая, заросшая высокой травой и кустарником просека. Он натянул тетиву лука, прицеливаясь. Внезапно косуля остановилась, вздрогнула, замерла на месте, затем медленно стала падать на бок. Вылетевшая со стороны поляны стрела впиалась ей под лопатку.

Володарь круто осадил коня, стал оглядываться по сторонам, кусая от досады губы. Кто-то опередил его. Видно, добрый стрелок. Сердца животного достигла оперенная, вмиг, разом повалив сильную, быстроногую косулю.

Зашуршала громко листва. На тропу выехал всадник в алом плаще дорогого ромейского шёлка, под которым поблескивала лёгкая кольчатая бронь, и в шапке с парчовым верхом. По посадке на лошади Володарь сразу определил, что это женщина. Когда же он подъехал ближе, то узнал с изумлением молодую княгиню Кунигунду.

– Твоя работа? – с усмешкой спросил он, указывая на косулю. – И почему ты тут одна? Где твои слуги, княгиня?

Кунигунда в ответ звонко расхохоталась.

– Слуги? – переспросила она. – Тебя занимают слуги? Они далеко. Отстали... Не угнаться им за моей Ласточкой.

Княгиня любовно погладила по холке свою гнедую кобылку.

– Однако ловко ты. – Володарь спешил.

Медленно и осторожно стал он доставать стрелу из тела убитого животного.

– Хотела тебя опередить. – Княгиня снова рассмеялась. – Все мужчины ушли ловить медведя. Ты почему не пошёл?

– Там без меня охотников хватит. Не люблю, когда много людей.

– В этом ты похож на меня. Помоги мне сойти с лошади.

Он подставил руки, Кунигунда резко спрыгнула и очутилась мгновение спустя у Володаря на руках.

Длань женская обхватила его за шею. Ростиславич чуть шатнулся, но устоял на ногах. Осторожно опустил он женщину на землю, поставил на ноги перед собой.

– Ну вот, княгиня Кунигунда. Сейчас мы положим твою добычу на коня и привяжем к седлу. А сами лучше пойдём пешими, – предложил Володарь.

– Называй меня Ириной. Это моё крестильное имя. Мне не нравится «Кунигунда». Както дико. Как будто я язычница, варварка. А я – русская княгиня. Запомни: Ирина, – повторила она.

В лучистых голубых глазах играли весёлые смешинки. Прекрасной вилой⁴² лесной казалась Володарю молодая княгиня, он зачарованно пробормотал:

– Ирина! Княгиня Червонной Руси!

– Вот-вот! Я вижу, ты запомнил!

⁴² Вила – божество у древних славян, лесная нимфа.

Голосок нежный, с заметным акцентом растягивающий гласные, дурманил, завораживал, кружил голову.

Когда тебе всего двадцать один год, трудно удержаться от восхищения женской красотой. И Володарь, сам не понимая, как всё это случилось, заключил прекрасную княгиню в объятия и страстно расцеловал её в пылающие уста.

Ирина ответила столь же страстным поцелуем, но затем решительно отодвинула Володаря от себя, уперевшись кулачками ему в грудь, строго свела в линию брови-стрелки и промолвила:

– Не делай так больше... Не можно... У меня муж – князь... Узнает – накажет тебя... Нет... Не надо.

Она игриво погрозила ему пальчиком с широким металлическим кольцом для защиты при стрельбе и опять залилась весёлым смехом.

– Пойдём. Нам надо искать дорогу к стану. Далеко мы ускакали. – Ирина подняла вверх голову, глядя на высокие, одетые ожерельями ярко-зелёной листвы верхушки обступивших их могучих дубов.

– Извини, красавица! – Щёки Володаря запылали от смущения. – Я... я не должен был...

– Это ничего... Это так и должно было быть... Почему ты до сих пор не женат, князь Володарь? – спросила Ирина. – И ты, и твои братья... Надо тебе жениться... Тогда не будешь целовать чужих женщин...

– Где же я и мои братья станем держать жён? В дорожном мешке, что ли? Ведь мы – изгои, мы не имеем, как твой супруг, городов. Лишь из милости кормят нас старшие князья. Какой же владетель или боярин знатный, захочет отдать за нас свою дочь или сестру? – Володарь грустно вздохнул.

Ирина промолчала. Кукольное личико её сразу стало серьёзным.

Володарь уложил убитую косулю поперёк седла княгининой лошади и привязал её крепкими ремнями, после чего, взяв под уздцы обоих скакунов, тронулся вдоль тропы. Княгиня шла рядом, срывая растущие вдоль дороги цветы и складывая из них венки.

Долго они шли молча. Наконец Ирина заговорила вновь:

– Мы правильно идём. Скоро достигнем стана. А тебе надо жениться и попросить дядю Всеволода, чтобы дал тебе удел – город, достойный князя. Жена станет рожать детей. Наследники будут у тебя.

Володарь в ответ лишь грустно усмехнулся и коротко промолвил:

– Там будет видно. Поглядим.

Щебетали птицы на деревьях. Ласково грело летнее солнышко. Шелестели зеленью дубы и грабы. Шли по лесу, любуясь его величавой красотой и друг другом, двое молодых людей. Знали прекрасно, что между ними – пропасть, что у каждого из них – своя жизнь, но едва сдерживались, чтобы снова не соединить уста в жарком поцелуе. Отвлекались, болтали оба невесте что, но стучали трепетно сердца. Володарь сам не понимал, что с ним творится. Он слышал тонкий Иринин голосок, смех её, и по всему телу его растекалась нежность. Думалось с отчаянием: «Ну вот почему, почему она не моя?! Почему этому дурню Ярополку досталась? Чем он меня лучше?!»

Меж тем Ирина рассказывала:

– Ты ведь знаешь Коломана, племянника короля венгров? Конечно, он тебе – двоюродный брат. Твоя мать Ланка – его родная тётка. Так вот: этот Коломан влюбился в меня. Косматый, хромой горбун, кривой на левое око, ему дорога в епископы, в монастырь, а он... Было дело в Эстергоме⁴³. Я гостила у короля Ласло, его дяди. Коломан и Альма... Они кололи дрова во дворе замка... Так смешно!.. Промахивались топором мимо колоды... Я не выдержала, захо-

⁴³ Эстергом – в X—XIII веках столица Венгерского королевства, город на правом берегу Дуная, севернее совр. Будапешта.

хотала... Они заметили... После в замке Коломан как будто из стены вышел. Я испугалась... Он полез целоваться... Ударила его по щеке... Взвизгнул, ушиб свой горб о стену... Потом ещё лез... Его ухаживания стали невыносимы... Моя мать пожаловалась королю, и его величество при всех пристыдил своего племянника... Теперь он, увидев меня, низит глаз и отворачивается...

– Плохо, меня там тогда не было, – молвил Володарь. – Я бы этому Коломану показал! Надавал бы ему тумаков! Как он осмелился приставать к тебе?! Урод!

– А мне его немножко жалко! – вздохнула Ирина.

– Нечего его жалеть. Знаю я его хорошо, поверь. Умеет обратить своё уродство себе на пользу. Да и потом... Коломан – владетельный принц, один из наследников угорской короны. У него и невеста есть – дочь сицилийского герцога. Не то что мы – изгои!

Володарь тотчас подумал, что зря сказал последние слова. Ирина ничего не ответила ему, лишь посмотрела выразительно голубыми своими глазами, в которых читалось участие.

– Я слышу голоса. Это мои слуги! – прислушавшись, сказала княгиня.

– Нам лучше расстаться. Нас не должны видеть вместе. – Володарь поспешил взобраться на коня и, не глядя более на свою спутницу, круто отвернул в сторону. Он долго пробирался сквозь густую чащу, пока наконец не окликнули его показавшиеся впереди братья.

– Эй, ты куда подевался? Два часа тебя ищем, – проворчал, сурово сдвинув лохматые чёрные брови, Рюрик. – Где ж ты был столько времени?

– Да погнался за косулей.

– Ну и что, где добыча? Ушла?

Володарь угрюмо кивнул. Перед очами его всё стояла исполненная веселья молодая Ирина, он словно бы купался в её голубых глазах, а уста его ещё горели от сладострастного поцелуя.

Братьям он после рассказал о случившейся встрече. Рюрик лишь буркнул недовольно:

– Хорошо хоть, ума у тебя хватило не показываться с ней на людях.

Василько же промолвил с добродушной улыбкой:

– Разумею тя, братец! Красная жёнка – княгиня! И я б не удержался!

Младший Ростиславич в свои восемнадцать лет был по уши влюблён в хорошенькую дочь волынского боярина Вышаты Остромировича, Анну, но о предложении руки и сердца покуда и не помышлял. Сперва надо было братьям получить какие-никакие уделы. В том и состояла их нынешняя забота.

Вечером после ловов, когда княжеские слуги жарили на костре убитую Ириной косулю, восхищаясь меткостью и охотничьей сноровкой молодой княгини, братья решили-таки приступить к Ярополку со своей просьбой.

Сидели в богато убранном шатре волынского владетеля, на обшитых бархатом кошмах, смотрели на вначале насторожённое, а после брезгливо-недовольное лицо Ярополка, понимали, что многого им от него не добиться.

Говорил Рюрик:

– Одного мы корня, одного деда внуки. Начертано же в завещанье князя Ярослава Стольнокиевского, Мудрым наречённого, что Земля русская есть владение общее нашего рода. Вот и хотим мы получить от тебя, княже, города. Многого не просим, дал бы нам токмо отцовское бывшее владение, города Червонной Руси – Перемышль, Свиноград да Теробовлю. Верно служить тебе станем. От ворогов вместе борониться будем. На нас в любом деле сможешь ты положиться.

Долго молчал, хмурая высокое чело, Ярополк. Давеча думал он думу со своими боярами, и присоветовали они отослать братьев-изгоев в Киев, ко князю Всеволоду. Пусть он решает их судьбу.

Поразмыслив, ответил Ярополк Ростиславичам так:

– Давно ли я сам, как и вы, мыкался по землям чужим! Вас хоть с Руси никто не гонит, а я аж до Рима самого доскакал. Ныне же старший на Руси князь – стрый⁴⁴ мой Всеволод. Он меня наделил волостью. Ежели отдам я вам города, которые вы просите, то, получается, супротив воли его пойду. А воевать со стрьем я не хочу. Потому ничего дать вам не могу. Совет токмо дам. Езжали бы вы в Киев. Чай, князь Всеволод без уделов вас не оставит. Русь велика. Сыщется, верно, и для вас уголок.

Это «уголок» неприятно резануло Володарю слух. Понял он, что пустая затея – просить у Ярополка волостей.

Он первым из братьев поднялся на ноги и процедил сквозь зубы:

– Спасибо тебе, князь, за совет добрый. Так мы и поступим.

Ярополку он не поклонился, повернулся и вышел тотчас из шатра. Следом за ним поспешили и Рюрик с Васильком.

– Заутре воротимся во Владимир, соберёмся и отъедем, – бросил Володарь через плечо братьям.

– И куда? – спросил Василько.

– Там поглядим, – коротко отмолвил ему Рюрик. – Может, к матери в Хорватию, на Дунай, может...

Он не договорил и выразительно переглянулся с Володарем.

Братья укрылись в своей веже. Почти до утра они не сомкнули очей. Каждый из троих думал, как же им теперь быть.

⁴⁴ Стрый (*др.-рус.*) – дядя со стороны отца.

Глава 4

Не одни Ростиславичи не спали в эту ясную лунную ночь. В шатре Ярополка при неярком свете свечей совещались, жарким шёпотом перебивая порой друг друга, трое людей.

Князь Ярополк, облачённый в пурпурный кафтан с узорочьем по рукавам, вороту и подолу, с толстой золотой цепью на шее в три ряда, больше слушал. Ближний боярин княжеский, Лазарь, кряжистый, широкобородый муж лет сорока, время от времени вытирая с чела шёлковым платом обильный пот, сидел от него по правую руку, по левую расположилась княгиня-мать. Вдовье чёрное платье по-прежнему облегалo её худощавое тело. Лицо покрывал густой слой белил. Гертруда говорила хриплым грудным голосом, уста её нервно подрагивали.

– Не друзьями ушли от тебя Ростиславичи. Не успокоятся они, сын, поверь мне. Ковы⁴⁵, козни строить начнут против тебя. Не знает никто, как и князь Всеволод себя поведёт. Коварен твой стрый. Мне ли не известны его лукавства! Возьмёт да и отдаст Рюрику с Володарем Перемышль или какую другую из твоих волостей.

– Что же мне делать? Что предлагаешь, матушка? – Серые глаза Ярополка беспокойно забегали.

– Взять их надобно всех троих – да под стражу крепкую! В поруб⁴⁶ сунуть, пусть сидят! – выпалила злобно Гертруда.

Она давно уже не шептала, говорила громко, и боярин Лазарь стал опасливо озираться по сторонам – не услышал бы кто невзначай их толковню.

– За них могут заступиться их родичи в уграх и в Хорватии. Как бы не началась война, – озабоченно пробормотал он.

– Ха! – презрительным смешком оборвала Лазаря Гертруда. – Да кому они нужны, изгои! Родная мать, и та их, малых, бросила! Хорваты далеко, а у угорского короля свои заботы. У него война с германским императором, до Ростиславичей ли ему?!

– А что, княгиня, ты права, – поддержал её наконец Лазарь.

– Что же вы хотите?.. Чтобы я... Сперва в гости их, а потом... Нет, мать... Обманом, лукавством... – Ярополк испуганно затряс светлорусой головой.

– Сын! – гневно вздёрнула вверх голову Гертруда. – Не здесь и не сейчас хватать их надо. Во Владимир возвращаться станем – тогда. И не мешкай. Сердце моё чует – будет иначе нам от Ростиславичей лихо! Вороги они тебе и твоим чадам! И запомни: никого нет на свете хуже безудельных родичей! Нож в спину – вот их оружие!

– Как поедem с ловов, – продолжила она, заметив, что сын в конце концов убеждён, слоmlен и готов последовать её совету, – вели Радко с Воикином повязать всех троих. В возок швырнут, охрану учинят, а оттуда прямо и в поруб. Нечего с врагами нянькаться!

– Хорошо, мать, – после недолгого молчания хмуро вымолвил Ярополк. – А в чём их вина? Что я скажу тому же Радко?

– Что козни они строят, скажи. Что стол владимирский у тебя отнять хотят. Что и среди бояр, и среди простого люда смуту сеют.

– Ну, дак ведь не было вроде сего, – Ярополк развёл руками.

– Вроде! – недовольно хмыкнув, передразнила его Гертруда. – Если потребуется, найдём видоков⁴⁷. Что надо, скажут. Да токмо князю, сын, не пристало пред кем бы то ни было оправдываться. Гордость иметь надо! – заключила она, подавляя наконец в душе сына всякие сомнения.

⁴⁵ Ковы – коварные замыслы.

⁴⁶ Поруб – тюрьма; яма со срубом, куда сажали провинившихся.

⁴⁷ Видок (др.-рус.) – свидетель.

Разговор был окончен. Боярин Лазарь первым вышел из шатра. У порога стояли оруженые копьями верные княжеские гридни. Но ни они, ни бдительный Лазарь, ни Гертруда, решительным движением отодвинувшая войлочную занавесь, не заметили, как метнулась от шатра и утонула во мраке ночи чья-то тень.

Глава 5

Лагерь ещё спал, когда к веже Ростиславичей подкрался некий человек в лёгком дорожном вотоле и сунул в руки усталого Володаря берестяную грамотку.

– От королевича Коломана и королевы Свентославы, – шепнул он, тотчас скрывшись в густых зарослях кустарника.

«Ярополк и Гертруда хотят вас схватить. Немедленно бегите. Укройтесь в Унгваре⁴⁸. Желаящая вам добра королева чехов и моравов Свентослава. Брат ваш Коломан Арпад, сын Гезы», – значилось на кусочке бересты.

Взволнованный Володарь дал прочесть грамоту братьям.

– Очень похоже на правду, – заметил Рюрик.

– Почерк Коломана, – узнал Володарь аккуратную вязь двухродного братца.

– Да не лукавит ли он? – засомневался Василько. – Не думаю, что на этакое коварство Ярополк способен.

– Он, быть может, и нет, а Гертруда, конечно, способна! – Володарь ещё раз со вниманием прочёл грамоту и бросил её гореть в чадающий дымом костёр.

– А может, то враки всё и в Унгваре полон нас ждёт? Коломан-то ить, верно, столь же коварен, яко и Гертруда, – продолжал сомневаться младший Ростиславич.

– Это так. Но сейчас Коломану какая выгода избавиться от нас? Угры враждуют с немцами, а Ярополк – друг немцев, – возразил ему Рюрик.

– Тут ты не совсем прав, Рюриче. Ярополк, он скорее – друг римского папы, но не императора Генриха. – Не согласился со старшим братом Володарь. – Потому и чешская тётка подписалась в сей грамотице. Её супруг – вассал императора, воевал на его стороне. Ясно другое: и Коломану, и чехам не нужен сильный сосед на Вольни, который мог бы вмешаться в их дела. Король угров Ласло⁴⁹, я слышал, пожаловал Коломану во владение Нитранское княжество. Это земля словаков, совсем недалеко от Перемышля.

– Иными словами, ты предлагаешь нам бежать? – Рюрик вопросительно уставился на Володаря.

– А что мы теряем? Ярополк всё равно не собирается наделять нас городами. Вот мы обиделись на него и решили отъехать. Сей же час, немедля! Почему нет? – Володарь пожал плечами. – В Унгвар пока не поедем, затворимся в Перемышле, там много верных нам людей. А как быть дальше, после помыслим.

...Трое всадников, наскоро оседлав ретивых скакунов, скрылись в предрассветной мгле в близлежащей к стану дубраве. Час спустя за ними была послана погоня, но уже и пыль улеглась на шляхе от копыт скачущих резвым галопом коней. Братья поспешили укрыться за стенами неприступного Перемышля.

...Гертруда, задыхаясь от злости, терялась в догадках. Кто же, какой переветник мог предупредить её врагов? Подозрения её пали на боярина Лазаря, но того не дал в обиду Ярополк, назвав «верным человеком».

Яростно кусала княгиня-мать уста, стискивала в кулаки руки, ругалась, поминала чёрта, сыпала проклятия – всё было тщетно.

За шумом и суетой в лагере она не заметила, как молодой угорский королевич Коломан лукаво подмигнул своим единственным видевшим глазом чешской королеве Свентославе, и та ответила ему тем же, прикрывая ладонью рот, чтобы не рассмеяться.

⁴⁸ Унгвар – ныне Ужгород, город в Закарпатье. В описываемые времена принадлежал Венгрии.

⁴⁹ Ласло (Владислав) – король Венгрии в 1077—1095 годах, дядя Коломана.

Глава 6

– Ты же проводчик, Радко! Не впервой распутывать тебе паутины ков и кознодейств различных! – Ярополк торопливо вышагивал по горнице владимирских хором. – Сыщи, кто упредил гадов сих, Ростиславичей! Почто столь скоро улизнули они из моих рук?! Кто ворог мой?! Из бояр, из иноземцев?! Может, подслушал кто нас ночью в шатре, совещались когда, да передал?!

Широкоплечий, статный богатырь Фёдор Радко исподлобья взирал на размахивающего руками князя, с едва заметным неодобрением переводил взгляд на восседавшую на скамье княгиню Гертруду, крутил перстом вислый рыжеватый ус. Дождавшись, когда Ярополк замолчит, сказал веско:

– В обчем, попробую разузнать. Хотя и трудное вельми сие дело.

Облачённый в лёгкий полукафтан с бахромой по подолу, в расширенных у колен шароварах и высоких угорских кавалерийских сапогах, широколицый, с коротко остриженной бородой, светлоглазый волянянин, дружинник Радко внушительным видом своим всякий раз вселял в Ярополка уверенность. Побольше бы таких, как он, иметь в дружине! С такими и сам чёрт не страшен!

Едва только, поклонившись князю, Радко отправился выполнять поручение, как молчащая доселе Гертруда с сомнением хрипло спросила сына:

– Думаешь, сведает?

– А как же! Этот – сведает!

– Жаль, ускользнули от нас вороги! Топерича жди лиха! – вздохнула вдовая княгиня, глянув в слюдяное оконце.

За крепостной стеной вдали зеленел лес, полуденное солнце нещадно палило, в горнице было душно и жарко.

Оставив сына, Гертруда вышла на гульбище⁵⁰. Свежий ветерок приятно дунул в лицо. Слабо улыбнулась княгиня-мать, заметив у столпа играющих внучат – Ярослава с Вячеславом. Будущая надежда Воынской земли! И тотчас тревожно забилося сердце. Володарь с Рюриком – вороги! Сих маленьких чад супротивники злые! От их козней предательских готова была Гертруда, как птица птенцов укрывает крылами, упрятать, оберечь своих внуков.

Пока же она играла с ними, брала на руки, сажала себе на колени, целовала обоих чад. Стало на душе легче, но тревога всё же не улеглась, не прошла. Где-то в глубине души сидела неприятная мысль – вороги не успокоятся. Рати грядут...

...Фёдор Радко первым делом заглянул в гридницу⁵¹ и расспросил нёсших в ту ночь охрану княжеского шатра воинов, не заметили ли они чего подозрительного.

– Да вроде ничего не было. Тихо было, – задумчиво почесал кудлатую голову долговязый Воикин. – Хотя... Погоди-ка! Княгинину косулю мы на костре жарили, потом кабана заколотого. То уже после смены гридней было. Подсел к нам угорец один... Как же его...

– Жольт! – вспомнил молодой торчин Улан. – Ещё вином нас угощал... Вроде и выпил немного, а голова кружилась сильно, и в сон клонило, когда в дозоре стоял.

– Вот как! Угорец... Он тебе, Воикин, подозрительным не показался ли? Может, говорил что? – продолжал допытываться Радко.

– Да вроде нет. Пил с нами вместе. Говорил, что земли наши – соседние, что русских он любит, а вот немцев недолюбливает. Какой-то замок его в уграх разору они предали, – рассказывал, припоминая ночную толковню у костра, Воикин.

⁵⁰ Гульбище – открытая галерея с колоннами в древнерусских княжеских дворцах.

⁵¹ Гридница (гридня) – помещение в княжеских хорах, где жили гридни.

– А потом куда он делся?

– Да ушёл. Сказал, что королевичи и мать их ждут его к себе. Служба, мол, как и у нас.

– А ты б, Воикин, узнать сего угорца смог ли?

Долговязый дружинник пожал плечами.

– Я его признаю, – заявил уверенно Улан.

– Потом вот ещё что... Когда стража сменилась, совещались князь со княгиней Гертрудой и боярином Лазарем в шатре... Уже разошлись когда они, тогда Жольт и приходил. А опосля... сам Коломан к нашему костру приполз, – стал рассказывать проводивший ту ночь у другого костра отрок Дмитрий. – У нас у всех уже глаза слипались, спать охота была, а ему, вишь, мяса кабаньего отведать захотелось. Ну, угостили мы его печёнкой с луком. Сидел, нахваливал... А потом, невзначай будто, и спросил: чего енто князь ваш Ярополк не спит в час столь поздний? Али дела какие важные проворит? Ничего мы ему не ответили, смолчали. Ну, он вроде как о том более и не баил. Всякую чепуху болтал... Псалмы чёл, на небо глядел одним оком, звёзды считал... Урод, он урод и есь! Потом мёд пил, говорил, невеста, мол, к ему едет, нурманка какая-то, откуда-то чуть не с Сицилии, с моря Средиземного. Вот и хочет он последними деньками свободной жизни насладиться, вина доброго попить да на небеса чистые глянуть. Да красой жёнок русских полюбоваться. Вздыхал, хвалил княгиню Ирину.

– Ну, а после... – Радко нахмурился. – Как ушёл он и когда?

Дмитрий с виноватым видом опустил голову.

– Не углядели мы, Фёдор... Сон нас сморил. Да ещё Коломан ентот... Пел сладко в уши всякое... Долго он у костра сидел...

– Эх, вы! Сторожа! – Радко презрительно сплюнул. – Упились медов – и ворогов козни проглядели! Эй ты! – окликнул он Улана. – В обчем, тако. Пойдём-ка в палаты, где угры остановились. Узришь Жольта сего, скажешь тотчас.

Вдвоём они поднялись на верхнее жило, пропетляли по винтовым лестницам и переходам, зашли в гридню, где размещалась свита королевичей.

– Побудь тут покуда. А я с Коломаном и матерью еговой пообщаюсь, – молвил Радко, снимая портупею с мечом и отдавая её одному из стражей. – Сопроводи! – велел он угру на его языке.

...В палатах королевичей стоял терпкий запах ладана. Коломан, в наброшенном на узкие плечи жупане⁵² тонкого сукна, маленький, горбатый – в чём душа держится – утопал в мягком кресле, вытянув ноги к печи, в которой весело потрескивали дрова. Несмотря на жару, он мёрз. Тёмные прямые волосы неровно ниспадали королевичу на лоб, чёрный глаз светился лукавинкой, сухие жёлтые руки перебирали цветастые чётки.

– Ты хотел меня видеть? – С наигранным удивлением Коломан повернул к Фёдору своё немного скуластое, смуглое лицо с небольшим прямым носом и тонкими губами под узкой ленточкой усов. – Я слушаю тебя.

Мать Коломана, Софья, дочь Изяслава Полоцкого, весьма пожилая полная женщина с округлым лицом, рябая и курноса, облачённая в голубое парчовое платье, находилась здесь же, возле сына.

«Вовсе не похож на мать», – подумал Радко, глядя на грубоватые черты лица вдовой королевы угров.

– Пришёл спросить тебя, сын короля Гезы. Ведом ли тебе некий Жольт? Он слуга твой, мечник⁵³. Ночью после охоты он приходил к княжескому шатру и пил вино с нашими дружинниками.

⁵² Жупан – теплая верхняя одежда, то же, что зипун.

⁵³ Мечник – вооружённый мечом воин, а также должность в некоторых средневековых государствах.

– Жольт? – переспросил Коломан. – Человека с таким именем нет в моей свите. Я бы запомнил. Княжеское имя. Его носил один из моих предков. У меня есть Стефаны, Бенедикты, Дьюлы. Есть даже один Людовикус. Но Жольта я не знаю.

– И я не ведаю такого слугу, – подтвердила Изяславна.

– Вы, должно быть, слышали о том, что трое братьев Ростиславичей пренебрегли гостеприимством князя Ярополка. Вчера на рассвете они бежали из стана.

– Кирие элейсон!⁵⁴ Полагаю, не стоит придавать большого значения этому рядовому событию. Ну, убежали, и что? – Коломан передёрнул плечами. – Из-за чего вы все всполошились? Да мало ли какие могут быть дела у этих людей? Может, их пригласил на службу какой-нибудь владетель? Ведь они не обременены уделами, землями, они – люди свободные. Или не так?

– Братья скрылись подозрительно быстро, – заметил Фёдор Радко. – Не вложил ли им в уши какой-нибудь недоброжелатель неверные слова? Может быть, кто-то хочет рассорить Ростиславичей с князем Ярополком?

– И кто, по-твоему, это мог бы быть? – спросил, презрительно усмехаясь, королевич.

– Мыслю, такие люди могли сыскаться и в твоей свите.

– На чём основаны твои обвинения, дружинник Радко?! – Теперь Коломан уже не усмеялся, гневом зажёгся его глаз. – Только на том, что вашим полупьяным гридням мерещится в ночи невеста что?! Лидерц⁵⁵, или Вашорру-баба⁵⁶! Могу сказать, что и я сам прошлой ночью какое-то время провёл с вашими людьми. Они угощали меня кабаньей печёнкой.

– Никто не обвиняет тебя ни в чём, светлый королевич! Упаси Господь! – поспешил успокоить Коломана дружинник. – Просто моего князя не покидает мысль о том, что кто-то хочет сравнить его с братьями Ростиславичами.

– Кирие элейсон! Он что, болен, твой Ярополк?! – огрызнулся Коломан. – Сдаётся мне, что он попал под злые чары своей матери, Гертруды! Слушается её во всём. А у вдовой княгини слишком большое воображение!

– Нравная и жестокая она жёнка! – брезгливо наморщив свой короткий курносый нос, добавила Софья Изяславна. – По её велению в Киеве во время смуты умертвили семьдесят человек! И ещё многих невинных ослепили!

– Ступай и скажи своему князю, Радко: пускай не мешает он нас в свои дела. Пускай сам разбирается со своей братией! – властно изрёк Коломан.

Радко, откланявшись, вышел. Он был почти уверен, что без угров взволновавшее волынский двор событие не обошлось. Дружинник воротился в гридницу и глазами поманил к себе Улана. Снова шли они по долгим переходам дворца. Уже во дворе Радко вполголоса спросил:

– Ну что? Узнал Жольта?

– Как же. Сидит тамо, с иными вместиах.

– Тогда бери троих отроков в помощь. Выманите его из гридни, скажите, что хотите угостить вином, схватите и притащите в поруб. Понял?

– Понял, Фёдор. – Улан не мешкая убежал исполнять поручение.

...Едва Радко покинул палату, в которой говорил с Коломаном, королевич резко вскочил с кресла.

– Мать, нам надо спешить. Ты видела, он обо всём догадывается. Чёрт нас дёрнул вступить за Ростиславичей! Всё княгиня Кунигунда-Ирина! Явилась тайно среди ночи, в одежде монахини, просила, умоляла! – Коломан вздохнул. – Красива, как русалка, как вила лесная! Ей я не смог отказать! Попал под её чары! Кирие элейсон! Грехи тяжкие! Одного не пойму:

⁵⁴ Кирие элейсон! (*греч.*) – Господи, помилуй!

⁵⁵ Лидерц – в венгерской мифологии вредоносное существо, злой дух.

⁵⁶ Вашорру-баба – в венгерской мифологии злая ведьма, аналог русской Бабы-яги.

зачем она так усердно хлопочет о Ростиславичах? Послал к шатру Ярополка Жольта, потом сам ходил к волынским вежам, расспрашивал гридней и отроков. Понял, что в самом деле готовят злое дело Ярополк и Гертруда... Да, матушка, упреди королеву Свентославу! Это она меня убедила черкнуть ту проклятую грамоту! Думаю, что у неё тоже побывала Кунигунда-Ирина! А я пойду, скажу Альме. Бросал бы свои охотничьи забавы! Не время им предаваться! Влезать в русские свары – последнее дело, матушка! Сама об этом хорошо знаешь. Сегодня же выезжаем в Нитру! Кирие элейсон! Грехи тяжкие!

Вдовая королева согласно кивнула головой. Поправив ладонью выбившиеся из-под цветастого повойника со сказочными жар-птицами седые волосы, шурша парчой, спустилась она в гридню и стала отдавать короткие властные распоряжения:

– Готовьте возки, седлайте коней! Довольно, нагостевались! Пора и честь знать!..

В сумерках Радко постучался в камору для тайных свещаний, расположенную в одной из теремных башен княжеского дворца.

Ждали его там Ярополк, Гертруда и боярин Лазарь.

– Ну?! Что?! – нетерпеливо потребовала ответа княгиня-мать.

– Вызнал я. Упредили Ростиславичей Коломан и королева Свентослава. Споймали мы угорца, кой возле шатра вашего ночью отирался. Всё на дыбе выложил, подлец! Баит, Коломан его подслушивать посылал. Сведаль откуда-то горбун о толковне вашей! Вот токмо откуда, сей Жольт не говорит. Думаю, не ведает.

– Всюду вороги! Сын! – обратилась Гертруда к Ярополку. – Вели задержать угров и чехов! Пускай ответ за свои делишки держат! В поруб швырни подлеца-горбуна и гадкую кознодейку Свентославу!

– По-твоему, я вовсе дурак, что ли?! – неожиданно заорал на неё Ярополк. – Не стану я из-за Ростиславичей со всеми соседями враждовать! Им-то токмо того и нать!

– Воистину, – глядя окладистую бороду, согласился с князем боярин Лазарь.

Гертруда, презрительно хмыкнув, на сей раз промолчала. Понимала она, что зашла слишком далеко. В ту же ночь втроём они составили грамоту и отослали гонца в Перемышль к Ростиславичам.

В грамоте сей, украшенной вислой свинцовой печатью, содержались горячие заверения Ярополка в дружбе и любви к своим двухродным племянникам. Но о наделении волостями безземельных родичей не было написано ни слова.

Глава 7

К югу от обведённого буковыми стенами и городнями⁵⁷ Перемышля простирались густо поросшие лесом увалы⁵⁸ Карпат. Среброструйный Сан, петляя и извиваясь, словно змей, выделяющая крутые повороты, подступал к городу с другой, полуночной, стороны. И шли дороги, пути торговые. Один из них вёл через земли угров и чехов в Прагу и дальше в немецкий Регенсбург. Другой шлях тянулся в Киев, третий – на Волынь, четвёртый – в небольшой городок Галич, залегающий на высоком, правом, берегу Днестра. Соль – вот главное богатство Перемышля. Соль возили тороватые⁵⁹ купцы, почитай, по всей Руси. Да и земли вокруг Перемышля плодородные, ролы⁶⁰ здесь были знатные, урожаи собирали хорошие – пшеницы, проса, ячменя, ржи. На Волыни, окрест Владимира и Луцка, о таких и не мечтали. В каждом дворе в городе, почитай, корова имелась, в хлеву откормленный хряк. Мазанки простого люда, густо облепившие прибрежные холмы, украшены весёлой росписью, чисты и просторны. Зажиточно жили перемышляне, лучше, нежели в соседних Волыни, Польше или в уграх.

На берегу Сана – обширные соляные склады, по соседству шумел многолюдный торг, на мосту, переброшенном через реку, во всякое время дня теснились обозы с товарами.

Тиуны⁶¹ и вирники⁶² Ярополковы трудились здесь всюду. Жаждал прибрать к рукам богатство Перемышльской земли молодой волынский владетель. Спрашивал со своих слуг строго за недостачу даней и вир, но и на лихоимства частые закрывал глаза. А меж тем люд градской, привыкший к более вольной жизни, потихоньку роптал.

Среди купцов и бояр Перемышля зрело недовольство властью Ярополка. Тут как раз и примчались в город обиженные старшим князем трое братьев Ростиславичей. Первым делом поскакали верные братьям люди по сёлам и городкам окрестным, набирали ратников в молодшую дружину. Да только всё одно невелика была у князей-изгоев рать, не хватало им звонкого серебра, чтоб платить за службу и содержать достаточное число умелых воинов. Приходилось вздыхать да думать, куда бы податься. Или наняться на службу к ромеям, сторожить императорские покои в Константинополе⁶³? Или отъехать к матери в Хорватию? Или к какому князю пристать?

Сиживали за столом в горнице терема, думали, гадали, как быть. Грамоте Ярополка не верили, ехать в Киев ко Всеволоду тоже не спешили – опасались дядькиного гнева.

– Может, правильно Коломан нам писал? В Унгвар нам путь держать? – сомневался Володарь.

– Ты уж, братец, вовсе, яко угр, стал. Не Унгвар, но Ужгород – тако сей градец исстари кличут, – с грустным вздохом заметил Василько.

– Да тут не токмо угром – волком станешь, без волости сиживая! – недовольно ворчал Рюрик.

– Надобно нам с боярином Вышатою потолковать. Другом, товарищем ратным отцу нашему он был, – предложил Василько.

Теперь уже очередь грустно вздыхать пришла Володарю.

⁵⁷ Городня – сруб, наполненный землёй, часть городских укреплений.

⁵⁸ Увал – пологий выгнутый в длину холм.

⁵⁹ Тороватый – здесь: расторопный, ловкий, проворный.

⁶⁰ Ролья – пашня.

⁶¹ Тиун – сборщик дани.

⁶² Вирник – собирал виру, штраф по приговору княжеского суда.

⁶³ Константинополь (Царьград) – столица Византийской империи, ныне – г. Стамбул в Турции.

– Что, озёра синие Аннушки, свет Вышатичны, покоя не дают? Может, ты и прав, да только чем нам Вышата поможет? Тем паче ехать обратно на Волынь, в Ярополковы лапы, в пасть волчьую – нет, пускай другие охотники туда суются!

Так ни к чему покуда не могли прийти братья. Не знали они, как им теперь поступать, что делать. Володарь собирался уже было ехать в Ужгород, в угры, Василько думал о службе в Царьграде, Рюрик вообще никуда уезжать не хотел.

Сидели они, смотрели друг на дружку, спорили, кусали уста.

...Однажды хмурым вечером постучались в ворота Перемышля несколько закутанных в мятелии⁶⁴ всадников. Стояла поздняя осень, последний палый лист, прибитый холодными каплями дождя, догнивал на сырой земле. Сан вышел из берегов, бурлил, клокотал, грозя порушить мост. В столь унылую пору пустыли оживлённые шляхи. Потому и таким неожиданным был приезд неведомых гостей.

В горнице терема один из прибывших стянул с головы шелом с прилбицей⁶⁵ волчьего меха, пригладил взерошенные волосы, попросил испить кваску.

– Ты, что ли, Давид?! Здорово, княже! – узнал вдруг Рюрик такого же, как и они, безземельного, князя-изгоя Давида Игоревича.

– Он самый, братцы! – рассмеялся Давид. – Вот, прибыл к вам. Такое дело! Человека одного привёз.

Он расстегнул алый плащ-корзно⁶⁶, подбитый изнутри мехом, стал стягивать через голову кольчугу. Сняв, передал её челядину, расположился по-хозяйски на лавке посреди горницы, знаком подозвал высокого худощавого молодого человека лет двадцати со смуглым лицом, облачённого в долгую суконную хламиду. Густые чёрные волосы незнакомца перехватывала золотистая лента. Несмотря на невеликие лета, он уже успел отрастить довольно долгую окладистую курчавую бороду.

Остальные спутники Давида, повинуясь жесту княжеской руки, вышли из горницы.

– Ну, Халдей, сказывай, не боись! Такое дело! Пред тобой братья Рюрик, Володарь и Василько! Сыновья князя Ростислава. Того, которого отравил в Тмутаракани коварный греческий катепан⁶⁷!

Володарь недовольно нахмурился. Чего это вдруг Давид напоминает им о старой горестной истории? В прошлое лето безудельный родич тоже гостил в Перемышле, засматривался на их сестру Елену, ходил осторожно вокруг да около, вёл неторопливые, но настойчивые разговоры о том, что не мешало бы им породниться, стать друг дружке ещё ближе. Тогда Рюрик с братьями ответили Игоревичу так: сами мы без волостей, яко и ты. Вот получим уделы – и будем о сестре с тобой толковать.

Ко всему прочему сама юная Елена, а стукнуло ей в ту пору всего-то пятнадцать годков, и думать не хотела о браке с Давидом.

– Хитрый он. Не поймёшь, где правду глаголет, где лукавит, – говорила юная девица братьям.

Сейчас Елена живёт у матери, в городе Сплите, и мать, по слухам, ищет ей доброго жениха.

Уехал в прошлое лето Игоревич из Перемышля ни с чем, а теперь вот снова заявился, подмигивает лукаво, видно, имеет что сказать.

...Тем временем незнакомец отвесил братьям низкий земной поклон, после чего по велеанию Давида расположился на лавке и заговорил мягким, завораживающим голосом:

⁶⁴ Мятелия – длинный плащ или мантия.

⁶⁵ Прилбица – подшлемник из меха или кожи.

⁶⁶ Корзно – княжеский плащ, богато украшенный.

⁶⁷ Катепан – в Византии правитель области (катепаната).

– Моё имя Халдей, так зовут меня на Руси. Я прибыл к вам, о светлые князья, из солнечного города Таматархи. Меня послала иудейская хазарская⁶⁸ община.

Рюрик и Володарь опасливо переглянулись.

– Какое же тебе до нас дело, Халдей? Чем мы, князья-изгои, полезны хазарам Тмутаракани? – спросил Володарь.

– В прошлом году, о достопочтимые князья, Господь избавил нас от опасного врага – князя Олега. Он сильно притеснял хазарскую общину города, имея дружбу с дикими горцами – касогами⁶⁹ и аланами⁷⁰. И с половцами⁷¹ он тоже дружил. Душил налогами, мешал торговле. Места наши в городском совете заняли коварные греки и хитрые армяне. Мы оказали важную услугу киевскому князю Всеволоду...

– Схватили и выдали Олега ромеям! – воскликнул Василько. – Вельми коварное дело сотворили вы!

Халдей досадливо поморщился, немного покоробленный прямою младшего Ростиславича. Впрочем, спустя мгновения лицо его приняло прежнее печальное выражение, и он продолжил тем же сладким голосом:

– На место Олега князь Всеволод прислал в Таматарху не князя даже – боярина Ратибора. И продолжил он творить прежние притеснения... Мешает торговле... Душит налогами ремесленников... Запрещает продажу рабов на невольничьи рынки... Меня послали на Русь просить кого-нибудь из вас, о добрые и справедливые князья, на княжение в славный наш город. Хазарская община даст вам немало серебра для найма хороших воинов. Хазары помнят, как добр и справедлив был к ним ваш покойный отец.

Халдей скромно потупил взор, ожидая ответа.

В разговор вмешался Давид Игоревич.

– Такое дело! Вначале Халдей ко мне явился. Я бы с готовностью принял его предложение, но... – Он развёл руками. – Туровская земля, в которой я обретаюсь, бедна людьми. Мне одному не возмочь... Такое дело... Помочники надобны... Такое дело.

– Мы должны подумать! – едва ли не хором ответили ему двое старших братьев.

– Дай время. Всё не столь просто, – добавил уже один Володарь.

...Гостей Ростиславичи отправили отдохнуть после долгой, утомительной дороги, сами же весь вечер провели в горнице.

– В Тмутаракани погиб наш отец, помните о том, – сомневался Рюрик. – Опасно там. Меж греков, иудеев хазарских, касогов. Все они – вороги. Наших, славян, живёт там немного.

– Однако наш отец всё же уехал туда. Он был чуть постарше нас и он был неглуп. Что подвигло его бросить, почитай, во Владимире нашу мать и нас малых? Верно, мечтал о дедовских подвигах. Или о богатстве? – рассуждал Володарь. – Не проникнуть нам в строй его мыслей.

– Баят, гречанкой одной он увлёкся. Красавица была, – вставил Василько.

– Была... И есть... Кажется, её имя – Таисия. До сих пор живёт в Тмутаракани. – Володарь усмехнулся. – Хотел бы я на неё поглядеть. Что за жёнка?

⁶⁸ Хазары – кочевой тюркоязычный народ, появился на равнинах Восточной Европы в IV веке. В середине VII века хазары образовали на Волге и Северном Кавказе государство – Хазарский каганат. Около 800 года каган Обадия принял иудаизм, ставший государственной религией каганата. В IX—X веках Хазарский каганат подчинил себе ряд земель Киевской Руси. Столицей каганата был город Итиль на Нижней Волге. Около 965 года Хазарский каганат был разгромлен войсками киевского князя Святослава. Остатки хазар селились в Крыму и на Северном Кавказе. Впоследствии хазары смешались с другими народами Причерноморья и Предкавказья.

⁶⁹ Касоги – народность на Северном Кавказе, предки современных адыгейцев.

⁷⁰ Аланы, или ясы – ираноязычный народ, предки совр. осетин.

⁷¹ Половцы (западноевропейское название – куманы, самоназвание – кипчаки) – союз тюркоязычных племён, занявших в середине XI века причерноморские степи. Совершали набеги на русские земли, участвовали в междоусобных войнах русских князей.

– Отвлеклись мы, братья! – строго одёрнул его Рюрик. – Не прелести греческих блудниц обсуждаем тут! Опасное дело Давид с Халдеем нам предложили. В иной час отверг бы его сразу! Но ныне... Уделов у нас нет... Ярополк едва в поруб нас гнить не бросил! Сребра нет, чтоб ратников нанять и супротив него воевать. Что остаётся?

– Вызвать гнев дядьки Всеволода? Ратибор – его боярин. – Володарь с сомнением качнул головой. – Не стало б хуже нам... От Ярополка ещё можно отбиться, но с князем Киевским иметь вражду совсем нет охоты.

– А он дал нам волости?! – неожиданно зло выпалил, скрипнув зубами, Рюрик. – Ни села! Вот и приходится самим столы добывать!

– Оно так. Надежду имею, если помогут хазары серебром, сыщем добрых ратников. Сильная дружина – сильный князь. Так всегда было и будет на Руси. К тому же князь Всеволод погряз в которах⁷² с полоцким Всеславом и с вятичами⁷³, не до Тмутаракани ему ныне, – продолжал рассуждать Володарь. – И потом, Тмутаракань далеко от Киева. Как говорится: тянуться – рук не хватит.

– На то, верно, и надеются Игоревич с Халдеем, – добавил Василько.

– Вот что, братия, – заключил, встав с лавки и стукнув ладонями по столу, Рюрик. – Думаю, так содеем. Всем нам в Тмутаракани делать нечего. Один из нас туда пойдёт, с Давидом вместе. Полагаю, ты, Володарь, иди. Разума у тебя поболее, чем у нас с Васильком. Мы же в Угры покуда отведем. Станем потихоньку ратников набирать, чтоб отнять у Ярополка волости. У дядьки, короля Ласло, у матушки нашей Ланки сребра попросим.

– Надо бы испросить совета у боярина Вышаты. Был он с отцом нашим в Тмутаракани, – ворвался в речь Рюрика Василько. – Он бы нам помог.

– Не время, Василько, – вздохнул Володарь. – Опасно и нам соваться во Владимир, и ему нельзя в Перемышле появляться. Всюду ищейки Ярополковы снуют. Содеем, как Рюрик говорит. Поеду я в Тмутаракань с Давидом. А как и что дальше, поглядим.

– Токмо сторожко ты тамо будь, брате. Вон отец-то наш... – Василько не договорил. Слезы стояли в его светлых голубых глазах.

Прослезился и Володарь, заключив младшего брата в крепкие объятия.

... Утром Ростиславичи объявили о своём решении Давиду с Халдеем.

– Такое дело! Думаю, за зиму соберём на хазарское серебро дружины. И ладьи в Малом Галиче⁷⁴ строить почнём, якобы для торгу. В апреле, как снег стает, пойдём водою в Тмутаракань, – предложил Игоревич.

Братья согласно закивали головами.

По городам Червенщины поскакали верные Ростиславичам тайные гонцы – набирать желающих в войско.

⁷² Котора (*др.-рус.*) – распря, раздор.

⁷³ Вятичи – славянское племя, жило по берегам Оки.

⁷⁴ Малый Галич – город в нижнем течении Дуная, ныне – Галац в Румынии.

Глава 8

На Волыни, как и в Перемышле, осень стояла затяжная, тёплая, но дождливая. Ярополк пропадал на ловах, в огромном числе привозили во Владимир туши убитых кабанов, туров, оленей. А где охота, там, как водится, и ол, и меды льются без меры, и весёлые пиры тянутся нескончаемой чередой.

Гертруда негодовала. Будто забыл её сын о Ростиславичах, об опасности, кои таят в себе родичи-изгой. Вечно пахло от него хмельным, иной раз, бывало, так упьётся, что и идти не может – гридни волокут его в хоромы.

«Как похож на отца! – вздыхала вдовая княгиня. – Тот тоже во всех попойках первым был! Вот и бегал дважды из Киева, гонимый родичами!»

Слёзы порой наворачивались Гертруде на глаза при воспоминании о покойном супруге. Смотрела на любимую внучку Анастасию, на крохотных внучат, думала с горечью, сомневалась: «А сумеет ли Ярополк первую замуж хорошо выдать, а вторым столы добрые княжеские передать?»

Подходила к Ярополку, стыдила его, кричала возмущённо:

– Совсем погряз в своих охотах, в пучину пьянства опустил! О семье, о чадах малых бы помыслил!

Отмахивался от матери Ярополк, морщился от головной боли после очередной пьянки, глушил её огуречным рассолом, тряс густой копной пшеничных волос, одно твердил Гертруде в ответ:

– Отстань! Всё добре будет, матушка!

Княгиня Ирина, видела Гертруда, мужа своего обожала и на частые хмельные попойки его с дружиной закрывала глаза.

– Все они пьют, когда не воют, – говорила она Гертруде. Сноха занималась вышиванием воздухов⁷⁵, или тонов⁷⁶ для церквей, была спокойна, ровна со всеми, и это ещё сильнее раздражало вдовую княгиню. Хотелось отхлестать её по щекам, чтоб слушалась, чтоб ходила в воле старшей. Не получалось, побаивалась Гертруда сыновнего гнева, а ещё пуще всяких кривотолков, в которых выставили бы её злобной ведьмой славянских мифов. Раздражение своё вымещала на холопках, стегала их посохом безбожно, одну, особо дерзкую, до полусмерти избила, долго потом придворные лечцы отпаивали девку травами.

Ну, да раба, холопка человек разве? Она – вещь, служить должна хозяйке своей верой и правдой.

Гулянки Ярополковы вывели в конце концов Гертруду из себя. Посовещалась она с боярами Лазарем и Жирятой и после недолгих колебаний вызвала к себе Фёдора Радко.

Удатный молодец переступил порог и отвесил госпоже поклон. Испытующим оком оглядела его Гертруда.

Русые кудри вьются плавной волной, чуб густой спадает на чело, в глазах ни капли подбострастия, одна уверенность и смелость, плечи широки, длани сильные сжимают папаху. И одет Радко, как подобает княжескому отроку. Кушак зелёный перехватывает тонкий стан, под широкими рукавами лёгкого кафтана видна льняная рубаха, сапоги добротные зелёного же тима⁷⁷ облегают ноги.

«Ентот не подведёт», – решила вдовая княгиня. – Не должен подвести».

⁷⁵ Воздухи – в церкви, покровы на сосуды со Святыми Дарами.

⁷⁶ Илитон – в Православной церкви: шёлковый или льняной плат тёмно-красного или бордового цвета, в который заворачивается для сохранности антиминс – плат с зашитыми в него частицами мощей какого-либо православного мученика.

⁷⁷ Тим – высококачественный род сафьяна.

Забарабанила она в задумчивости перстами по деревянному подлокотнику кресла.

– Вот что, отроче, – сказала наконец, прервав молчание. – Гляжу, не шибко по душе тебе ловы в здешних пуцах. И до медов невеликий ты охотник. Тако?

– Ну, ежели пить, дак в меру, – немного смущённо потоптавшись возле двери, ответил Радко.

– Мне пьянство князя Ярополка поперёк горла встало! Не могу более на енто безобразие глядеть. Как токмо путь зимний устоится, отъеду в Новгород, к другому моему сыну, Святополку! Давно с им не видалась. Будешь меня в дороге охранять. Подбери ратников добрых, надёжных, человек с полсотни. Чтоб и обоз сторожили с добром, и меня саму оберегли. Путь дальний, в лесах разбойники, тати рыщут.

На лице Фёдора ни единый мускул не дрогнул. Не колеблясь ни мгновения, кивнул он кудрявой головой и промолвил княгине в ответ:

– Сделаем, матушка-княгиня! Всё, как велишь!

Он улыбнулся столь легко и беззаботно, что у Гертруды сразу отлегло от сердца.

...Передвигались на санях, в лютые морозы. В возках было тепло, жарко топили походные печи. Гертруда с двумя служанками ехала в самом большом возке, в других везли княгинино добро, в третьих отдыхали, сменяя друг друга, оружные гридни. Радко, тот, кажется, и в возок почти не залезал, всё ехал верхом, а на привалах, расставив вокруг обоза охрану, ложился спать прямо у разведённого костра, завернувшись в стёганый вотол на меху или накрывшись лапником. От него частенько исходил запах свежей хвои.

«Всё лучше, чем медовухой», – криво усмехалась Гертруда.

Из двоих челядинок одна была та самая, которую она тогда избила до полусмерти. Худая, угрюмая, она больше молчала, и шея у неё после побоев как-то странно дёргалась. Тем не менее сошлась она с Гертрудиным шутком-карликом Ляшко, который всю дорогу сидел на печи да смешил всех безыскусными шутками, строя рожи и звеня игрушечными доспехами.

После Вышгорода поезд княгини повернул на север, по крутому берегу Днепра достиг Смоленска, оттуда после седмицы отдыха в доме местного воеводы двинулись путники вдоль Ловати⁷⁸, объезжая заснеженные болота. Весело бежали по зимнику сытые, хорошо накормленные на постоялых дворах кони.

Однажды, уже вблизи Русы⁷⁹, налетела на задний возок стая голодных волков. Радко, обнажив меч, первым бросился на дикого зверя. Ржание коней, лай, звон железа разнеслись в морозном воздухе. Обе служанки, Харитина и Крыся, испуганно заохали.

– Чего расшумелись, клуши?! – зло прикрикнула на них Гертруда. – Али волка впервой увидали?

Сама она держалась невозмутимо, гордо вздёргивая вверх голову в чёрном вдовьем платке. Качались в ушах драгоценные звездчатые серьги.

Волков отогнали, Радко и другие ратники долго очищали снегом от алой звериной крови мечи и булатные рукавицы.

Ляшко вертелся тут же, с деловитым видом совал в сугроб свою игрушечную сабельку и кричал:

– Во как! Лихо мы их посекли!

Гертруда хохотала от души, посмеивалась и битая ею Харитина. Оборвав веселье, княгиня обратилась к Радко:

– Надобно, отроче, гонца в Новгород отправить. Сведать, где мой Святополк обретается. Может, его и в городе-то нету.

– Сделаем! – отвечал ей Фёдор всё с той же неизменной белозубой улыбкой.

⁷⁸ Ловать – река, впадает в озеро Ильмень.

⁷⁹ Руса – ныне город Старая Русса в Новгородской области.

Честно говоря, не по нраву совсем была молодцу злонравная, грубая и резкая мать Ярополка, но он, раз нанялся в дружину, старался все её поручения выполнять толково и честно. При всём при том, что смекалист был парень. За это, собственно, его и ценили сильные мира сего.

Как в воду глядела Гертруда. Скорый вершник на запаленном скакуне из Новгорода передал: на зиму князь Святополк отъехал в Изборск. Осенью там подновили городские стены. Кроме того, возле Изборска и Плескова располагались личные княжеские волости.

– Вертаем на заход! – приказала, выслушав гонца, Гертруда. – Нечего нам покуда в Новгороде делать! Сына своего зреть хочу! Соскучилась!

«Вот уж енто вряд ли!» – усмехнулся в усы Фёдор Радко. Он хорошо знал, что мать и сын друг дружку едва переносили.

Возки отвернули от берега засыпанного снегом Полиста, оставили позади деревянные строения Русы, следующим днём полозья проскользили через закованную льдом Шелонь. Далее дорога потянулась напрямик через плесковские леса. Кони шли резво, только и мелькали по сторонам островерхие верхушки красавиц-елей. На редких косогорах стройнели прямоствольные сосны с раскидистыми ветвями и кронами.

В Плескове – городе на крутом мысу у впадения речки Псковы в Великую, остановились на короткий отдых. Отсюда до Изборска было около тридцати вёрст.

– Заутре ещё до полудня на месте будем, – прикинув в уме, заявил Радко. Гертруда с холопками выбрались из возка и стали осматриваться по сторонам. Тотчас подскочил ко княгине местный посадник, стал приглашать в хоромы, указал на высокую деревянную церковь.

– Собор Святой Троицы. Ещё Равноапостольная княгиня Ольга ставила, паче ста лет назад, – с гордостью отметил он.

Ярко светило зимнее солнце. Было безветренно, но мороз стоял трескучий. Прикрывая рукавичками лица, женщины поспешили на посадничий двор.

...Отдохнув, на рассвете они продолжили путь. Когда усаживалась Гертруда в возок, внезапно подбежал к ней некий человек в чёрной монашеской рясе и клобуке.

– Матушка-княгиня! – Голос у инока был твёрдым, не чувствовалось в нём ни капли подобострастия. – Дозволь с вами до Изборска доехать. Нестор еси, мних Киево-Печерского монастыря. Наказал мне игумен летопись писать, откуда еси Русская земля пошла. Вот я сведения и добываю. Весь здешний край изъездил, о разных племенах разузнал. Топерича мыслю князю Святополку сие показать.

Сперва Гертруда велела гнать этого монаха прочь, но тотчас же передумала. Вспомнились ей давние события в родной Польше. Брат Болеслав решил тогда выслать всех монахов из своих владений, и поднялся великий бунт. Чернь стала избивать можновладцев и грабить их дома. Многие знатные люди были убиты, и в их числе погиб сам Болеслав. Гертруде с матерью и сестрой Рихезой пришлось бежать в Германию, под крылышко императора Конрада. Только через несколько лет им удалось вернуться в Польшу благодаря стараниям русского князя Ярослава Мудрого, посадившего в Кракове на стол второго её брата, Казимира. О несчастном же Болеславе постарались вовсе забыть. Так и вошёл он в хроники как «Болеслав Забытый». Два года спустя она, Гертруда, вышла замуж за Ярославова сына, Изяслава, и покинула родную землю.

«С монахами так нельзя, пускай едет», – подумала она, прежде чем, махнув иноку рукой, приказала:

– Садись в возок с гриднями. Беру тебя с собой.

...Подъезжая к Изборску, расположенному на берегу покрытого льдом Городищенского озера, Гертруда понимала, что радостной встречи со Святополком ожидать ей не придётся. Вечно спорил с ней и откровенно недолюбливал мать старший брат Ярополка. Стараясь

отвлечься от неприятных мыслей, глянула вдовая княгиня на город, обнесённый серой стеной из камня-известняка.

– Добрая крепость. Никому врагу не взять. Глянь, стены каменны. На Руси – редкость, – говорили между собой ехавшие рядом с возком комонные дружинники.

Из камня была сложена и одноглавая церковь, рядом с которой располагался довольно просторный, но деревянный княжеский терем в два яруса. По соседству видны были амбары, гумна, овины, дома бояр с изукрашенными резьбой ставнями волоковых окон, хижины челяди. За пределами стен располагался окольный град с многочисленными избами, топящимися по-чёрному, с окнами, затянутыми бычьим пузырём. Окольный град был обведён высоким, в несколько сажен, заснеженным земляным валом и частоколом.

Тридцатилетний князь Святополк, огромного роста, сухощавый, с узкой чёрной бородой чуть ли не до пупа, темноглазый, с прямым хищным носом, в шапке бобрового меха, обшитой сверху розовой парчой, в долгополом тёмно-сером кафтане, надетом поверх рубахи с вышивкой и тонкими рукавами, перехваченными на запястьях медными браслетами, с поясом с золотыми концами, встретил устало поднимающуюся по ступеням крыльца Гертруду возле дверей нижнего жила.

Во дворе всюду мелькали копы охраны. Фёдора остановили у врат, велели снять португую с мечом.

– Так положено. Не знаем, кто ты. Потом вернём оружие, – объяснил ему седоусый варяг со шрамом на щеке.

– Порубежье тут. Литва, чудины⁸⁰ балуют. Да и полоцкий князь нам не друг, – добавил другой страж, по всему видать, туровец из дружины Святополка.

– Почто явилась, мать? – Святополк повалился в обитое парчой кресло посреди горницы. – Чай, путь недалек. Стряслась какая беда?

Тёмные глаза его беспокойно забегали.

Гертруда села напротив него на скамью, вся в чёрных вдовьих одеждах. Сбоку от Святополка расположились двое его ближних людей – свей⁸¹ Фарман, невысокий, коренастый, с широким, выпуклым лбом, и вислоусый худощавый Коницар, сын киевского уличанского старосты. Немногим позже в палату быстрым семенящим шагом вошла жена Святополка, молодая уже чешская княжна Лута Спитигневна. Низкорослая, она хромала и при ходьбе опиралась на деревянную травчатую трость. Гертруда с явным недовольством уставилась на сноху. Видно, и Лута не испытывала ни малейшей радости при виде свекрови. Скривив кукольное, густо набеленное и нарумяненное личико с носиком уточкой и немного припухлыми губами, она, по сути, повторила вопрос Святополка:

– Чему обязана видеть тебя, дочь Мешко Гугнивого?

В словах Луты слышалась едкая насмешка. Не случайно вспомнила она отца Гертруды. Некогда чешский король Бржетислав захватил князя Мешко в плен и велел его злодейски оскотить. Давние были дела, но обе женщины о том хорошо помнили.

– Как смеешь оскорблять меня?! – взвилась вмиг Гертруда. – Сын! Вступись за мать! Эта!.. Эта дрянная девчонка нагло насмехается надо мной в твоём доме!

– Как ты меня назвала?! – вспыхнула Лута. – Меня, новгородскую княгиню! Дочь князя Спитигнева⁸²! Внучку принцессы Огивы Уэссекской⁸³!

⁸⁰ Чудины, чудь – здесь: предки совр. эстонцев.

⁸¹ Свей – швед.

⁸² Спитигнев Второй – чешский князь, правил в 1055—1061 годах.

⁸³ Огива Уэссекская – англо-саксонская принцесса, была женой чешского князя Болеслава Второго, правил в 967—999 годах.

– Довольно! – злобно прорычал Святополк. – Прекратите! Никто здесь тебя, мать, ничем не обидел! Ты дело молви! Почто приехала в такую даль? Стряслось что? С Ярополком, с племяшами моими?

– Племяши твои, слава Христу, здоровы! – отмолвила Гертруда. – А брат твой... – Она горестно вздохнула. – Державные дела забросил, на одних бояр полагается. Ловы да меды у него на уме, ничего более. Твёрдости никакой нету! А рядом – Ростиславичи, угры! Да и стрый твой, Всеволод, неведомо, как себя поведёт! Брат же твой Пётр-Ярополк меды пивает с прихлебателями едва не кажен день! И дружки еговые – пьянь одна!

Лута неожиданно громко расхохоталась. Гертруда, стиснув в руке посох, едва удержалась от новой вспышки гнева. Желваки заходили у неё по скулам. С ненавистью уставилась княгиня-мать на роскошный наряд снохи. Поверх нижнего долгого, до пят, платья дорогого сукна с золотой оторочкой на дочери Спитигнева была надета свитка бордового бархата с широкими рукавами. Голову княгини покрывал убрус⁸⁴, длинный конец которого опускался на плечо. На шее у неё сверкало монисто, в ушах золотились крупные серьги с камнями-яхонтами, на руках красовались браслеты с густыми вкраплениями розоватого новгородского жемчуга.

Сноха вызывающе ярко одевалась, тогда как Святополк сидел напротив Гертруды в невзрачном старом кафтане с заплатами на локтях.

«Скупой и жадный еси, – подумала с презрением о сыне Гертруда. – Верно, и Луту б, кабы возмог, обрядил в домотканину, да токмо жёнка сия языкастая, себе на уме, своё у неё богатство, своё имение есть. Славянские жёны не убогие, не забытые».

Глотнув воды из поданной слугой чаши, она продолжила:

– Надоела гульба еговая! Терпела, ждала, чаяла, изменится что, да вот не выдержала. К тебе, Святополче, стопы направила. Мыслила, у тя поживу, успокоюсь. Да токмо, гляжу, не ужиться мне с тобою, а особо с супругой твоею. Не любите, не уважаете мать!

– Нечего тебе стенать! – грубовато ответил ей Святополк. – Приехала, что ж, живи. Никто тебя из дома моего не выгонит! Но большего не требуй! Под дудку твою скакать не стану! Давно говорил и сейчас скажу: отринь своё латинство! Стань православной! Как я, твой сын! Как моя княгиня Лута, как князь Всеволод, как те же Ростиславичи! На Руси не приемлют латинскую веру, не признают власть римского папы. Мы – другие! Здесь тебе – не Польша, не Германия!

– Ты говоришь, яко схизматик⁸⁵ и еретик! – закричала Гертруда. – Это ваши князья приняли святой крест от ромеев и сами чуть ли не ромеями стали с ихней подлостью и лицемерием! А что Ромея?! Почти всех земель лишили её турки!

– Но вера у них истинная, древняя, к старому христианству восходит, без всяких там додумываний и переделок латинских. Вот потому у нас на Руси и приняли её, – спокойно возразил ей сын.

Гертруда устало махнула рукой, не желая более спорить.

– Шла б, отдохнула с дороги, – посоветовал ей Святополк. – Вечером, после побалим с тобою. Вдвоём, с глазу на глаз.

Дворский боярин провёл Гертруду в просторный покой с окнами на Городищенское озеро. Как только легла уставшая княгиня-мать на пуховую перину, так сразу и заснула.

...Вечером, как и предполагалось, состоялся у неё со Святополком обстоятельный разговор.

– Думаешь, мне здесь хорошо, в глуши сей, далече от Киева, от Волыни, от больших дел? – жаловался Святополк. – Да тут я и князь – не князь, а словно наёмник какой, призванный чужое добро сторожить. Торговать могу только через новгородцев, суд вершить – только вместе с людьми от веча. Без веча ни войны не могу начать, ни мира сотворить. Земельные

⁸⁴ Убрус – женский головной платок.

⁸⁵ Схизматик – раскольник. Так католики называли православных.

угодья не могу купить ни для себя, ни для жены. Посадника в пригороды – Русу, Плесков, сюда, в Изборск, тоже не могу назначить. Вече его ставит. В любой другой волости князь – господин, а здесь господин – Новгород, его бояре, купцы, вятские⁸⁶ люди! Что, думаешь, живу я здесь, в Изборске, целую зиму? И супругу сюда привез, и часть дружины, и челядь. Оно, конечно, стенами вон каменными град обнёс. Дело нужное. Но там, в Новом городе, на Ярославовом дворище, сидеть – яко в котле кипящем. Вечные споры, вечные встани, шум, крики. То не так, другое не этак! И каждый голодранец на вече голос свой имеет! И мне, князю, указывает, как быть! Экий позор! И приходится терпеть, стоять там на ступени⁸⁷ посреди площади Торговой и слушать.

– Дружина у тебя на что? Разогнал бы смутьянов, скрутил их в бараний рог! Кого – на плаху, кого – в поруб! – возмутилась Гертруда.

– Если бы так просто всё было! Плаха, верёвка, поруб! – Святополк вздохнул. – Тогда точно останется только бежать отсюда и вовсе без волости сидеть, как твои Ростиславичи. Вот и вынужден я покуда терпеть. Верю, дождусь часа. Тогда или какой добрый стол получу на Руси, или вечевиков этих прижму. Хотя непросто это, ох непросто!

Гертруда смолчала, недовольно передёрнув плечами.

– А богатства у Новгорода меж тем не меряно, – продолжал Святополк. – Мёд, воск, пенька, ворвань⁸⁸, серебро закамское, сукна ипрские⁸⁹ и лунские, мечи франкские, щиты, меха разнообразные. И жалко, до боли, до жути, что проходит всё это мимо меня, как мука сквозь сито. Перепадает только по ряду положенное на прокорм. И где она, власть истинная?

– Где власть?! – Княгиня-мать взвилась. – Бороться за неё надобно! Толкую о том и тебе, и Ярополку!

– Бороться! Слыхали, видали тех борцов! На погосте во гробах лежат! – злобно осклабился Святополк. – Нет, мать! Покуда выждать надо. Не на нашей стороне нынче сила.

– Ну и жди, сиди, прячься за стенами сими каменными. Со своей Лутой расфуфыренной! – раздражённо прикрикнула на сына вдовья княгиня.

Она вскочила со скамьи, собираясь уйти. Вдруг остановилась, повернула лицо к сыну, спросила:

– Монах тут один с нами во Плескове увязался, Нестор. Говорят, летопись вести намерен.

– Это я его надоумил. – Святополк сразу оживился. – Вроде парень грамотный. Замыслы у него большие. Хочет связать историю Руси с историей Всемирной, той, что в Библии описана. Вспомнил я, как ты рассказывала о матери своей, княгине Риксе. Вела она рочники, таблицы, в кои события жизни своей за каждый год записывала. Ну, а вот если шире поглядеть на сие, как думаешь... Выдал я Нестору пергамент, не поспешил. Чай, и меня добрым словом помянет. Да и тебя, матушка! – Святополк впервые за время их разговора лукаво улыбнулся.

– Вот то дело доброе, сын, вы с Нестором задумали. Я вам в нём помогу. Старые матушкины рочники храню доныне у себя во Владимире. Пришлю с них копии вам. Чай, пригодятся.

Разговор матери с сыном на том окончился. Позже, уже ночью, неожиданно вызвала Гертруда к себе в покой Фёдора Радко.

– Вот что, Фёдор! Ведомо мне, что имеется у сына моего Святополка наложница. Хочу поведать, кто она еси и где он её держит. Думала, здесь, в Изборске, но тут с ним княгиня пребывает. Скачи-ка, дружок, в Новгород! Коней не жалеи. Разузнай доподлинно, кто такая, где живёт!

⁸⁶ Вятский – знатный.

⁸⁷ Степень – помост, возвышение.

⁸⁸ Ворвань – китовый жир.

⁸⁹ Ипрский – из города Ипр (современная Бельгия)

– Сделаем, княгиня! – уверенно заявил Радко. Поклонившись Гертруде в пояс, он выбежал из покоя и тотчас стал готовиться в путь.

...Две седмицы прошло, и снова стоял Фёдор перед Гертрудой, снова кланялся. Сказал уверенно:

– Наложница сия – чудинка. Так Чудинкой и кличут. Живёт в Городище, под Новгородом. Бывает иногда у ней князь Святополк. Раньше, люди сказывают, беспутной девкой была, но недолго, молодая совсем.

– Видел её? Какова из себя?

– Ну, видел. Простая.

– Так. Полно. Ступай. И язык за зубами держи, ни единой душе ни слова.

– Обижаешь, княгиня.

Гертруда решительным жестом велела Фёдору выйти.

Рано утром пришла она в покои к сыну.

Святополк, лениво потягиваясь и вздыхая, нехотя сел на постели и вопросительно уставился на вошедшую мать.

– Стало быть, наложницу завёл, чудинку?! В Городище её держишь?! Стыд, позор, Святополче! – набросилась на него Гертруда.

– Да полно тебе меня стыдить! – Святополк отмахивался от неё, как от надоедливой мухи. – Вон отец чуть ли не гарем держал в Берестове, помнишь ведь. Прадед же мой, князь Владимир Креститель, семь жён имел, а окромя того, восемьсот наложниц.

– То до Крещенья егового было, – возразила Гертруда.

– А после, думаешь, только с одной женой он жил? Отчего тогда дети у его наложниц продолжали рождаться. В их числе дед наш Ярослав, Мудрым наречённый. Впрочем, нечего нам прадеда моего судить. На себя лучше поглядела бы, мать. Вовсе ты не ангел. В Новом городе до сей поры помнят, как один боярчонок из-за тебя на поединке саксонца из твоей свиты зарубил. Хоть и три десятка лет с той поры, почитай, прошло. Оба они полюбовниками твоими были! Али не так? А с Ростиславом, думаешь, неведомо мне, что ты переспала. Помню, как ревела навзрыд, когда его в Тмутаракани отравили. От отца хоронилась, а от меня ведь нет. Поэтому помолчала бы ты лучше и о Чудинке не поминала впредь. Ну, была, есть. У меня хотя бы она одна, не то что у вас с отцом!

– Отца память не порочь! – вознегодовала Гертруда. – И меня, мать свою, как смеешь поносить?!

– Хватит тебе кричать. Успокойся. Что было, то было. – Святополк поднялся с постели и едва не силой усадил мать на скамью.

– Лута ведает? – спросила Гертруда.

– Ведает, – усмехнулся Святополк.

– Ревнует?

– Она умнее. Всё понимает.

Гертруда досадливо прикусила губу. Так хотелось уколоть эту противную дочь Спитигнева.

– Холопку свою, Харитину, ей отдаю. Не надобна мне сия полоротая. И шута заведи себе. Чай, на пиру когда развеселит, – объявила Гертруда.

– Да я пиров не любитель. Ола иногда выпью, а меды вовсе не жалую. Жженье огненное после них бывает. А шута... Что ж, оставь. Может, когда пригодится.

Большой серый кот, ласково урча, потёрся Святополку о ноги, прыгнул на постель и развалился в пуховиках. Князь ласково погладил его по голове.

– Ну и порядки у тебя. Коты по теремам ходят, на кроватях возлежат, яко бояре, – недовольно фыркнула Гертруда.

– Зато в амбарах у меня что в Изборске, что в Новгороде ни единой мыши нет. Всех извёл. Да они, мыши, и не дураки, верно. Чуют запах котовый, уходят. И тебе советую такого завести, мать. – Святополк взял кота на руки, посадил себе на колени, почесал за ушком. Разомлевшее животное громко урчало от удовольствия.

Гертруда невольно рассмеялась.

– Приходи ввечеру, – предложил ей сын. – Как раз Нестор должен записи свои принести. Читать будем.

... Уже готовы были рассказы о Кие⁹⁰, об Аскольде и Дире⁹¹, о нашествиях обров⁹² и угров. Нестор негромко, вполголоса чёл своё красочное повествование.

«А добрый летописец! Молодой ить, всего лет двадцать пять, а то и менее!» – думала вдовая княгиня, внимательно слушая монаха.

Здесь же в палате были Лута, изборский посадник и настоятель храма Святой Троицы.

– Вот так. Уже кое-что у него получается, – сказал после Святополк матери и жене, когда они в трапезной сидели за ужином.

Когда подали вареные вкрутую яйца и Гертруда, привычно очистив их от скорлупы, принялась есть, княгиня Лута вдруг сказала, взяв в руку нож:

– Некоторые крупные яйца лучше резать.

Намёк на оскпление князя Мешко был более чем прозрачным. Гертруда вскочила на ноги, как ужаленная, и едва не набросилась на обидчицу с кулаками. Святополк и бывший тут же Фёдор Радко с трудом удержали её и усадили обратно на скамью. Лута же как ни в чём не бывало порезала яйцо и вилкой положила отрезанный кусок себе в рот. Глядя на возмущённую до глубины души свекровь, она весело рассмеялась ей прямо в лицо.

– Вот что, сын! – Гертруда хлопнула ладонью по столу. – Оскорбления от твоей жены более сносить я не в силах! Заутре же отъеду из вашего Изборска обратно на Волынь! И ты, – набросилась она на Святополка, – как ты смеешь допустить, чтобы меня, твою мать, в доме твоём так унижали?!

– Стань православной, и не будет ни у кого повода для насмешек, – мрачно огрызнулся Святополк. – Сама виновата. А в зимнюю стужу никуда я тебя не отпущу. Вон, за окнами метель зверем воет, пути санные снегом засыпало. В лесах волки голодные в стаи сбиваются, нападают на обозы купецкие. Подожди, после Святка, после Крещения поедешь. Тогда, даст Бог, немного потеплеет. Да и за один день не собратся тебе в дорогу.

Гертруда молчала, сверля сноху полным ненависти взглядом.

... Ранней весной она вернулась на Волынь. Вместе с княгиней прибыл в родные пенаты и Фёдор Радко.

⁹⁰ Кий – легендарный князь, основатель Киева.

⁹¹ Аскольд и Дир – киевские князья. Убиты в 882 году захватившим Киев Олегом Вещим.

⁹² Обры – авары, или вархониты, тюркоязычный народ, обитавший в VI—VIII веках в степях Причерноморья и Подунавья. Аварский каганат был разгромлен франками Карла Великого, после чего авары растворились среди других народов.

Глава 9

Лёгкие быстроходные ладьи стрелами бороздили морской простор. Неслись, как птицы в небесах, лёгкий бриз дул в паруса. Гребцы налегали на вёсла. Вдали по левому борту проглядывала полоска суши – то был Крым с глубокими бухтами, крепостями и селениями. Горы и скалы остались позади, берег в восходней части полуострова более низкий, вдоль него широко раскинулись знаменитые на весь мир виноградники. Маленькие голубоватые волны били в борт судна, вспыхивали в солнечном свете искорками брызги, взметались ввысь. Рябь бежала по морю.

К крепостям старались не подходить, лишь изредка приставали к берегу у какого-нибудь маленького селения, чтобы отдохнуть и пополнить запасы пресной воды и пищи. Говорили, что купцы из Червонной Руси, плывут в Тмутаракань, в диковинку им сей путь, надеются рас- торговаться.

Покуда всё складывалось благополучно. Оба князя, Давид и Володарь, стояли на палубе, жадно всматриваясь вперёд. Там было лишь море, да ещё линия окоёма, размытая грань меж двумя стихиями – водной и воздушной. Вот вдали запрыгали, чертя над водой полукруги, дельфины, вот чайки белые с криками взметнулись вверх, неся в клювах добычу – мелкую рыбёшку.

– Дивный край! – говорил, вытирая платом капельки пота на челе, Давид.

Володарь согласно кивал. Не покидало его в последние дни беспокойство. Как будут они княжить в Тмутаракани? Смогут ли укрепиться здесь, в незнакомом доселе, чужом городе? Мало ли, что отец тут княжил! Да и как окончил он дни свои, о том тоже все хорошо помнят. Хазарская община ведь – далеко не весь город, не вся земля. Устал Володарь от угодливых улыбок Халдея, от его сладкого, вкрадчивого голоса, от его речей о том, что ждёт их в богатом тёплом краю не жизнь, но рай. Вот и не слушал он особо Игоревича, глядел в дальний простор, десница сама собой тянулась к рукоятке кинжала, висящего в узорчатых ножнах на поясе.

Повинуясь крику кормчего, гребцы налегли на вёсла. Ладьи повертели на полночь. Перед глазами открылся широкий пролив меж двумя берегами.

– Боспор Киммерийский⁹³! – пояснил оказавшийся рядом Халдей. – Скоро, о доблестные, мы войдём в Таманскую бухту.

Суда замедлили ход и осторожно скользили меж двумя полосками суши. Справа потянулся низкий берег с длинными песчаными косами. Шли час, другой, дружинники попеременно, сменяя друг дружку, садились за вёсла. Наконец, впереди открылся узкий длинный остров, почти подступающий к правому берегу.

– Обогнём остров, сделаем привал, – предложил Халдей. – К Таматархе нам надо подплыть ближе к вечеру. Так надёжней. В сумерках никто не обратит на нас внимания. Потом я подам знак, и наши друзья в крепости откроют ворота. А остальное зависит от остроты ваших мечей, о светлые князья!

Ладьи обошли с полуночной⁹⁴ стороны остров, круто повернули на юго-восток и вскоре после полудня вплыли в небольшую бухту. На берегу заметны были каменные руины старинной крепости. Близ них прилепились два небольших рыбацких селения. Ввысь подымались белые дымки костров – видно, готовили рыбу.

– Что это за место? – спросил Володарь хазарина.

⁹³ Боспор Киммерийский – Керченский пролив.

⁹⁴ Полуночный – северный.

– Корокондама, – охотно пояснил Халдей. – Много веков назад здесь была греческая крепость. Теперь она разрушена. Кто разрушил? Сначала – гунны⁹⁵, потом – время.

– Время, – задумчиво повторил Володарь.

– А Тмутаракань где, далече? – осведомился Давид. Видно было, чесались у него в нетерпении руки, хотелось ему побыстрее добраться до города и взять в нём власть.

– Около семи вёрст, – ответил князю Халдей. – Но мы немного подождём. В бухту подойдём на закате солнца. А сейчас, с вашего позволения, я отправлю гонца к нашим с вами друзьям. Ворота крепости должны быть в нужный час открыты для вас, доблестные князья!

– Снова ждать! – проворчал Игоревич. – Слышь, ты, Халдей! Такое дело! А мы ежели вот сейчас, сразу, не прорвёмся?

– Зачем лишние жертвы, князь? Мы застигнем врасплох городскую стражу и посадника Ратибора. И лучше сделать это под покровом темноты.

Вздохнув, Давид нехотя согласился с разумными доводами хазарина.

...Как только ладьи пристали к вымолам у многолюдной Тмутаракани, появился строгий тиун и начал расспрашивать, кто они такие и что за товары везут.

– Я должен осмотреть и взять с вас мыто⁹⁶, – объявил он.

– Уже темнеет. Давай отложим осмотр и выгрузку товаров до утра, – подскочил к тиуну Халдей. – Не хочется начинать всю эту возню вечером. Наши люди устали.

– Ладно, – прохрипел тиун.

Ярко блеснувшие в руке хазарина ромейские фоллы⁹⁷ сделали своё дело. Тиун отошёл в сторону.

– Теперь затаитесь и ждите сигнала с башни, – прошептал Халдей. – Велите, светлые князья, всем воинам облачиться в кольчуги и быть наготове. Недолго осталось.

Отдав короткие распоряжения, Володарь с Давидом с палубы жадно смотрели на открывшийся их взорам большой город.

За пристанью виднелись окружённые густыми садами дома горожан, многие были сооружены из камня и обнесены высокими заборами. Володарь отметил также, что окольный град состоит из нескольких отдельных поселений. На холме возвышалась крепость со стенами из красного кирпича. Снаружи во многих местах кирпичи покрывал каменный панцирь. По обе стороны от ворот грозно высились округлые в плане башни с зубчатыми верхами. Стяг Киева – крылатый архангел на небесно-голубом поле, реял над самой высокой башней.

– Хорошая крепость. С налёта не возьмёшь. Такое дело, – шепнул Игоревич.

– Крепость хороша, – согласился с ним Володарь. – Каковы люди здесь – вот то нам неведомо.

– Да полно тебе кручиниться! Разберёмся со всеми. Стопы нам целовать ещё будут! – рассмеялся Давид.

– То как знать.

Помнил Володарь горестную судьбу своего отца и покусывал в сомнении губы.

Быстро, почти мгновенно стемнело. Майский воздух напоён был ароматом листвы и цветов. Стройные кипарисы, как сторожа, застыли на берегу. Жужжали цикады, крохотные светлячки вспыхивали яркими огоньками в траве.

В одном из окон высокой башни полыхнул огонь.

– Пора! – взволнованно прошептал подбежавший Халдей.

⁹⁵ Гунны – союз племён, в IV—V веках кочевал в степях. Наводили ужас на всю Европу. Позднее союз распался, гунны смешались с другими народами.

⁹⁶ Мыто – пошлина за провоз товара.

⁹⁷ Фолл – мелкая византийская монета.

С обнажёнными саблями в десницах, с округлыми червлёными щитами на левой руке, бежали дружинники к крепости, сходу миновали услужливо отворённые ворота, влетели во двор. Вспыхнула короткая сшибка с охраной, затем они вознеслись на стену, после недолгой схватки обратили вспять небольшой стороживший крепость отряд, ринулись со стены снова вниз.

Кто-то не успел наложить стрелу на лук и рухнул, зарубленный добрым сабельным ударом, кто-то выронил копье и побежал, кто-то с силой метнул сулицу⁹⁸, но червлёный⁹⁹ щит с умбоном¹⁰⁰ посередине принял на себя удар. Лишь запела, задрезала сулица, вонзившись в твёрдое древо.

Выломав двери, они ворвались в горницу хором. Посадник Ратибор, могучий муж с коротко остриженной начинающей седеТЬ бородой, на вид лет сорока пяти, встретил Володаря и Давида посреди горницы в одной белой рубахе, но с мечом в руке. Видно было, что застigli его врасплох.

– Изгой! Вороги! – воскликнул он, узнав обоих князей. – Ах вы, разбойники! Пёсьи дети! Что учинили! Да я вам сейчас!

Не сразу понял Володарь, что дальше случилось. Несколько отроков из его дружины Ратибор раскидал, как котят. Игоревич испуганно шарахнулся к дверям. Меч сверкнул перед самым лицом Володаря.

– Защищайся, гад! – прогремел грозно Ратибор.

Саблей Володарь отразил сильный удар посадника.

– Вот тебе! – размахивая богатырским мечом, наступал на него Ратибор. – Щас голову от тебе отсеку, коромольник! Разбойник! Вор!

Володарь отбивался, уворачивался от грозно сверкающего меча. После одного из ударов, пришедшегося по шелому, из глаз молодого князя посыпались искры.

Впрочем, отвечать он тоже старался, но ловок и могуч оказался посадник, бил сильнее, начал одолевать и теснить его. Пришлось Володарю отступить к окну горницы. Но вдруг схватился Ратибор за плечо, выронил из десницы¹⁰¹ меч. Нож кривой вонзился ему сзади в лопатку.

– Получи, холуй киевский! – Игоревич подскочил к Ратибору и занёс над его головой саблю.

Володарь решительно перехватил его длань.

– Не убивай! Дядька Всеволод нам смерти этой не простит!

– Ты прав! – Давид досадливо, со звоном вогнал саблю в ножны.

– А здорово я его, ножом! – добавил он с усмешкой. – Такое дело!

Посадник, обезоруженный гриднями, корчась от боли, сквозь зубы зло процедил:

– Не в честном бою, со спины одолели вы меня! Воры еси! Да я б вас всех порубал! Псы! Что, довольны?! Дружину мою побили! Ночью! Тати, разбойники и есь! Где ж честь ваша княжеская?!

– Ты помолчал бы! – перебил его Володарь. – Радуйся, что живу остался! Прямо же только вороны летают! Помни это! Эй, други! Лекаря сюда! Рану боярину Ратибору перевяжите! И под стражу крепкую его, в палату, покуда не оправится!

Каменный терем княжеский был оцеплен воинами Володаря и Игоревича, крепостные стены заняты, у врат городских также нарядили охрану. Убитых с обеих сторон оказалось мало. Чужа, что сила не на их стороне, люди Всеволода и Ратибора поспешно сдавались в плен. Многие уже утром готовы были перейти к новым властителям Тмутаракани на службу.

⁹⁸ Сулица – короткое метательное копье.

⁹⁹ Червлёный – красный.

¹⁰⁰ Умбон – металлическая бляха-накладка полусферической или конической формы, размещённая посередине щита.

¹⁰¹ Десница – правая рука; шуйца – левая рука.

«Легко и просто. Не слишком ли? – На рассвете, невыспавшийся после трудной ночи, Володарь задумчиво вышагивал по заборулу стены. – Что дальше? Как править будем?»

...Первыми явились в княжеские хоромы хазары. Вместе со знакомцем Халдеем пришли несколько седобородых старцев в длинных полосатых халатах, шапках с полями и причудливых туфлях с загнутыми вверх носками. Один из них, помоложе, назвался старостой общины.

– Моё имя Вениамин. Я происхожу из древнего хазарского рода. Мои предки жили в Итиле¹⁰², – заявил он. – Просим же мы вас об одном. Мы оказали вам, сиятельные архонты¹⁰³, услугу – пригласили вас сюда и открыли ворота крепости. За это позвольте в нынешнее лето освободить нашу общину от дани.

– Хорошо, – сдвинув недовольно брови, ответил ему Игоревич.

– А в дальнейшем прошу вас, доблестные, не посылать к нам своих тиунов. Мы обязуемся каждое лето платить вам пятьдесят гривен¹⁰⁴ серебра. Чистого серебра.

– Сто! – оборвал коротким окриком речь хазарина Давид.

Вениамин поцокал языком.

– Сто – много! Семьдесят гривен!

– У нас здесь что – торжище?! – заорал взбешённый Игоревич.

Хазарин попятился назад. Лицо его приняло злобное, полное угрозы выражение. Вытянув длинную шею, выпучив глаза, походил он сейчас на змею. И не заговорил он в ответ, а зашипел, словно змея:

– Не забывайте, кто добыл для вас княжение!

Володарь поспешил вмешаться:

– Пусть будет семьдесят гривен. Этого достаточно.

Хазарин тотчас успокоился и удовлетворённо кивнул. Старцы кланялись князьям в пояс, говорили, что будут верны своим новым правителям и что вся их община будет стоять за них горой.

Когда они наконец вышли из палаты, Давид хмуро обронил:

– Продешевили мы! У хазар ентих серебра не счесть!

– Не стоило их раздражать. У них здесь, в городе, много сторонников. Не забывай, брат, что сотворили с князем Олегом. Не хочется мне повторять чужие ошибки, – возразил ему Володарь.

В тот день побывали у них в тереме и люди от армян, и греки. Все выражали покорность, несли дары. Последними явились богатые русские купцы. Сказали веско:

– Коли не станете торговле мешать, коли брать будете токмо то, что по Правде Русской¹⁰⁵ положено и обороните от ворогов в час лихой Тмутаракань и Корчев¹⁰⁶ – что ж, сидите у нас.

Давид радовался, потирал руки, подсчитывал будущие барыши, Володаря же не покидали опасения. Слишком всё было просто.

Вечером он посетил главный городской храм – церковь Пресвятой Богородицы. В тесном приделе мерцали свечи. Царила суровая, тягостная, полная скорби тишина. Большой каменный гроб стоял в глубине ниши. Короткая выбитая на камне надпись гласила, что положен здесь почивший в лето 6575¹⁰⁷ от Сотворения мира февраля в 17-й день русский князь Ростислав, сын Владимира.

Володарь встал на колени. Горло ему сдавил тяжёлый ком. По щекам заструились слёзы.

¹⁰² Итиль – город на Нижней Волге, столица Хазарского каганата. Разрушен русскими войсками в 960-х годах.

¹⁰³ Архонт (*греч.*) – князь, владетель области.

¹⁰⁴ Гривна – крупная весовая и денежная единица Древней Руси.

¹⁰⁵ Русская Правда – сборник законов Древней Руси.

¹⁰⁶ Корчев – Керчь.

¹⁰⁷ 6575 год – 1067-й по современному летосчислению.

– Боже мой! – чуть слышно прошептал он. – Прощу тебя: наставь, обереги, охраняй! Отче! Молю: не дай сгинуть в краю чужом!

Почему-то в эти мгновения Володарю стало казаться, что зря он пришёл сюда, зря захватил стол в этом загадочном старинном городе. Но отступать было поздно.

Глава 10

Боярин Ратибор быстро оправился от раны. Сидел в своём покое, окружённый копьями Володаревых гридней, злился, изливал желчь свою и досаду в смачной ругани.

Володарь пришёл к нему спустя седмицу¹⁰⁸, сел на лавку, спросил:

– Как плечо? Заживает?!

– Да хоть щас с тобою сражусь! Дай токмо меч мне! – воскликнул Ратибор. – На мне, яко на собаке, всякая рана заживает! Игоревич твой исподтишка, в спину нож бросил! Ты, я гляжу, не таков! Вот тебе совет мой: остерегись! Давидка – он вор! Лихой он человечешко! А князёк дурной! Вот отец твой – хоть и ворог нам был, но прям он был, смел, безоглядчив! Любили его на Руси!

– Что ты, боярин, князей судить тут принялся? Твоё ли это дело? – с удивлением заметил Володарь.

– Может, и не моё. Ты слова мои попомни. Игоревич – мразь, дрянь! Зря ты с им повёлся. Уж я-то со многими князьями знаком был, многих норов ведаю. Пото¹⁰⁹ и говорю тебе. – Боярин лихо подкрутил здоровой рукой седатый ус.

– Вот что, Ратибор. Мы – не злодеи какие, не кровопивцы! Заняли мы Тмутаракань, потому как князь твой Всеволод никаких уделов нам давать не хочет. О том ему и скажешь, как в Киев воротишься. Держать тебя в Тмутаракани под стражей мы с Давидом более не будем. И за ворогов лютых нас не почитай! – объявил Володарь. – Коли рана твоя зажила, нынче же и отъезжай! Из ратников своих, кого хочешь, возьми.

– Тебя более ворогом почитать не буду! – вскинул голову Ратибор. – Честный был у нас с тобою поединок! Доведётся – продолжим его когда! А об Игоревиче всё тебе уже молвил. Дозволь, нынче же съеду. Припасы соберу, рухлядишку – и в путь.

– Добро. – Володарь поднялся, собираясь выйти, но у самого порога вдруг остановился и обернулся. – Вот что, боярин. Говоришь, отца моего ты знал. Как думаешь, из-за чего отец мой, князь Ростислав, нас малых с матерью во Владимире бросил и прибежал сюда, в Тмутаракань эту?!

– А зрел, торг здесь каков?! Платна¹¹⁰ какие, шёлка многоценного сколь! Паволоки, парча, рыба, ворвань, меды! Кони резвые! Чего токмо несть! Злато тако в руци и сыпется! Вот и восхотел сего отец твой!

– А правда, будто жёнка у него была, полюбовница? – спросил вдруг Володарь.

– Правда, князь. Девка – очей не оторвать! Да ты её сам узришь, коли хопь. Здесь она живёт, в Тмутаракани, и по сей день. Таисией зовётся. Из древнего, да обедневшего рода Каматиров. Дальний пращур ейный строил для хазар крепость Саркел¹¹¹. Белую Вежу, по-нашему. Тако вот. – Ратибор вздохнул. – Токмо ты, князь, лиха Таисии сей не чини. Не поминай обид былых. Она тут ни при чём. Славная жёнка.

– Ладно. Зря я её вспомнил. Прощай, боярин Ратибор. Может, свидимся когда. Удачи тебе, – заключил Володарь.

– И тебе.

Два человека, бывшие врагами, супротивниками, но не озлобившиеся, не обратившиеся в диких зверей, на том расстались. Если и будет после князь Володарь вспоминать о боярине Ратиборе, то только с уважением.

¹⁰⁸ Седмица – неделя.

¹⁰⁹ Пото (*др.-рус.*) – потому.

¹¹⁰ Платно – ткань, полотно.

¹¹¹ Саркел (Белая Вежа) – крепость на Дону.

Глава 11

Халдей спешил в княжеский терем с очередной важной вестью. Конь его, пропетляв по посадку, рысью вынесся к крепостным воротам. Подгоняемый нагайкой, промчался он мимо громады собора Рождества Богородицы, свернул влево, заржал, круто остановленный всадником возле княжьего подворья. Торопливо засеменил Халдей по выложенной толчёным кирпичом дорожке.

Володарь и Давид принимали его всё в той же горнице. Чадил на ставнике светильник, луч солнечный пробил себе путь через высокое сводчатое окно и падал на фигуру хазарина в долгой серой хламиде, церемонно упавшего к ногам князей.

«У нас на Руси так не ползают. Ни один боярин не повалится. Ну, отвесит поклон, и только. Да что там боярин – и купец, и ремесленник, и людин тоже», – думал Володарь. Дико, непривычно было ему подобное раболепие. Но привыкать надо было ко всему. Привыкать и не удивляться.

– Светлые князья! Мне, сирому и худому, довелось узнать новости из Константинополя. На торгу я расспросил греческих купцов, торговцев паволоками. Так вот: пока мы с вами бороздили просторы Эвксинского Понта¹¹², базилевс¹¹³ Никифор Вотаниат был свергнут с престола. Новый базилевс у ромеев – Алексей из рода Комнинов.

– Вот так весть! – присвистнул от изумления Давид.

– Против прежнего базилевса взбунтовалась армия. Заговорщики ворвались во дворец. Старый Никифор был силою пострижен в монахи, – продолжал взволнованным голосом Халдей.

– Хоть не прикончили его, и то ладно, – заметил Володарь. – Или не накормили ядом.

– Вначале новый император хотел взять в жёны базилиссу Марию Аланскую, супругу двоих бывших базилевсов, но после он предпочёл разделить брачное ложе с патрицианкой Ириной из влиятельного рода Дук.

– Сколько лет нынешнему базилевсу? – спросил Володарь.

– Тридцать три года.

«Мы в сравнении с ним – мальчишки. Обоим только двадцать два стукнуло», – подумал Ростиславич, переводя взгляд на заметно постаревшегося Давида.

– К добру или к худу для нас переворот сей? – Глубоко посаженные карие глаза Игоревича беспокойно забегали. – Такое дело!

– Базилевс Никифор был другом князя Всеволода, базилевс Алексей – его враг, – ответил Халдей.

– С чего ты это взял?

– Ну, во-первых, достопочтимый князь Володарь, как нам всем известно, люди Никифора по стовору с князем Всеволодом увезли из Тмутаракани князя Олега. А во-вторых, Алексей Комнин – он был раньше великим доместиком Запада, то есть командовал войсками западной части империи ромеев. И когда несколько лет назад, ещё во времена базилевса Михаила Парпинака, в Херсонесе случился бунт, то покойный князь Святослав¹¹⁴, отец Олега, послал на помощь Комнину рать. Но вскоре князю Святославу выпало умереть, и тогда князь Всеволод, заняв его место, отменил уже начатый поход, вернул в Киев войско. С той поры они с Алексеем Комнином и стали врагами.

– А ты неплохо ведаешь о делах на Руси, – отметил Володарь.

¹¹² Эвксинский Понт – Гостеприимное море; греческое название Чёрного моря.

¹¹³ Базилевс – византийский император.

¹¹⁴ Святослав Ярославич – брат Изяслава и Всеволода Ярославичей, занимал киевский стол в 1073—1076 годах.

Халдей в ответ подобострастно улыбнулся.

– Рад служить вам, о доблестные князья!

– Выходит, раз базилевс Алексей – ворог князю Всеволоду, то не помочник он ему. Не поспешит воротить Тмутаракань под руку Киева. – Игоревич задумчиво огладил бороду.

– Ему это невыгодно, князь, – подтвердил Халдей. – Полагаю, в ближайшее время он не обратит на наш маленький город свой взор. Не до нас ему. Много врагов у базилевса ромеев. Турки, норманны острова Сицилия, печенеги¹¹⁵.

Разговор на том был окончен. Халдей поспешил покинуть княжеские хоромы.

Шёл он, ведя в поводу коня, по торгово-ремесленному околоградыю, мимо купецких лавок и мастерских, когда внезапно до слуха его донёлся звон яровчатых гуслей¹¹⁶ и громкий, выводящий старинный напев голос певца. Халдей обомлел от неожиданности. Бледность растеклась по красивому молодому его лицу: «Боян! Песнетворец Боян! Правая рука князя Олега! Не может быть!»

Халдей осторожно протиснулся через торговые ряды.

Молодой светлолицый гуслиар в белой русской свите, с рыжими выющимися волосами, перетянутыми цветастой лентой, выводил на гусях мелодию.

Узнав его, Халдей в ужасе шарахнулся в сторону. Быстро сообразив, как теперь быть, он вскочил в седло и галопом помчался назад, в крепость.

Володаря он в тереме не застал, и это уже было хорошо. Всё-таки князь Давид был проще и понятней, одно занимало его думы – власть и серебро. Дрожа всем телом, Халдей подскочил ко князю и взволнованно выпалил:

– О, светлый князь! Там, внизу, в окольном городе, объявился наш враг, Боян. Он боярин князя Олега. Вели схватить его, князь! Боян здесь неспроста. Начнёт подговаривать простой люд на встань!

Давид не мешкая послал к указанному Халдеем месту двоих дружинников.

Рыжеволосый певец и не думал скрываться. Когда же дружинники, обнажив сабли, подступили к нему, вдруг перегородил им путь здоровенный детина-кузнец.

– А ну, не трожьте нашего Бояна! – прорычал он, потрясая кулаком.

Тотчас обступила воинов грозно клокочущая толпа. Были здесь и жёнки, и подростки, и старики, и мужи с дрекольями и топорами. Под шумок кто-то ухватил песнетворца за руку и увлёк за собой. Мало-помалу толпа разошлась, рассосалась. Встани не случилось, но Володарю с Давидом стало беспокойно.

Верные им люди, переодетые в простые свиты, на следующий день обшарили весь город. Искали Бояна и хазары, всюду спрашивали о нём, сулили звонкое серебро, но словно сквозь землю провалился знаменитый песнетворец.

– Видишь, брат, – говорил после Володарь Игоревичу. – Тмутаракань покуда не наша с тобой. Князя Олега и иже с ним. И неведомо, покорится ли нам она.

С высоты крепостной башни смотрел он на морские просторы, на бухту и загадочный, непостижимый многолюдный город. Душу наполняла тревога.

¹¹⁵ Печенеги – союз тюркоязычных племён. В описываемое время были оттеснены половцами из причерноморских степей и кочевали в Нижнем Подунавье. Совершали опустошительные набеги на Византию и Венгрию. Представляли из себя европеоидов с небольшой примесью монголоидности.

¹¹⁶ Резонаторные коробки гуслей делают из явора. В языке «яворчатый» превратился в «яровчатый».

Глава 12

Жёнку эту Володарь в первый раз увидел в соборе, на молитве. Белый чепец плотно покрывал ей голову, тело облегалo лёгкое шёлковое платье цвета морской волны. Он стоял от неё сбоку и то опускал очи долу, коря себя, что неподобные мысли лезут в голову во время службы, то осторожно взглядывал на неё, чувствуя, как от красоты этой чуть ли не дыхание перехватывает.

Всё в Таисии было соразмерно, словно бы, создавая её, Господь, как утончённый скульптор, вырисовывал с любовью каждый штришок. Высокий, но не чрезмерный лоб, большие глаза цвета южной ночи, тонкие уста, нос с небольшой греческой горбинкой, гладкий, будто из мрамора выточенный, подбородок – всё в ней было прекрасно.

Володарь поймал себя на том, что хотел бы увидеть её обнажённую, хотел любоваться округлостями её груди, стройными ножками – а он был уверен, что скрытые одеяниями грудь и ноги её столь же прекрасны, как и лицо.

Когда она вышла из собора и в сопровождении одной служанки двинулась в сторону торжища, Володарь долго смотрел ей вслед.

«И почему мне по нраву жёнки старше меня? Или потому, что я, почитай, совсем ещё молод? Вот и княгиня Ирина – сколько ей? Кажется, двадцать три или двадцать четыре. А этой, верно, и вовсе за тридцать. А ведь тридцать с виду не дашь. Оно понятно: мази, притирания там разные... Вот, к примеру, Анна Вышатична. Брат Василько от неё без ума, а я гляжу – ну, девчонка, и девчонка. Чего в ней такого? Или надо мне самому взрости?»

В голове молодого князя царил хаос мыслей. Одно знал он точно: жёнку сию должен он непременно повидать.

...В дом к ней пришёл он единожды вечером, собравшись с духом. Станным казалось, что длани дрожат от волнения. Вот бился с Ратибором – и страха не было, на медведя выходил в Карпатах – тоже не боялся, а сейчас... Или надо было ему вести себя, как Игоревич? Тому Халдей частенько услужливо доставлял из порта девок – и славянок, и гречанок, и армянок. Податливые блудницы готовы были исполнить за горстку фоллов любую княжескую прихоть.

У Володаря почему-то продажные эти женщины вызывали неприязнь. Одна из них, стройная черноволосая армянка, всё жаждала вкусить с ним утех, как-то раз даже подловила в переходе, с серебристым смешком беззастенчиво притиснула большой грудью своей к стене, шепнула:

– Отведай со мной сладкого плода, архонт! Не пожалеешь!

Одолол Володарь искусу плоти, отодвинул её в сторону, коротко отмолвил:

– Недосуг!

...Служанка, старенькая гречанка в полинялом халате, провела князя через галерею с колоннами в узкую камору. Таисия, в том же платье шёлковом, в накидке-мафории на голове, встретила его стоя.

Отпустив служанку, красавица вопросительно воззрившись на него своими глазами цвета маслин.

– Ты пожелал видеть меня? – спросила она по-русски.

Русскую мову в Тмутаракани знали почти все, благо уже более ста лет город сей с прилегающими окрестностями принадлежал Руси. Гречанка же говорила чисто, без акцента, голос у неё был сильный и звонкий.

– Давно хотел, – признался Володарь. – Много слышал о тебе.

– Садись. Будешь сегодня моим гостем.

Таисия хлопнула в ладоши. Перед Володарем возник поднос с фруктами, затем появились вино и восточные сладости.

Женщина сняла мафорий, откинула назад каскад густых каштановых волос, грустно улыбнулась, спросила вдруг:

– Мне говорили, ты – сын архонта Ростислава. Правда ли?

– Правда.

– Я знала... хорошо знала твоего отца. Прости, но ты совсем не похож на него. Вот я и засомневалась.

– Многие говорят так. Те, кто был знаком с моим покойным родителем.

– Он был светловолос и синеглаз, ты темнее. И черты лица...

– Я выдался в мать. Как и мой старший брат, Рюрик. Младший, Василько, – тот, говорят, более схож с нашим отцом.

Женщина умолкла. Уловив во взгляде её беспокойство и озабоченность, Володарь промолвил:

– Не хочу вспоминать, что там у тебя было с отцом. Зла тебе никакого чинить не стану. Просто... пришёл на тебя взглянуть... В самом ли деле ты такая красивая, как о тебе рассказывают.

– И что? – Таисия тихо засмеялась. – В самом деле, красива?

– Да. – Володарь чувствовал, что, как будто туманом, обволакивает его разума красота этой жёнки. Было мгновение, когда готов он был упасть к её стопам, готов был сорвать с неё одежды, окупиться в сладостные объятия.

Удержался, одёрнул себя. Что сказать сейчас, не знал. Бурно kloкотала внутри его плоть.

– Налью тебе вина, князь. Позволь, я поухаживаю за тобой, – сказала женщина. – Твой отец был тебя постарше, когда знал меня. Его отравили. Когда он умер, я рвала на себе волосы от отчаяния и горя. Но всё это схлынуло... Время излечивает раны... Я была молода – всего восемнадцать лет. В таком возрасте горести проходят быстро.

«Восемнадцать. Выходит, ныне – тридцать один или тридцать два, – прикинул в уме Володарь. – Молода ещё. Хотя много старше меня».

Таисия взяла в руку красное яблоко, стала грызть его. Обнажился красивый ровный ряд белых зубов. Выразительно смотрела опытная, хорошо разбирающаяся в мужчинах красавица на оробевшего молодца.

Всё пыталась увидеть в нём хоть какое-то сходство с отцом, но найти не могла. Ростислав – тот бы уже давно увлёк её на ложе, он был порой несколько груб, порой, наоборот, нежен, и напирал, настаивал, врвался в её жизнь, как морская волна в бурю, как свирепый ветер, как стрела, жалящая в сердце. Володарь – Таисия поняла – был совсем не такой. Невзирая на невеликие лета, жизнь научила его осмотрительности и осторожности.

Князь выпил немного сладкого красного вина. Таисия пила больше, вкушала вино с заметным наслаждением, норовила подлить и ему в чару, но Володарь с мягкой улыбкой отстранял её изящную белоснежную длань.

– Не пьёшь совсем. Думаешь, я подмешаю в вино яд? Не бойся. Этого не будет.

– Я и не боюсь. Просто... предпочитаю воду. Вода не туманит мысли.

Женщина тихонько прыснула со смеху.

– Какой ты забавный, князь. Слово и не муж, а ребёнок ещё. Скажи, у тебя были женщины? Ты был влюблён?

Вино явно развязало гречанке язык.

– Не забывайся. Близость твоя с моим несчастным родителем – ещё не повод для столь дерзких вопросов! – неожиданно резко осадил её Володарь.

– Выходит, у тебя не было женщин. Или было их слишком мало. Ты не знаешь их и опасешься. Так? – Слова князя несколько не смутили красавицу. Она игриво пощекотала пальчиком с длинным ноготком его подбородок. – У тебя и борода не выросла. Или ты, как угр или фрязин, брешься?

«Издевается она надо мной, что ли? Жрица любви – чтоб её!» – Володарь зло скрипнул зубами.

– Ну, не обижайся. Прости меня, – протянула Таисия. – Просто, скажу тебе... Я давно не подпускала к себе мужчин. Мне грустно и одиноко.

Молодость брала своё. Не выдержав в конце концов искушения, впился Володарь устами в жаркие губы красавицы-гречанки. Она ухватила его за руку и увлекла за собой в соседний покой, посреди которого размещалось просторное ложе.

– Раздевайся и ложись, – шепнула Таисия.

Почти до рассвета предавались они сладкому греху.

После, уже в предутренней мгле, они долго лежали молча, оба уставшие от ласк. Гречанка ровно дышала, доверчиво уткнувшись лицом Володарю в плечо.

«Вот мечтал её увидеть, что греха таить. Ещё в Перемышле мечтал, чтоб случилась ночь эта, – думал Володарь, глядя на чадающий на ставнике глиняный светильник. – Господи! Сколь она красна! И неутомима на ласки! Вот если бы я не был князем, я бы женился... Она быстро состарится, превратится в седую беззубую старуху-ведьму... Что за мысли?! Теперь я понимаю отца... Вслед за ним я приду сюда снова, в эту опочивальню... А потом, что потом? Где гордость княжеская? Игоревич?! Что брать с него пример? Или Ратибор был прав, назвав его дрянью и мразью?! Это он так сказал с досады...»

Мысли снова путались, сам не заметил молодой князь, как заснул. Пробудился он уже в разгар дня. Таисия полусидела-полулежала рядом и, держа в руке перо, с тихим смехом щекотала ему шею и грудь окрест сосков.

Всё ещё обнажённая, с гладкой кожей, она была прекрасна.

– Пора вставать, – протянула она. – Тебя ждут дела. Приходил хазарин... – Таисия задумчиво приставила палец к подбородку, стараясь вспомнить имя. – Халдей.

Она набросила на плечи лёгкий халатик, перетянула пояском осиный стан.

– Надо ж. И тут сыскал! Никуда-то от него не укроешься, – проворчал Володарь, с удивлением качнув головой.

Нехотя поднялся сын Ростислава с ложа, зевнул, перекрестил рот, стал медленно одеваться. Спросил, глядя на довольную гречанку:

– Чем ты живёшь, женщина? Время от времени ублажаешь по ночам мужчин? Тебе платят за это?

Спустя мгновение он понял, что обидел её. Щёку больно обожгла хлёсткая оплеуха.

– Думаешь, с тобой я тут, так и со всеми! – возмущённо воскликнула Таисия.

– Прости, сказал глупость. – Володарь виновато потупился.

– Хорошо, прощаю на первый раз. Но впредь такого не потерплю! – решительно заявила гречанка. – Если хочешь знать, я отвечу. Я ведь была замужем, имела детей. Уже после твоего отца. Кое-какие сбережения мне остались от покойного родителя и мужа – они вели торг на море, плавали в Царьград и даже в Мессину, на Сицилию. Попали в плен к норманнским пиратам, оба погибли. Я осталась одна, потому как двое моих детей умерли во время чумы. У меня есть два небольших судна, две хеландии. Они возят товары к вам на Русь. Тем и кормлюсь. Ещё твой отец... Он осыпал меня серебром. Но то серебро... Я верну его тебе и твоим братьям... Оно не моё...

– Ничего от тебя нам не надо. Прости ещё раз. Был с тобою груб, – виновато опустив голову, промолвил Володарь. – Прошу об одном – разреши прийти к тебе ещё.

– Ты князь и спрашиваешь позволения? – Уста Таисии тронула улыбка. – Приходи. Буду рада, – добавила она как-то буднично просто.

Они расстались на каменных ступенях старенького крыльца. Кликнув заспанного гридня, который провёл ночь в погребке, где вместе со старым слугой гречанки, бывшим моряком, вдо-

воль отведал доброго вина и услышал немало занимательных историй, поспешил Володарь на княж двор.

Глава 13

Густой камыш плотной стеной покрывал низкие берега Гипаниса¹¹⁷. Проводник-хазарин уверенно вёл князей и их спутников через заросли, обходя топкие болотистые места.

– Здесь много диких кабанов! Большая охота ждёт архонтов! – говорил он, скаля в лъстивой улыбке крупные зубы.

Подобострастие хазарское Володарю с Давидом уже порядком наскучило.

«Вот лебезят, в ноги падают, а случись какая беда – тотчас разбегутся», – думал Володарь, с неодобрением посматривая на широкую спину хазарина, раздвигающего стебли высокой травы.

Открылось небольшое озерцо, под лучами солнца оно поражало своей неестественной лубочной синевой.

Зашуршал камыш, высунулась голова сотника Юрия Вышатича.

– Ловчие с собаками вепря гонят! Вон, над озером, утки взметнулись! Тамо!

– Пошли! Вборзе! – крикнул возбуждённый Игоревич.

В деснице он сжимал длинное копье.

Молодой Юрий был послан к Володарю и Давиду из Владимира своим отцом, боярином Вышатою Остромировичем, во главе сотни волынских удальцов, как только свестили в городе о захвате ими Тмутаракани. С собой Юрий, добравшийся до Корчева посуху, на конях, привёз длинное послание Вышаты, в коем опытный боярин дал Володарю ряд советов.

Володарь рад был подмоге от старого отцового товарища, и делал, как тот и предлагал: большую часть обильного серебряного потока, который получал от торговых пошлин, отсылал он с верными людьми братьям, матери и самому Вышате на хранение. Уже дважды за короткое время сгонял неутомимый Вышатич на Червенщину и воротился назад. Хоть и трудно, верно, было ему, но не сходила с уст улыбка – служил парень толково и радовался, что находился при деле.

Игоревич – тот свою часть прибыли оставлял у себя. Замечал не раз Володарь, с каким вождением пересчитывает Давид монеты и слитки, как горят его глаза при виде журчащего звонкого серебра.

«Корыстолюбив паче всякой меры! Вцепится зубами – не отдаст! Может, прав был Ратибор?» – размышлял порой Володарь.

...Кабан, хоть и ждали его, выскочил из камышей на тропу неожиданно. Злобное громкое хрюканье его: «Жох! Жох! Жох!» заставило охотников резко повернуться и поднять копья.

Свирепый зверь метнулся меж двумя гриднями и понёсся прямо на Игоревича, который, успев отпрыгнуть, ловко уклонился от удара страшных клыков и не мешкая ударил кабана копьем. Древяно внезапно хрустнуло, переломилось, остриё осталось сидеть в кабаньем боку. Зверь взревел яростно, гридни закричали, Давид не удержался на ногах и с размаху, чертыхаясь, полетел с кочки в болотную жижу. Грозно сверкнули острые кабаньи клыки. И гридни, и Юрий, и Володарь на мгновение опешили, растерялись. Никто из них не заметил, откуда возник и как оказался рядом со зверем некий щуплый на вид воин в лёгких серебристых доспехах. Только вдруг круто остановился огромный дикий вепрь, в последний раз успев издать своё страшное хрюканье, и завалился набок. Впилося в кабанье тело острое копье. Упавший Игоревич едва успел убраться под себя ноги.

Убивший зверя воин тотчас отступил в сторону. Давид поднялся, хмуро осмотрел вепря, досадливо качнул головой, – не моя, мол, добыча.

¹¹⁷ Гипанис (греч.) – Кубань.

Меж тем гридни обступили незнакомца. Лицо его покрывала булатная маска-личина, какие обычно носили кочевники-торки, но нередко во время сражений надевали и русские ратники.

– Кто ты, удалец?! Выручил, спас князя нашего от гибели! – посыпались вопросы.

Неторопливым движением воин в серебрястом панцире снял личину, шелом и прилбицу. Тонкая тугая коса упала на плечо.

– Гляди, девка! – воскликнул Юрий Вышатич.

Совсем юное женское лицо, смуглое, с чёрными соболиными бровями и орлиным профилем предстало восхищённым взорам.

– Кто ты, славная дева?! – спросил изумлённый Давид. – Такое дело! Жизнью тебе обязан!

Девушка молчала. Как показалось Володарю, с неким испугом даже смотрят на гридней и князей её чёрные очи.

– Ты, может быть, амазонка? Слышала про таких? – спросил он, улыбнувшись, по-гречески.

Видно было, девушка поняла его вопрос. Она так же улыбнулась ему в ответ и ответила по-русски, с трудом подбирая слова:

– Не амазонка... Дочь князя Идара... Имя моё – Лашин...

– Она касожинка, – зашептал в ухо Володарю хазарин. – Дикое племя, нам враждебное. Надо взять тушу кабана и поскорее возвращаться в город.

– погоди! Как-никак без её помощи худо бы пришлось князю Давиду, – возразил ему Володарь.

– Кабан сей – твоя добыча, солнцеликая дева! – возгласил восхищённый Игоревич. – Но ответь: ты здесь одна охотишься? Где твои спутники?

Девушка не успела сказать ни слова. Снова громко зашуршали камыши. Большая группа смуглых людей в бурках и бараньих папах окружила немногочисленный отряд руссов. Среди них были и конные.

«Касоги!» – понял Володарь. Десница его потянулась к рукояти сабли.

Один из всадников, плечистый, усатый богатырь, подъехал к ним вплотную и примирительно поднял руку.

– Идар, князь племени касогов, приветствует вас, князья руссов, на своей земле! – торжественно произнёс он. – Давно жду вас к себе в гости. Вижу, что моя дочь уже успела принять участие в вашей охоте. Прошу вас посетить мой дом.

Отказываться было и неприлично, и опасно. Переглянувшись, Давид и Володарь приняли приглашение.

...Селение касогов располагалось на склоне горы над берегом моря. Внизу кружили с криками чайки, в вышине, в облаках, парил гордый орёл. Пастух сбивал в кучу стадо овец, гнал его по тропе вверх, на горные луга.

В просторном сложенном из камня и кирпича доме горел очаг. Хозяин щедро угощал Давида с Володарем сочным мясом только что зажаренного барашка, говорил:

– Князь Олег был нашим другом. Вместе мы ходили добывать ему стол на Руси. Жаль, не вышло. В дело вмешались коварные хазары. Князя вероломно схватили после пира, отвезли на греческий корабль и выслали в землю ромеев. После этого события место князя в городе Таматархе занял наш враг Ратибор. Он не искал нашей дружбы, посылал разорять наши селения своих людей. Но, я слышал, вы, князья, взяли в плен и выгнали нашего врага. Враг нашего врага – наш друг! Так выпьем же за дружбу, доблестные!

Идар поднимал наполненный красным виноградным вином рог и чокался с князьями руссов.

Горница была полна людей. Веселились долго, шумно, касожская молодёжь под звуки бубнов кружилась в замысловатых танцах.

Лашин, появившаяся на пиру в дорогой парче, в шёлковом платке на голове, вся сверкающая серебром перстней и гривен, подавала высоким гостям кушанья.

В одно из мгновений восхищённый Давид ухватил её за длань, шепнув восторженно:

– Моя спасительница!

Девушка отстранилась, но по устах её скользнула улыбка.

– Ты бы остерегся, – зашептал на ухо Игоревичу Володарь. – У этих людей странные обычаи. Могут из-за незначай брошенного взгляда учинить ссору. А то и войну начнут. И будем мы с тобой не гостями уже на их пиру!

Ночью, когда оба князя, удобно устроившись в отведённом им покое, склонили головы на цветастые, расшитые узорами подушки, Игоревич вдруг сказал:

– Такое дело! Надобно ить нам, брат, укреплять тут, в Тмутаракани власть свою. Чтоб касоги енти, язычники, нас с тобой уважали и за нами шли. Чтоб вся земля ихняя дани бы нам платила да добрых воинов в дружину поставляла. Князёк сей, Идар, верно ить глаголет. Такое дело! Дружба! А какая дружба, ежели он за Олега, за Святославичей стоял и супротив родителя твоего ратился? Дружбу, иными словами, крепить надобно! Такое дело!

– Не уразумел, к чему клонишь?

– А к тому, братец, что дочка у Идара вельми пригожая. Что, ежели ожениться мне? В православие она, думаю, перейдёт, варварские обычаи свои оставит. Тут такое дело.

– Выходит, сестру мою позабыл уже, Давид? Забыл, как мне с братьями намекал в Перемышле? – грустно усмехнулся Володарь.

– Да что ты всё про сестру свою? Ну, было тако, а нынче инако! Такое дело! – В голосе Игоревича угадывалась досада. – Ты пойми: нам закрепиться тут, в Тмутаракани, надо! Такое дело! Вот и думаю... К тому ж девка знатная, богатства у её папаши немало. Вон, в серебре вся!

– Что ж, сам думай, Давидка! – махнул рукой Володарь. – Засылай сватов, коли сия Лашин тебе приглянулась. Говоришь ты верно. Надо касогов от Олега оторвать. Чтоб и не вспоминали о нём. Одно плохо: хазарам нашим это не по нраву придётся. Давняя у них с горцами вражда. Потому... ты бы повременил покуда... Не спешил...

– Нам бы... Такое дело! Бояна бы споймать! Где ж сия вражина, змея подколодная, скрывается?! Вот изловим его, тогда заживём! – Давид мечтательно вздохнул, забросив руки за голову.

– Его изловим, другие явятся. Тут, братец, Олеговых дружков немало! Если бы в одном Бояне дело было!

– Тем паче, Лашин сия нам пригодится! – воскликнул Игоревич. – Останется Олеговым доброхотам токмо локти кусать! Такое дело!

– Ты потише говори. Услыхать могут. Многие тут, и Лашин сама, и отец её в том числе, мову русскую понимают, – предостерег его Володарь. – Спать давай! Утро вечера мудренее!

...Спустя седмицу князья воротились с щедрыми дарами в Тмутаракань. Любуясь дорогой саблей в чеканных ножнах – подарком Идара, Володарь тем не менее горцам до конца не верил. Не то чтобы они были ему враждебны, но случись с ними рядом какой Боян или тайный лазутчик из Киева, неведомо было, на чью они встанут сторону. Игоревич был прав. Женитьба его могла решить многое.

Глава 14

Гонцы скакали по широкому шляху, белая пыль, поднимаемая копытами резвых коней, взметалась ввысь и клубилась в жарком воздухе. Спешили по своим делам торговые люди, русские и иноземные гости, скрипели телеги, возы с товарами. Обозы сбивались в кучу у мостов, слышались громкая брань, крики. Оборудованные копьями ратные требовали проездное и провозное мыто. Возле берега Луги, внизу паслись тучные коровы.

Лето стояло в разгаре, становилось жарко. Князь Ярополк, ещё раз глянув из теремной башни на дорогу, круто поворотился и сбежал вниз, во двор. На ходу сорвал с плеч полотняную изукрашенную у ворота и подола узорами белую рубаху, кликнул челядина, велел окатить себя водой.

Долго с удовольствием отфыркивался, чувствуя, как по всему телу растекается приятная свежесть.

– Ещё! – потребовал князь, подставляясь под ледяные струи. Мышцы играли на сильных руках. Ладно скроен был Ярополк. Не одна жёнка невзначай засматривалась на крепкого, как дубок, «добра молодца». Любовалась сыном и мать его, Гертруда. Стояла у окна бабинца, глядела на него, вздыхала тихонько.

«Твёрдости духа бы тебе, Пётр – Ярополк. Не позволял бы братии своей ковы плести! Не благоволил бы изгоям! Не пивал бы медов излиха!» – сокрушалась вдовая княгиня.

Сколько раз говорила ему, да всё одно – отмахивается от неё Ярополк, как от мухи надоедливой.

Вот ныне опять пригред у себя в волости Рюрика с Васильком, велел кормить их со своего стола в Перемышле, обещал подумать об их будущем, хочет отдать им во владение один добрый городок близ истоков Буга – Свиноград.

«Свои чада растут! О них бы подумал лучше!» – Гертруда недовольно хмыкнула.

Хоть и жара стояла, не снимала княгиня чёрного вдовьего платья. Ходила в убрусе, в долгой свите, словно монахиня, часы проводила в молитве перед распятием в домовом костёле. Молилась о сыне своём, обращалась с горячими просьбами о заступничестве к Богу, Богоматери и святому Петру.

«Усмири недругов его, внуши ему твёрдую надежду, истинные чувства, совершенную любовь. Освободи его от неприятелей, чтобы не попал к врагам, чтобы недруги не радовались его поражению, отведи от него гнев и негодование, защити несокрушимой стеной в битве, милосердной помощью обрадуй его сердце», – молила Гертруда святого апостола Петра. Слова эти поместила она в свой псалтирь, богато украшенный миниатюрами. По велению княгини-матери строили нынче в Киеве латинскую церковь Святого Петра. Вместе с сыном щедро отсыпала она зиждителям¹¹⁸, строителям и печерским монахам золото из своей скотницы¹¹⁹.

Собиралась Гертруда нынче в стольный Киев. Немало было там у неё дел. И на храм строящийся надо поглядеть, и перетолковать кое с кем из бояр, и ещё одно волновало ум: что-то зачастили через волынские земли в Киев послы из Германии, от императора Генриха. Вот и сейчас пребывает у князя Всеволода некий епископ Адальберт из Ольмюца.

Недруг император Гертруде и её сыну. Мало того, что в секте сатанинской состоит, так и в бытность её с мужем и сыном в изгнании помощи не оказал, наоборот, сносился с ворогами на Руси. Источал улыбки, а за спиной нож держал. Иное дело – римский папа: сразу дал Ярополку грамоту, нарёк «королём Руси», заставил польского князя выступить на Киев. Папа и император – враги лютые, не один десяток лет бьются между собой за власть и земли, за инвестиру –

¹¹⁸ Зиждитель (*др.-рус.*) – зодчий.

¹¹⁹ Скотница (*др.-рус.*) – казна.

то есть право назначения на церковные должности. В яростной войне этой в крови топят они города италийские и немецкие. Смута царит на Западе...

Гертруда вздохнула. Сын её, заметив въезжающего на подворье на белом скакуне Фёдора Радко, громким голосом велел звать его в горницу и устремился к крыльцу.

...Опять они сидели втроем в просторной зале дворца: Ярополк, Гертруда и боярин Лазарь. Фёдор Радко, по-молодецки встряхивая светлыми кудрями, бойко рассказывал:

– В обчем, прознал я, княже, всё как ты мне и велел. Бискуп¹²⁰ сей, Адальберт, послан в Киев крулем Генрихом...

– О том без тебя догадались! – недовольно перебила его Гертруда.

– Погоди, мать! – остановил её жестом руки Ярополк. – Говори, Фёдор! Как сведал, что, от кого?

– В обчем, мыслит круль Генрих соизиться со князем Всеволодом. Чтоб вместе, с двух сторон, на угров ударить!

– Вона как! – воскликнул боярин Лазарь. – Да верна ли сия весть?!

– Верна, боярин. – Радко презрительно усмехнулся.

– Сказывай, как добыл её! – потребовала нетерпеливо Гертруда.

– Да, светлая княгиня, в обчем, тако дело было. Ну, приехал я в Киев... На дворе постоялом, где Адальберт сей с прислугою поселились, встретил одного клирика¹²¹. Вельми до вина и ола охоч оказался. Ну, за чарою у его и выспросил всё. Клирик тот – лицо доверенное бискупа. Обо всех еговых делишках ведает.

Гертруда, не удержавшись, фыркнула от смеха, представив себе пьяного латинского попа в обществе молодца Радко.

– В обчем, хочет круль Русь с уграми стравить, ко своей выгоде, – продолжал Радко. – Ну, князья наши, Всеволод и сын его, Владимир, сперва загорелись было мыслию сей, но потом поостыли, помозговали, боярина Чудина к уграм послали. Но, слышал я, рати они наготове держат.

– И хочется, и колется, стало быть. – Гертруда задумалась.

– Надобно круля Угорского Ласло упредить. Он нам – друг и союзник, – предложил Ярополк. – Еже что, поможет.

Гертруда с сомнением качала головой.

– Успеешь, – обронила она и тут же со злостью добавила: – А племянничку еговому, Коломану, не верую я! Волк затаившийся! И мамаша его полоцкая – стерва! Не ведаю я, сын, как нам быть! Фёдора вот в Угры пошлём. Разведает всё, как там у них.

– Енто мы сделаем! – заявил, как всегда, уверенный в себе Радко.

– Я же в Киев ныне отъеду. На божницу строящуюся поглядеть надо, гробу отца твоего поклониться, – молвила Гертруда, обращаясь к сыну. – Давно в Киеве не была.

Свещание в горнице было окончено. Радко исчез за дверями, вслед за ним поднялся, отвесив князю и княгине поклон, Лазарь. Ярополк ушёл отдавать распоряжения отрокам и гридням. Гертруда осталась в горнице одна. Долго сидела на скамье, смахивала с глаз слёзы.

Киев... молодость цветущая её... Куда всё ушло? Куда пропало? И как быстро!

¹²⁰ Бискуп – епископ.

¹²¹ Клирик – общее название священнослужителей.

Глава 15

Тёмная ночь повисла над Лугой, на речных волнах желтело отражение полной луны. Тусклая серебристая полоска тянулась к городским вымолам¹²². Лёгкий ветерок приятно обдувал лицо.

Мечник Радко, только что простившийся с Воикином и Уланом, вывел на водопой коня. Долго стоял, смотрел, как жадно пьёт верный скакун речную воду, улыбался, думал, и мысли его далеки были и от серебра Ярополкового, лежащего в калите, и от угров, к которым предстояло ему сейчас ехать, таясь от Всеволодовых и немецких соглядатаев.

Воикин давеча угощал его в своём доме, учинял пир, во время которого представил Фёдору свою сестру Радмилу. Спору нет, хороша вольнянка – личико светлое, стан тонкий, голосок милый. Намекал ратный товарищ – ожениться бы тебе, Радко. Которое уж лето во Владимире, в дружине Ярополковой, а так никого себе и не присмотрел. Погляди окрест – почти все сверстники твои женаты, чад имеют... Ты же бобылём живёшь. В доме у ты пусто, да и бываешь ты тамо редко, боле в гриднице, средь молодых дружинников, ночи проводишь. Остепениться надобно тебе, друг.

Понимал хорошо Радко Воикина, видел, что и девки, и посадские, и дочери боярские засматриваются на него, замечал, как Радмила смущённо краснеет и тупит взор, но...

Голубые очи княгини Ирины снятся ему едва не каждую ночь. Как встречает её в тереме княжом, дыхание перехватывает, цепенеет тело, сам не свой становится дружинник.

В первый раз обратил он на неё внимание во время лова. Стреляла Ирина из лука белок, и после каждого удачного попадания громко хлопала в ладоши и смеялась. Он, Радко, нёс тогда во главе отряда ратников охрану княгинь, старой и молодой. Чтоб зверь какой невзначай не выскочил из пущи, чтоб кони не понесли, чтоб ничто и никто коронованных особ не напугал и не мешал им наслаждаться охотой.

– Я попала! Попала! – восклицала молодая женщина.

В голубых, как озеро, глазах её читался восторг. Очарованный, Радко стоял, прислонившись к стволу патриарха-дуба, и не в силах был оторвать от златокудрой красавицы очей. Смотрел на её веселье, видел кривую усмешку Гертруды, прислужниц-немок, стелющих на лесной поляне кошмы, но словно ничего, кроме неё одной, не замечал вовсе.

Потом она вдруг подъехала к нему, ловко спрыгнула с лошади, спросила:

– Ты – Фёдор, да? Я встречала тебя у нас в терему... Что ты такой грустный? Всем весело... Удачные ловы сегодня.

Радко через силу улыбнулся ей.

– Да, удачные... Радуюсь вместе с тобой, княгиня...

Слова были глупы и пусты. Но что иное мог он ответить?

После, когда возвращались они с Ярополком из похода на диких ятвягов¹²³, гнали по дороге пленных – злобных язычников в звериных шкурах, обутых в грубые кожаные сандалии, вылетела им навстречу всадница в развевающейся на ветру багряной мятели и в парчовой шапочке с собольей опушкой. Круто осадил перед Ярополком скакуна, прыгнула с громким смехом князю на руки, обвила руками шею.

– Люблю... – шептали уста. – Горжусь тобой... Ты – лучший муж, лучший воин...

Радко стоял неподалёку, тупил очи в землю. Слышал он её слова, видел, как она любит, понимал, что безответно его чувство.

¹²² Вымол – причал, пристань.

¹²³ Ятвяги – древнее литовское племя, обитало на берегах Немана.

Запрокинув назад лебяжью шею, всем телом содрогаясь от смеха, Ирина ни от кого не скрывала своего счастья, своей радости, своей любви.

Ворчала что-то недовольно Гертруда, завидовали князю молодые гридни, восхищались красотой молодой княгини степенные бояре, а в сердце Радко она одна поселилась и хозяйничала, словно у себя дома. И никуда не деться было ему от этого наваждения, от бедового своего неразделённого чувства. Знал, что добром это не кончится, старался отвлечься, брался за самые трудные поручения, за самые запутанные дела, исполнял их толково, но когда возвращался во Владимир, снова чувал, как бьётся с отчаянием в груди сердце. Надо было что-то с этим делать, но что, молодой мечник не ведал...

Он не спеша взобрался на коня, ласково похлопал его, тронул поводья. Застучали по шляху копыта. Ждал впереди отрока Радко очередной опасный путь.

Глава 16

Седьмицу целую гуляла залитая вешним солнцем Тмутаракань. Реками многоводными лились меды и вина, на дворе перед княжескими хоромами рядами стояли широкие дубовые столы с яствами. Кормили всех желающих, без разбора, будь то боярин, купец тороватый или простолюдин. Рыба разноличная, копчёная, вяленая и жареная, виноград, фрукты заморские, сладости аравитские, каши, острый горский кебаб – чего только здесь не было. Пировали шумно, на широкую ногу. Не поскупился князь Давид Игоревич на угощения, не скупилась и гости его на добрые слова, поднимались, говорили пышные здравицы.

Праздновал Игоревич свадьбу свою, отмечал союз и дружбу с горцами – касогами. Светилась счастьем невеста его – дочь Идара, Лашин, под красным платьем её, перехваченным на бёдрах лентой-поясом, проступали крутые, словно у мужа, плечи. Женщина-воительница, охотница, поленица¹²⁴! Такими, наверное, были сказочные амазонки. Такова была Марья Моревна в русских сказаниях, о коей вещали древние руны, силу и красоту коей воспевали песнетворцы-гусяры.

И имя христианское получила касожинка – Мария, как будто, воистину, в честь сказочной поленицы. Показывала всем молодая княгиня свою радость, улыбалась легко и беззаботно, из-под короткой верхней губы её выставлялись маленькие белые зубы. Лишь когда бросала взор касожинка на сидящего рядом с Давидом одетого в праздничный багряный кафтан с золотым узорочьем Володаря, словно тень набегала ей на чело, тотчас супилась она недовольно.

«А тебе что здесь надобно? Помешать счастью моему хочешь?» – говорили прекрасные глаза, синие, будто перезрелые сливы.

В них читал Володарь затаённую злобу, видел сполохи грозовые, пронзающие тьму южной ночи. Становилось не по себе. Что-то надо было с этим делать. Но что? Или кажется ему всё это? Вина вкусил излиха, вот и мерещится всякая чепуха!

Он поднимал очередную чару, пил за красоту невесты, смотрел на её головной убор, на убрус, перехваченный узорчатой повязкой с вкраплениями дорогих самоцветов. Самоцветы горели праздником, а глаза... Нет, это морок какой-то!.. Отмёл Володарь прочь мысль лихую и гадкую... «Что я ей сотворил? Какое лихо?» – простучало в голове.

Но вино почему-то стало горьким. Неприметно выплеснул он очередную чару за ухо.

О том, что ощущения его верны, узнал несколько позже. Пока же, как только спустился на Тмутаракань очередной вечер и высыпали на чёрное небо мириады звёздочек, поспешил он в свои покои. С особым тщанием проверил сегодня стражу, у каждого гридня осмотрел копьё и саблю, наказал ни на миг не терять бдительности.

«Что со мной? Почему так стучит сердце? И вино... Ужель... Отравить меня хотел кто?!»

Он зачерпнул ковшом воды, промыл горло, сплюнул. Вытянулся на просторном ложе, положил рядом с собой меч в ножнах. До рассвета Володарь не сомкнул очей, всё лежал и прислушивался к звукам за дверями покоя.

Вот ударило било¹²⁵, раздалось голоса стражи на крепостной стене, вот кот запрыгнул на постель и устроился у него в ногах, вот гридни Игоревича о чём-то негромко беседуют с его воинами. Кажется, толковня идёт о заморском вине и о горских жёнках.

«Надо отвлечься, выбросить эту глупость из головы! Игоревич – мой ратный товарищ, друг! Но... Если Ратибор был прав... Опытный боярин, разбирается в людях, ведаёт, кто из князей чего стоит... Заутре пойду к Таисии... Она успокоит... Или нет... Зачем её впуты-

¹²⁴ Поленица – женщина-воин, богатырка русских былин.

¹²⁵ Било – доска; деревянный, иногда медный, колокол.

вать?.. Велю позвать ту пышногрудую блудницу-армянку. С ней, наверное, будет весело... Легко и весело».

Рассвело. Володарь поднялся, разминая уставшее после череды пиров тело, зевнул и перекрестил рот. Растворил дощатые ставни, выглянул во двор. Чей-то гужевой конь мирно щипал травку возле одного из столов. Громко храпел рядом с ним толстопузый боярин, неподалёку отрок Юрий Вышатич, видно, здорово захмелевший, силился поднять голову с лавки. Тут же сидел торговый гость из Корчева, тупо уставившись на опустевшую чару и бормоча себе под нос какую-то срамную песенку.

Под столами шевелились холопы, подбирающие объедки.

Упившихся до состояния риз было много. Одно заметил Володарь: среди пьяных – ни одного касога и хазарина. Греки были, но в основном позволяли себе валяться под столами и лавками свои, русичи. Становилось за них обидно, стыдно, подумалось с сокрушением: «Что же это мы, яко свиньи, ведём себя?! И всегда ведь так было, со времён древних скифов и росомонов¹²⁶!»

Взяв с собой двоих гридней, выехал Володарь за ворота. Стрелой промчался верный конь вниз, к городским вымолам, рванул вправо. Долго неслись вершники по пустынному в этот час берегу. Мимо проплыл хазарский конец, за ним следом – слобода армянских купцов и рыбацкие выселки с гигантскими чанами для засолки рыбы.

Когда впереди показалось широкое устье Гипаниса, Володарь круто осадил скакуна. Бросив поводья гридню, он сорвал с плеч рубаху и ринулся в воду.

Тело обдало холодом, будто сотни игл впились. Студёна была поутру черноморская водица. Широко, вразмашку, вздымая брызги, поплыл Володарь вдаль от берега. Понемногу тело привыкло к воде, дрожь прошла. Он перевернулся, лёг на спину, смотрел пристально на ярко-голубой небосвод. По тёмной, западной стороне плыли густые кучевые облака, в остальном же небо было чистым, как камень сапфир. Тонула в безмерной глади одинокая утренняя звезда. Опять стало холодно, над морем поднялся ветерок. Зарябило, заплескали у берега волны. Володарь поплыл обратно, стремглав выбежал на золотистый песок. Гридень услужливо подал князю цветастый рушник. Растеревшись докрасна, Володарь набросил рубаху и вскочил в седло. Теперь они поехали шагом, удаляясь от берега. Вскоре перед ними выросли две старинные каменные статуи.

«Бог Санерг и богиня Астарта. Им поклонялись язычники – древние греки и синды, кои жили тут тысячу лет назад. Астарта – богиня любви. Говорят, ей и поныне поклоняются местные блудницы. Отголоски старых преданий... А как у нас, на Руси?.. Богиня Мокошь стала Параскевой Пятницей, Волос – святым Власием, громовержец Перун – пророком Ильёй. Так устроен мир. Люди медленно меняют свои представления, трудно отказываются от веками сложившихся заблуждений...»

Он смотрел на огромное изваяние бесстыдно обнажённой женщины с коровьими рогами на голове.

«Рога означали плодородие. Астарте поклонялись жёнки, жаждущие иметь ребёнка – так, кажется, было у древних. Мне, христианину, не стоило б на неё глядеть... О чём это я? Я хотел идти к Таисии? Время ли? Что-то нету желания... Она стала странной в последнее время. Видно, понимает, всё понимает... Мне ведь тоже нужна жена, как и Игоревичу...»

Князь обернулся к гридням и отрывисто приказал:

– Скачем в крепость!

Бодро бежали резвые кони. Вдали виднелась залитая солнечным светом Тмутаракань.

¹²⁶ Росомоны – древний народ в Восточной Европе, упомянутый готским историком Иорданом (VI век) в связи с событиями около 375 года. Предполагаемые предки руссов.

Глава 17

Нежданно-негаданно однажды вечером Халдей привёл к Володарю хазарского старосту Вениамина. Пожилой седобородый хазарин низко склонил перед князем голову.

«Экий неприятный старикашка! По всему видать, злой и жестокий! И лебезит, равно как и Халдей», – пристально рассматривал Володарь испещрённое морщинами лицо Вениамина.

Карие глаза старосты беспокойно бегали, на Володаря он бросал короткие взгляды исподлобья.

– Спешим сообщить тебе, светлый княже! Плохие дела могут произойти в городе, – хрипел Вениамин. – У тебя могут возникнуть большие трудности.

– Объясни, в чём мои трудности? – Володарь почувствовал, как сердце его тревожно забилося.

Вмиг вспомнилась хищная улыбка Лашин-Марии.

Вениамин, поднявшись с колен, устроился на лавке. Халдей поместился невдалеке сбоку.

– Имеем верные сведения. Жена князя Давида, нечестивая касожинка, нащёптывает своему супругу в уши коварное. Требуется, чтобы князь Давид избавился от тебя и правил Тмутараканью один. Издевается над ним, именуется «полукнязем» и «полумужчиной». – Хазарин говорил свистящим шёпотом, и слова его звучали как-то особенно зловеще. – Её отец Идар готов помочь князю в этом мерзком деле.

– Откуда такие вести? И верны ли они? – Володарь нахмурился.

– Не сомневайся. У нас всюду есть свои люди. Услыхали, выпытали.

– И что же вы предлагаете? Как мне теперь быть? – Князь встревоженно посмотрел на молчавшего доселе Халдея.

– Ничего не бойся, светлый князь, – прошептал Вениамин. – Просто мы хотим, чтобы ты всё знал.

– Доверься нам, – негромко добавил наконец вступивший в разговор Халдей. – Мы постараемся избавить тебя от этой неприятности. И как можно скорее. Положись на нас, и опасность минует тебя.

– Просто будь более осторожен, чем обычно. Просим также: никому ни слова о нашей встрече.

Вениамин выразительно приложил палец к устам.

– Минует несколько дней, и всё разрешится, – молвил он, сложив на груди руки. – Дозволь нам уйти.

...Долго сидел в горнице ошарашенный известием Володарь.

«Что они делать станут? Почему говорят, ждать несколько дней? Что умыслили? И правда ли то?»

Вспоминая давешние взгляды Лашин, сын Ростислава почти не сомневался в верности сказанного хазарами. Почему они это говорили, тоже понимал прекрасно.

«Боятся, что Давид станет опираться на касогов и ясов, что прижмёт хазарскую общину города, подчиняясь воле своих новых родичей. Вот и держатся потому за меня, за мою дружину», – размышлял Володарь.

Он отказался от назначенной на следующий день охоты на вепря в устье Гипаниса, сославшись на нездоровье. Игоревич долго упрашивал его, удивлялся:

– Да чего ты, брат? В чём кручина твоя? Верно, тож ты оженить нать!

Он раскатисто хохотал, и Володарь, глядя на Давидово веселье, уже начинал сомневаться: а не врут ли чего, не выдумывают ли Вениамин с Халдеем?

– Извини, брат. Давеча в море поутру искупался, горло чего-то болит, – ответил он Игоревичу. – Отварами тёплыми полечусь, пройдёт, чай, хвороба.

– Ну, как знашь. – Давид со вздохом пожал плечами.

Из окна ложницы Володарь видел, как из ворот Детинца выехала вереница всадников. Впереди, рядом с Давидом, голубел плащ молодой Лашин. Узнал он её только по этому плащу-корзну, ничем не отличима была могучая богатырка от окружающих её дружинников. Тот же ромейский чешуйчатый доспех (тяжёлый ведь, не наша русская кольчуга), шелом с наносником, бармица¹²⁷ кольчатая падает сзади на плечи.

Умчались вдаль всадники. Володарь обошёл все дворцовые палаты, строго осмотрел каждого отрока и гридня.

«К бою словно готовлюсь! Боже, что же происходит здесь, в самом деле?! Просвети мя, Господи!» – В душе царили тревога и какая-то опустошённость.

Он посетил храм Богородицы, постоял на коленях у отцова гроба, в мыслях прося поддержки. И почему-то неудержимо захотелось ему в эти медленно тянущиеся часы бросить Тмутаракань с её золотом и серебром и воротиться на родную Червенщину. Они с братьями ещё поборются за столы! А этот южный город, многоликий и чужой – зачем он ему? Здесь непременно грозит опасность, за спиной плетутся дьявольские козни, в которых так легко можно запутаться. Запутаться и погибнуть, как отец!

В вечерних сумерках к нему пришёл Халдей. Конь его был весь в мыле.

– Скорбная у меня весть, светлый княже, – проговорил он усталым голосом.

– Что?! Что случилось?! Сказывай скорей! – вскричал Володарь.

Глаза хазарина хитровато блеснули в свете свечи.

– Молодая княгиня... Мария... Её нашли мёртвой на берегу Гипаниса...

– Что?! – Володарь едва не содрогнулся от ужаса.

– Ясская стрела... Такие стрелы только у них есть... – продолжал сбивчиво рассказывать Халдей. – Пронзила ей горло... Она была одна... Никто не видел убийцы... Княгиня ускакала вперёд, увлечённая ловом... Захлебнулась кровью... Князь Давид... Он сходит с ума от горя... Велел воеводе... немедленно вести дружину на горные селения ясов... Хочет отомстить.

– Коня мне! Вборзе! – распахнув двери, крикнул Володарь стражу-гридню.

– Подожди, светлый княже! Не надо коня! – встрепенулся Халдей. – Умоляю тебя! Закрой скорей дверь!

Только сейчас, в эти мгновения до Володаря окончательно дошло, что же произошло.

Отменив приказ, он устало рухнул на лавку.

– Вы, стало быть, содеяли? – уставился он на лукаво улыбнувшегося хазарина.

– Опасность для твоей жизни, князь, миновала, – тихо промолвил Халдей. – Отныне никто не сможет тебе угрожать. Князь Давид не осмелится идти против твоей воли. Рассорится с ясами и касогами, будет слушать тебя и нас. Без твоих воинов он ничего не сумеет сделать. Разорит один-два горных аула, накличет на себя гнев варваров-ясов, и только.

Володарь оцепенело впился руками в подлокотники княжеского стольца. «Вот каковы, выходит, Вениамин с Халдеем. Пошли на убийство. Хотят, чтобы мы с Давидом... были в их воле... И я... Я не догадался сразу... Да если б и догадывался... Меня ведь поставили в известность... Я тоже виноват... Выходит, ответил... Упредил удар... с их помощью... Что ж, получается, я убил молодую жёнку! Она нашёптывала Давиду на меня? Верно, с чужого голоса. Может, ни в чём не виновата, а я... Позволил с ней расправиться... Господи, сколь я мелок и ничтожен!»

На глазах Володаря блеснули слёзы. Лицо Халдея выразило глубокое изумление.

– Ты не рад, светлый князь? – осторожно спросил он.

– Чему ж тут радоваться? Молодая княгиня погибла. – Володарь развёл руками.

¹²⁷ Бармица – здесь: кольчужная сетка, защищающая затылок и шею воина.

«Как хорошо он скрывает свои чувства! – про себя восхитился хазарин. – Настоящий князь! И сразу всё понял! Вот такому и хотелось бы служить».

Слёзы княжеские принял Халдей за лицемерие. Вскоре он удалился, напоследок расстелившись в поклоне.

Ночь эту Володарь провёл в церкви. Стоял снова в приделе перед гробом родителя, лил слёзы и молил Господа и Матерь Божью о прощении. Уста шептали:

– Не хотел, не хотел аз!

Кто-то неведомый с высоты горней словно бы сурово возражал ему: «Не хотел, сказываешь?! Не делай вид, что не знал, не догадывался! Почему не поговорил с Давидом и с молодой княгиней, не молвил в открытую, что тебе ведомо?! Себя защищал?! Да, себя! А о сгинувшей душе молодой не помыслил! Не спас её от заблуждений гибельных! Ведь мог! Бросил бы, в конце концов, Тмутаракань эту да подался б на Русь, к братьям! Так нет же! Выходит, власть терять не восхотел?! Хазарам порешил довериться?! Вот и кайся теперь и лей слёзы горячие!»

Покоя душевного Володарь обрести так и не сумел.

Глава 18

Дом Таисии, когда Володарь снова явился к ней, пустовал. Привратник-грек грубым голосом ответил ему:

– Уехала госпожа! В Корчев! Когда приедет? Думаю, никогда! Надоел ей наш шумный город. Ищет покоя!

В прошлый раз вроде бы они расстались по-доброму. Всю ночь провели в страстных поцелуях и совокуплении. Ничего не говорила Таисия о том, что собирается уезжать.

«Что-то случилось, верно. Бык этот ничего не скажет, если даже и ведает. Что ж делать?»

Решение пришло быстро. Володарь воротился в детинец, кликнул Юрия Вышатича, ещё двоих дружинников – Станяту и Рулава, и одного из конюхов.

– За мной следуйте! – велел коротко.

Они миновали пристань и помчались, торопя коней, к развалинам Корокондамы.

– Возьмём лодку у рыбаков. Сплываем на остров, – пояснил князь, указывая десницей вдаль, туда, где за гладью бухты проступали контуры песчаной косы и длинного, уходящего далеко в море, поросшего густым кустарником и травами острова.

Юрий и остальные его спутники удивлённо переглянулись, пожимая плечами. Что, мол, за причуда такая у князя?

В приморском селении отыскиали они добротную долблённую лодку.

– Вчетвером на вёсла наляжем, поплывём. Недалече. На острове костерок разведём, заночуем. Ты, – обратился Володарь к конюху, – за конями нашими пригляди. Ворочайся в крепость с ними. Нескоро мы назад.

...От дальней оконечности острова до Корчева было около восьми вёрст. Путь этот князь собирался одолеть на вёслах за несколько часов. Благо гребцы они не худые, длани и плечи у всех четверых сильные. Не было б только шторма на море.

На привале Володарь объявил, куда они утром поплывут.

– Путь дальний, – заметил Станята, широкоплечий кряжистый отрок.

– Ничё, управимся, – заявил Вышатич. – Мне тож Корчев поглядеть охота.

Они поужинали закопченной на костре рыбой и легли спать, поочередно сменяя друг друга для охраны.

Юрий дежурил первым. Видя, что князь, запрокинув руки за голову, не спит, он подсел к нему и заговорил:

– Ведаю, княже, всё ведаю. Она – краса писаная. Разумею. А я вот... Вроде и неплохо тут, в Тмутаракани... А всё на Русь тянет... Домой, во Владимир, в Перемышль... А ты вот как? У тебя таковой тяги нет ли?

– И у меня есть она, отроче. – Володарь вздохнул. – Два года, почитай, братьев не видел.

– Вот забрал бы ты свою... подругу да воротился б на Русь с ею. Чай, стол вместях со братьями своими сыщешь. Русь велика, не то что клочок земли сей возле моря.

– Я погляжу, смел ты вельми! – рассердился князь. – Кабы всё столь просто было!

– Разумею. Прости, княже! Сдуру я разболтался. – Юрий вздохнул.

– А на Русь тянет... В том ты прав, – задумчиво обронил Володарь, глядя в чёрное звёздное небо.

...В конце пути попали они-таки в волну. Но суша была уже рядом, ратникам удалось пристать к низкому песчаному берегу. Все мокрые от пота и солёной морской воды, усталые, побрели они к видному в глубине глубокой бухты городу. На горе над Корчевом нависали

каменные руины древнего Пантикапея¹²⁸. Неподалёку от них высилась крепость со стенами из сырцового кирпича.

Город был не столь велик, как Тмутаракань, выглядел каким-то маленьким и уютным, но торг здесь ничуть не уступал тмутараканскому. Те же фрукты, та же рыба в неимоверном количестве, павлоки, аксамит¹²⁹, зендянь¹³⁰ – глаза разбегаются.

Плат цветастый из бухарской зендьяни, розовый с голубым, очень уж приглянулся Володарю. Почти не торгуясь, выложил он за него гривны и поместил в дорожную суму. Там же, на торгу, сведал он всё о Таисии. Узнав князя, торговец щепетинным¹³¹ товаром сразу же указал на старинный дом с мраморными колоннами.

– Тут дядька ейный живёт. Пётр Каматир, грек, – пояснил он. – Знатен, да небогат.

... Таисия немало удивилась, увидев его и узнав, как они добирались до Корчева. Подавив насмешливую улыбку, строго сказала:

– Не ждала. Не звала тебя.

Они уединились в зале с высокими окнами. Посреди залы журчал фонтан. Завернувшись в белую хламиду, Таисия полусела-полулегла на ложе. Володарь расположился на лавке напротив. Сердце подсказывало: мало что приятного сулит ему нынешняя встреча.

Некоторое время в зале царил напряжённое молчание. Наконец Володарь спросил:

– Почему ты уехала? Меня не предупредила. Что случилось?

– Что? Думала, ты догадаешься. – Гречанка капризно поджала алые чувственные губы.

– О чём я должен был догадаться?

– Обо всём... Мне надоело... Слушать за спиной сплетни... «Полюбовница... Подстилка грязная!.. Отца совратила, теперь за сына взялась!» Так обо мне говорят! Неужели не слышал? До чего же ты тогда глух ко всему, что тебя окружает! Какой тогда из тебя князь?! – Женщина неожиданно всхлипнула и разрыдалась. – Обидно! Быть любовницей! Не хочу больше! Довольно!

Володарь молчал, кусая уста. Конечно, всё он слышал, всё понимал, обо всём этом догадывался... Просто думал, что такая жизнь её устраивает, так же, как устраивала доньше его. Теперь ясно осознал, что всё у них с Таисией закончилось. Было горько, до боли обидно видеть её глаза цвета ночи, губы, которые столько раз целовал и обнимал, руки, давеча¹³² ещё с пылом охватывающие его тело! Он восхищался ею, даже сейчас, он готов был ради неё на многое... Но она требовала слишком многого...

– Возьмёшь меня в жёны? Назовёшь княгиней? – спросила женщина вдруг. Голос был какой-то сухой и чужой. – Вот твой отец, он говорил, что разведётся с твоей матерью и возьмёт меня в жёны. Не успел...

Она не должна была сейчас напоминать ему об отце, не должна была говорить эти слова. Поняла это, спохватилась, но было уже поздно.

– Мой отец? При чём тут мой отец?! Княгиней тебе стать?! Хочешь знать мой ответ? Так вот: не быть тебе никогда княгиней! И не мечтай! – Володарь резко вскочил с лавки. – Что ты возомнила о себе?!

В этот миг он её ненавидел.

«На отца вешалась, не вышло, теперь на меня. Страдалицу строит из себя, а сама...»

Не говоря более ни слова, он выскочил из залы, выбежал на крыльцо, кликнул своих спутников.

¹²⁸ Пантикапей – античный город на месте Керчи, столица Боспорского царства.

¹²⁹ Аксамит – дорогая византийская узорная ткань сложного плетения с золотой нитью, род бархата, обычно синего или фиолетового цвета, с круглыми медальонами, изображающими львов и грифонов.

¹³⁰ Зендянь – пёстрая хлопчатобумажная среднеазиатская материя.

¹³¹ Щепетинный – галантерейный.

¹³² Давеча (*др.-рус.*) – недавно.

– Собирайтесь! Нечего более нам тут делать! На пристань идём! На первой же ладье торговой в Тмутаракань поплывём!

Он не обернулся, не посмотрел в последний раз на дом её, не увидел прекрасного бледного лица, выражающего досаду и страдание. Эту страницу своей жизни сын Ростислава перевернул. Перевернул решительно, заглушив душевную боль. Иначе было нельзя.

О плате бухарском вспомнил он уже, когда воротился в Тмутаракань. Встретился с мрачным Давидом, который, разорив несколько яских сёл и утолив свою жажду мести, теперь беспробудно пил. Халдей по-прежнему таскал к нему портовых девок, но к ним, кажется, расстроенный потерей молодой жены князь покуда не притрагивался. Зато мёд в палатах его тёл неиссякаемой струёй.

В переходе в очередной раз повстречал Володарь пышногрудую армянку. Вольная прелестница похотливо улыбнулась ему, когда же он достал из сумы и развернул перед ней зендьянь, ахнула и взвизгнула от восхищения. Она тотчас предложила ему провести с ней ночь, и Володарь после недолгой внутренней борьбы согласился. В конце концов, стоило ему отвлечься от тягостных переживаний. Да и жить как-то надо было дальше, княжить в этом пропитанном ароматами южных плодов и греха городе.

Глава 19

Игоревич, тряся нечесаной кудлатой головой, явился к Володарю однажды под утро. От него сильно пахло вином и потом. Склонившись над столом, он заговорил усталым, хриплым голосом:

– Всё, брат! Такое дело! Довольно! Погоревал, попил, и будет! Былого не воротить!

Давид тяжело рухнул на скамью возле окна. Видно было, что он ещё не трезв.

– Ты б умылся, привёл ся в порядок! Негоже так-то вот! – посоветовал Володарь.

– Правильно глаголешь! Тако и содею! – пьяным голосом, размахивая руками, согласился Игоревич. – Ты – молодец, брат! Не то что я! Эх, жизнь! Боже, за что ты мя оставил?! А знаешь, Володарь, Лашин-то мне ить¹³³ убить тя предлагала! Такое дело! Нет, ты не думай, что спьяну я... несу невесть что! Вот те крест истинный, было се! Хотела, чтоб я братьев ейных в дружину взял, тя убил и один сел в Тмутаракани княжить! Да токмо аз ить не дурак! Касоги сии из мя куклу б содеяли, болванчика! Такое дело! Сами за мя править восхотели! А как уразумели, что не выйдет по-ихнему, Лашин-то и сгубили, ироды! Сперва-то я не разобрался, а топерича понял, всё понял! Все их коварства насквозь вижу!

«Ничего-то ты не понял!» – хотелось крикнуть Володарю.

Удержался, смолчал, сказал только, с опаской глядя на полуоткрытую дверь в ложницу:

– Ты тише говори! Не для чужих ушей молвь твоя!

В ложнице в постели пребывала пышногрудая прелестница. В утренний час она лениво зевала, но к голосам за дверью прислушивалась со вниманием.

Володарь, кое-как выпроводив Игоревича, возник на пороге, с подозрительностью посмотрел на потирающую носик армянку, глухо спросил:

– Всё слыхала? Так вот: в голову этот пьяный бред не бери. Всё – лжа!

Наложница лишь томно вздохнула, потрянула иссиня-чёрными густыми волосами и снова лениво зевнула. Володарь успокоился. «Эта смолчит, не разболтает. Ума не хватит ковы строить. Не должно хватить. Вот Таисия – при той бы следовало язычки прикусить. Хитра, непростя жёнка».

Который раз он ловит себя на мысли, что думает о красавице-гречанке. Прошло уже немало времени, а всё никак не покидают его воспоминания о ней. Или она воистину колдунья, ворожея?

Впрочем, Таисия для него теперь стала прошлым. Мало-помалу мысли о ней оставили Володаря, благо дел у них с Игоревичем в Тмутаракани было невпроворот.

На площади перед дворцом каждодневно разбирали они судебные тяжбы, назначали положенные по Русской Правде виры, ездили и плавали за данями в окрестные городки и сёла, следили за торжищем. Но главной заботой для князей было сейчас набрать побольше людей в дружины. Касоги и ясы после недавних Давидовых делишек к ним почти не шли, зато многие люди, служившие ещё Глебу и Олегу Святославичам, приходили охотно. Целовали стяг, клялись в верности, каждый получал добрую бронь, меч, копье, щит, лук со стрелами.

За хлопотами время бежало незаметно. Прошелестела, отшумела буйной радостью цветения весёлая молодница-весна, на смену ей явилось жаркое лето. И текли в лари серебряные гривны, пополняли сундуки. Игоревич радовался серебру, как ребёнок, потирал руки, Володарь же сразу отсчитывал большую часть и наряжал суда, чтобы отвезти полученные слитки и монеты братьям и матери. Не покидало его чувство, что скоро всё это кончится, что гости случайные они в Тмутаракани, что не закрепиться, не удержаться им здесь прочно и надолго.

¹³³ Ить (др.-рус.) – ведь.

...Началось это однажды утром, едва солнце выкатилось из-за высоких холмов и облило город своим ещё ласковым и нежным в столь ранний час теплом.

Володарь собрался на торг, хотел расспросить греческих торговцев, наместники¹³⁴ приплывших с товарами из Царьграда на трёх больших хеландиях¹³⁵. Едва успел натянуть рубаху, порты, потянулся за кафтаном, как вдруг шум раздался за дверями. Крики и ругань наполнили княжеские палаты. Простучали по переходу сапоги с боднями. Дверь в покой поддавалась и с грохотом разломилась. Воины в бронях, те самые Олеговы людишки, кои ещё совсем недавно клялись в верности, оборуженные топорами и мечами, ворвались в покой. Впереди всех нёсся некий незнакомый доселе Володарю рыжеволосый молодец в лёгком плаще, под которым поблескивали кольца кольчуги.

«Боян! Песнетворец Боян! Лазутчик Ольгов!» – понял Володарь.

В отчаянии кусая уста, он потянулся за саблей.

– Без пользы то, князь! – крикнул ему Боян. – Не управиться тебе со всеми нами! Отдай-ка лучше сабельку вострую!

Сильной дланью ухватил он Володаря за запястье. Князь вырвался, но до оружия добраться уже не успел. Единственное, что смог, так это что было силы врезать Бояну по умильной масленой роже. Ударил так, что охнул песнетворец и рухнул на пол, к его ногам. Зато другие вороги тотчас заломили Володарю руки, связали их сзади грубой впившейся в кожу верёвкой, вытолкали вниз с лестницы в сени, затем поволокли на крыльцо, где уже отчаянно извивался и громко хрипел связанный Давид.

В гриднице схватили и заперли тех немногих, которые остались верны своим князьям.

Ворота крепости были широко открыты. Подол и торжище заполнила толпа народа. Из моносила¹³⁶ легко выпрыгнул сверкающий чешуйчатой катафрактой¹³⁷, весь залитый солнечным светом, горделивый князь Олег. Его тотчас подхватили, торжественно усадили на огромный червлёный щит и торжественно понесли к воротам.

Следом ехали несколько вельмож в одеяниях из аксамита и вчерашние гости-купцы, ныне все в кольчугах и при оружии.

Понял Володарь, что обхитрили их с Давидом, что прав он был, когда понимал с горечью, что трудно им здесь, в далёком от Руси приморском городе, пустить корни.

От Олега можно было ждать самого худшего. Рядом скулил, изрыгал проклятия и жаловался Игоревич. Он то горевал об утерянном серебре, то грозил карой страшной охраняющим их ратникам, то сокрушался о своей несчастной участи изгоя. Потом вдруг успокоился, лишь вздыхал тяжко, глядел на стражей своих с ненавистью да повторял из раза в раз привычное своё «Такое дело!».

Володарь старался держаться хладнокровно, даже когда рассвирепевший Боян дважды ударил его ногой в живот, лишь процедил сквозь зубы:

– Мразь ты! И песни твои поганские¹³⁸, для тупой толпы!

Такого знаменитый певец стерпеть не мог. Если бы не трое Олеговых людей, оттащивших его прочь, наверняка двумя ударами Володарь бы не отделался...

Олег, пепельноволосый и светлоглазый, держа в руках снятый шолом, с важным видом въезжал в детинец, сидя на щите.

– Слава князю Олегу! – неслось со всех сторон. Люди вдоль дороги подбрасывали в воздух шапки.

¹³⁴ Намедни (*др.-рус.*) – накануне.

¹³⁵ Хеландия – торговое или военное греческое судно.

¹³⁶ Моносил – однодеревка, лодка, выструганная из одного дерева.

¹³⁷ Катафракта – чешуйчатый византийский доспех.

¹³⁸ Поганские – то есть языческие.

Олега Володарь видел в последний раз во Владимире семь лет назад. Тогда молодой, стройный юноша, Святославич заметно раздался в плечах, возмужал, заматерел.

«Его здесь любили и любят. Мы же – чужаки, на хазарскую хитрость только полагались». – На душе у Володаря стало мутно, гадко, противно до жути.

Вот и касоги прискакали, и ясы. Долгой вереницей, на горячих конях, шумные, в бараньих шапках, в бурках поперх броней, галдя, въезжали они в ворота. За ясами вослед рысили половцы, на дороге мелькали их лубяные аварские шелома¹³⁹. Гортанные крики, гиканье наполнили подворье. Столпилось ратного люду здесь столько, что и яблоку негде было упасть.

Опираясь на услужливо подставленное плечо гридня, князь Олег бодро спрыгнул со щита наземь. Вот взор его упал на пленённых родичей. Усмешка пробежала по смуглому загорелому лицу.

– Что, не ждали, вороги?! – прогрохотал он. – А я вот он! Своё пришёл воротить!

Некий яйцеголовый, наголо обритый ромейский вельможа в аксамитовой хламиде и с золотым протезом на месте носа подошёл к Олегу и зашептал ему что-то на ухо. Олег задумчиво покрутил перстом вислый ус. Затем вскинул голову, внезапно громко расхохотался, стукнул себя по облитой шёлком коленке, сказал громко:

– А что, прав ты, Татикий! Тако и содею! Отпущу Давидку с Володарем на все четыре стороны! Пускай на Русь отъезжают, столы себе ищут, ратятся! Стрю моему Всеволоду то во зло! Он ить мя руками хазарскими в ссылку отправил! Ворог! Ну да ничё! Поквитаемся, придёт срок! А хазар-от не пощажу! Эй, други мои верные! Мечники добрые, с конца копья вскормленные! Ступайте в хазарскую слободу! Иссеките торгашей и предателей! Вениамина – схватить и ко мне! И Халдея сыщите – он сему делу лихому потатчик!

Взмыли дружно на коней Олеговы мечники, галопом понеслись в сторону хазарской слободы. Вскоре из-за крепостной стены вырвался, взвился в сапфировое небо столб огня.

Горели дома хазар. Обступив со всех сторон конец¹⁴⁰, творили приспешники Олега кровавую расправу.

– Князь! Почто потакаешь такому злу? – не выдержав, хмуро спросил Володарь.

– Молчал бы уж! – раздался из толпы гневный окрик Бояна.

– Почто жгу и разор чиню?! – Олег подошёл к Володарю вплотную. – А ты бы помыкался четыре лета на чужбине, в ссылке на острове помаялся б! Постелился б после в поклонах у базилевса на приёмах! Польстил бы, в ногах ползая! Вот тогда б разумел мя!

– Ромейским золотом, выходит, стол купил? – Володарь усмехнулся.

Олег гневно топнул ногой.

– Не смей! – заорал он. – Изгой! Ты поглянь, как встречают мя тут! Тя, верно, тако не встретили! Ночью тёмною вы делишки свои вершили! И крепость захватили, и Ратиборову чадь¹⁴¹ осилили, и посадника самого в полон взяли! Что, не так?! А я – я в открытую! И говорю те, что обид и зла на вас с Давидкою не держу! Но чтоб на Тмутаракань боле не зарились! Ясно вам?!

– Куда ясней, – пробормотал Володарь.

Касоги приволокли на арканах извивающегося, как уж, Вениамина и ещё нескольких знатных хазар. Халдея, однако, среди них не было.

– Не сыскали Халдея, княже! Весь конец облазили! – виновато тупясь, развёл руками старший дружинник.

¹³⁹ Аварский шелом – тип защитного шлема. Имел лубяную основу, скреплённую металлическими пластинами.

¹⁴⁰ Конец – на Руси район города.

¹⁴¹ Чадь – ближние люди, дружина.

– Други верные! – загремел Олег. – Скачите, добры молодцы, ко всем заставам! Переймите ворага сего! Нужна мне голова его! Много зла причинил он нам! А ентих! – Грозно глянул он на Вениамина и иже с ним. – Повесить! Пеньки не жалеть!

– Князь! Князь! – Дрожа всем телом, Вениамин повалился на колени и жалобно залепетал: – Князь! Пощади! Не убивай! Не убивай меня! Я буду верно тебе служить!

Сколь не похож был сейчас Вениамин на того гордого, властного и жёсткого старца, каким знали его Володарь и Давид раньше!

Трусливо тряслись костлявые сухие длани хазарина. Олег, не выдержав, пнул его сапогом в лицо. Уста хазарина окрасила кровь. Завизжав, как собака, Вениамин упал наземь и забился в рыданиях.

– Убрать его отсель! Немедля! – Олег задыхался от злости. – Переветник¹⁴²! Гадина! Повесить тотчас!

Упирающегося, вопящего от ужаса Вениамина трое ратных утащили за ворота.

– Всех хазар из Тмутаракани выгнать! – приказал Олег. – Ни одного в своих владениях более не потерплю! Пускай иную землю для себя ищут! И Халдея найдите! А нынче... – Он обвёл взглядом своих сторонников. – Гулять будем! Весь город угощаю! Погребка открывайте! Чай, Давидка с Володарем не всё ещё вино выпили, не все яства слопали!

Он внезапно вновь громко, раскатисто захохотал.

Игоревича с Володарем Олег велел развязать.

– И вы со мной трапезу разделите! – заявил он. – А после велю людям своим сопроводить вас до Днепра. Далее, куда хотите, убирайтесь! Токмо чтоб на Тмутаракань более не глядели!

Он грозил своим пудовым кулаком и снова хохотал.

...Пировала Тмутаракань, как всегда, на широкую ногу. На почётных местах рассажены были ромейские вельможи, помогшие Олегу вернуться. Один из них, тот самый безносый яйцеголовый Татикий, гнусавым голосом зачитал хрисовул¹⁴³ базилевса Алексея Комнина, в котором Олег был пышно именован: «архонтом Зихии¹⁴⁴, Матрахии¹⁴⁵ и всей Хазарии».

Цвела от радости юная жена Олега, ромейская патрицианка Феофания Музалон, прибывшая вместе с мужем из Константинополя, вздымали чары греческие купцы, веселились касоги и ясы. Радовалось и русское население Тмутаракани – не успели Володарь с Давидом за два года заручиться их поддержкой и любовью, не сделали ничего славного.

«А Олег – он что содеял такого? Водил их на Русь, проливал кровь, бился с дядьями и двухродными братьями за Чернигов, грабил, убивал! Чем он лучше нас?» – спрашивал сам себя Володарь и не находил ответа.

После он понял, что русские люди недолюбливали хазар, а в глазах их они с Давидом были ставленниками Вениамина с Халдеем. Вот потому и отвернулись, отвергли их, как только почували, что сила не за ними.

«И отец ведь два раза бегал отсюда. Бегал, но возвращался. Я, верно, не вернусь», – думал Володарь.

Грустно глянул он на край стола, где в праздничных одеждах сидели знатные русские и греческие жёнки. Вздрогнул невольно Ростиславич, внезапно заметив её...

Таисия смеялась чему-то, разговаривая с соседкой. Затканное жемчугами очелье¹⁴⁶ сверкало у неё на лбу поверх красочного убруса. Белое платье с нарядной вышивкой струилось

¹⁴² Переветник – изменник, предатель.

¹⁴³ Хрисовул (*византийск.*) – грамота с золотой вислой печатью императора.

¹⁴⁴ Зихия – область на Черноморском побережье, примерно от совр. Новороссийска до Гагры.

¹⁴⁵ Матрахия – то же, что Таматарха, Тмутаракань.

¹⁴⁶ Очелье – часть головного убора, охватывающая лоб.

с плеч, широкие рукава спускались долу. Блестели золотые браслеты, перехватывающие запястья.

Красавица оборвала смех, с неудовольствием заметив, что Володарь неотрывно на неё смотрит. Улучив мгновение, протиснулась Таисия сквозь весёлую толпу, подошла, встала перед ним. Запылали ненавистью глаза цвета южной ночи.

– Не захотел сделать меня княгиней?! Получай теперь! Знай: это я твоих дружинников подговорила, чтобы предали тебя! Я греческим купцам серебро посулила! Бояна спрятала в доме своём! Я и князю Олегу отписала в Константинополь, чтобы приехал и отнял у тебя Тмутаракань! Мой сегодня триумф! А ты – убирайся прочь! Изгой, бродяга! Какой ты князь?! Князёк!

Словно змея шипела над ухом. В улыбке хищного торжества расплывалось исполненное красоты лицо. Не выдержав, гречанка истерично расхохоталась.

Ничего не ответил Володарь вошедшей в раж бешеной фурии. Сдержался, сцепив зубы и стиснув кулаки. В мыслях поблагодарил Бога: охранил Всевышний, дал ему достаточно разума отвергнуть злые чары. И пусть сегодня она отомстила ему, как могла, но после, завтра что будет? Он уедет, а она останется скучать в своём Корчеве, никому не нужная. Наверное, никакой князь или боярин не возьмёт её в жёны, не прельстится увядающей красотой. Почему-то зла на Таисию за её дела не было, в душе царила только жалость.

Не глядя больше в её сторону, Володарь встал со скамьи и, обходя пирующих, подошёл к Олегу.

– Дозволь, князь, нам заутре¹⁴⁷ отъехать, – попросил он. – Нечего нам больше здесь делать.

– Что ж, езжайте. Нагостевались, чай! – захохотал Олег. – Два года гостили!

Володарь хмуро переглянулся с Игоревичем. В сопровождении стражи покинули они весёлое пиршество.

¹⁴⁷ Заутре – завтра.

Глава 20

Последняя ладья причалила к берегу. Позади остался широкий плещущий волной многоводный Днепр. Давно скрылись за туманным окоёмом деревянные строения Олешья – богатого торгового городка в устье, у самого впадения реки в черноморский лиман. Впереди простиралась степь, густо поросшая высохшей под солнцем высокой травой, с шарами перекасти-поля, с пылью, древними курганами и сакмами¹⁴⁸, с опасностями и ночами у взметающихся в усыпанное звёздами небо костров.

Посланная Олегом сторожа¹⁴⁹ возвращалась назад. Лишь небольшой отряд оставшихся верными Давиду и Володарю туровских и перемышльских дружинников сопровождал их в дальнейшем пути.

Минул полдень. С реки подул свежий ветерок, становилось не так жарко. Князя приказали устроить на высоком берегу привал, нарядили охрану.

Исчезли из виду ладьи с Олеговыми людьми, тишина воцарилась вокруг. Давид, как только присели они на кошмы в палатке-веже, в очередной раз принялся стонать и жаловаться на судьбу:

– Ты хоть сребришко к матери отвёз. А я?.. Всё отобрали, ироды! Такое дело! Куда топе-рича податься, ума не приложу! Ох, беден аз, нищ, худ!

Изрядно надоело Володарю выслушивать эти сетования, но он лишь вздыхал и молчал. Сам покуда не знал точно, как быть. Ехать в Перемышль, к братьям? Ну а дальше?

Меж тем Давид внезапно предложил:

– А что, брат, ежели... Такое дело! Приедем мы на Русь, людей соберём, посулим им добычу да нагрянем по весне сюда, в Олешье? Выпотрошим купчишек наших да греческих, добудем серебро, а со серебром не пропадём николи¹⁵⁰! Наберём ещё ратников, возьмём силою города волынские, коими отцы наши володели!

– Что я, разбойник, купцов грабить? – усмехнулся Володарь.

– Ну да, конечно. Такое дело! У тя-то сребришко тмутараканское сохранено! – проворчал недовольно Игоревич. – И куда ж ты сунешься?

– Сперва, верно, к матери, в Хорватию. Потом, мыслю, угорские родичи помогут чем. Ратников наберу, приду с ними на Волынь. Более покуда ничего придумать не могу.

– Ну а я вот, пожалуй, тако и содею. Пушай хоть вором, хоть татем кличут! Серебро – оно не пахнет! Такое дело! – заявил Давид.

– Поступай, как хочешь. – Володарь пожал плечами. – Разумею тебя.

Снаружи раздались громкие голоса. Отодвинув войлочную занавесь, в вежу просунулась голова Юрия Вышатича.

– Князи! Халдей тамо! Невесть откель взялся! Гляжу, дланью машет кто-то, в лодке рыбацкой! Ну, причалил ко брегу, мокрый весь! Зреть вас хочет!

– Кличь вборзе¹⁵¹! – Володарь сразу оживился, подобрался, даже унылое настроение последних дней в одно мгновение ушло. Халдей тут – значит, спасся, ушёл от Олеговых головорезов. Что б там ни было, а сей хазарин – их с Давидом доброхот.

...Отпив очередной глоток золотистого мёда, Халдей с усталой улыбкой начал своё повествование:

¹⁴⁸ Сакма – холм в степи.

¹⁴⁹ Сторожа – разведывательный или сторожевой отряд.

¹⁵⁰ Николи (др.-рус.) – никогда.

¹⁵¹ Вборзе (др.-рус.) – скорее.

– Сначала я спрятался в пустой бочке из-под дёгтя, весь провонял. Потом услышал крики о пожаре. Воины князя Олега подожгли хазарский конец города. Пришлось укрыться на пристани, в харчевне армянина Хачатура. Ночью мне удалось выбраться из города. Переоделся вот в эту одежду, – с горестным вздохом указал он на потёртый халат грязно-серого цвета. – Назвался купцом из Дербента. А так как мне известно несколько слов на языке жителей этого города, то меня пропустила городская стража. Кстати, эти сторожа были пьяны, и мне тоже пришлось выпить чару вина за здоровье князя Олега и княгини Феофании. Чтоб их чёрт заще-котал! Потом, находясь в Корчеве, я узнал о ваших бедах, доблестные князья, а также о том, что князь Олег отпустил вас и велел сопроводить до Днепра. Я поехал за вами следом. И вот я здесь.

Халдей допил мёд, вытер усы и аккуратно отодвинул от себя чару. Спросил:

– Мне хотелось бы знать, куда вы держите путь, доблестные? Может оказаться, что у нас с вами одна дорога. Я был бы рад продолжать вам служить.

Он подобострастно улыбнулся и склонился до земли, как не раз делал в Тмутаракани.

– Не твоё дело, смерд, куда мы едем! – грубо отрезал Игоревич.

Володарь был более словоохотлив. Сразу смекнул он, что хитрый хазарин может ему пригодиться.

– Я еду в Угрию, а оттуда в Хорватию. Буду собирать воинов. Хочу добыть стол в Волынской земле, – объявил сын Ростислава.

– Похвальное стремление, о светлый князь! Дозволь мне отправиться вместе с тобой! Думаю, тебе понадобится в пути добрый слуга и... советник.

Снова расточал Халдей улыбки, снова говорил вкрадчивым голосом добрые слова, успокаивал, убеждал, что неудача в Тмутаракани скоро забудется и что они обязательно достигнут намеченных целей.

...Володарь с Давидом расстались, как только добрались до пограничного Межибожья – сторожевого русского городка вблизи истоков Южного Буга.

Отныне пути двух родичей расходились. Они обнялись, расцеловались, обронили слезу. На прощание Давид тихо шепнул:

– Передай сестрице своей, Елене, – и сунул в руки Володарю свёрток с цветастым платом. – Скажи, помнит о ней сын Игоря. Коли серебро добуду, сватов пришлю. Такое дело! Надоела жизнь бобыля!

Унёсся Игоревич со своими туровцами вдаль по пыльному степному шляху. Жаром пахнуло в лицо Володарю нещадное июльское солнце. Зашумел вдали под порывом ветра зелёный колок. Вспомнились вдруг опять слова посадника Ратибора: «Игоревич – он мразь! Дрянь!»

Вздыхнул Володарь с сомнением, обернулся, оглядел воинов своих, повелел громким голосом:

– На заход¹⁵² идём! В Угрию!

¹⁵² Заход – запад.

Глава 21

В столице мадьяр Эстергоме Радко первым делом направил стопы в одну из харчевен, хозяином которой был знакомый ему русин. Сюда часто навевались воины-иобагионы, от них рассчитывал волынский проводчик почерпнуть немало важных сведений. И, в общем и в целом, поручение княжеское справил он быстро и толково. Разузнал Радко, что король Ласло и князь Всеволод заключили между собой мир, а германскому императору Генриху отписали, чтобы с Угрией он также придерживался мирных сношений. Занятый противоборством с римским папой в Италии, император, скрипя зубами, но согласился на предложение Киева. Вышло так, что со стороны угров в ближайшее время князю Ярополку нечего было опасаться.

«Еже будет наш князь Всеволода Ярославича держать, а мамашу свою прегордую помене слушать, мирно и спокойно на Волыни будет», – рассуждал Радко.

Всего-то седмицу прожил он у харчевника, разговорил за чарой доброго вина нескольких иобагионов из королевской стражи, и теперь, довольный, мыслил возвращаться проторенной дорожкой обратно на Русь. Перед самым отъездом решил Фёдор поглядеть на торгу знаменитых угорских скакунов. Благо серебро звенело в дорожной калите, можно было б и потратить его на доброго фая. Хороший конь всегда пригодится княжескому дружиннику.

Пробирался Радко через толпу на пристани, когда вдруг возник перед ним злобно ухмыляющийся знакомец – Жольт, коего три года назад пытал он во Владимире на дыбе.

– Попался ты, мечник! Не уйдёшь от нас!

Обступила Фёдора толпа человек в пятнадцать. Потянулся он было за мечом, но уразумел тотчас: не выдюжить ему супротив стольких. Верно, давно выслеживали, шли по пятам. Да, промахнулся он на сей раз, не почуял, не заметил вовремя грозящей опасности.

Его грубо схватили за плечи, вырвали из портупей меч, связали за спиной руки, потащили через подвесной мост в крепость.

– С моста бы тебя в ров швырнуть, ядовитая гадюка! – хрипел Жольт. – Помню, как ты меня на дыбе угощал! До сей поры кости болят! Помучаешься теперь ты у меня в подземелье, похрустишь косточками! Наорёшься вдоволь!

Со скрипом затворились за Фёдором железные ворота. Опустилась вниз решётка. Бросили его вниз по каменным ступеням в сырую мрачную клеть. Звякнул наверху в замке тяжёлый ключ. Тьма окутала дружинника. Понял он, что если и выйдет отсюда, то весьма нескоро.

Спустя недолгое время явился к нему Жольт с двумя подручными. В деснице он держал факел, рукава рубахи были закатаны по локоть.

– Ну, вражина, сейчас ты у меня получишь! На дыбу его! – приказал злобный угорец.

Как мог терпел Радко дикую, пронизывающую боль. Его стегали плетью, жгли огнём, Жольт метался вокруг и яростно орал по-русски:

– Отвечай! Что вынюхивал?! Кого искал?! С кем говорил?! Ну! Живо!

Собравшись с силами, плюнул Радко ему в рожу кровавой слюной. В дикое исступление пришёл Жольт. Выпучив глаза, стегнул он Фёдора по лицу плетью. Ударил один раз, второй, замахнулся опять, норовя, видно, выбить узнику глаз. Один из подручных решительно ухватил его за запястье.

– Королевич запретил его калечить, – заявил он.

В остервенении швырнул Жольт плеть в стену, выругался по-угорски, прохрипел:

– Ничего! Вдругорядь¹⁵³ достану тебя! Не уйдёшь от меня! Гадюка ядовитая!

Весь сгорая от лютой ненависти, метнулся он наверх.

¹⁵³ Вдругорядь (др.-рус.) – в другой раз.

Один из катов¹⁵⁴ развязал Фёдору руки, бросил его, обессиленного пыткой, на солому, коротко промолвил:

– Сиди тут! И благодари Господа! Жолът бы тебя прикончил, если бы не заступничество королевича Коломана!

...Медленно потянулось для Радко время в мрачном узилище. Его скудно кормили, но, слава Христу, более не пытали. Сколько минуло дней и ночей, он не ведал. В темнице во всякое время суток царил полумрак, лишь один факел тускло горел наверху над лестницей.

На душе было уныло, тоскливо, скверно.

Порой снилась ему ангельская улыбка молодой княгини Ирины, словно наяву, слышал он её беззаботный, залиvistый смех. И не хотелось просыпаться, видеть опять это подземелье, этот опостылевший факел, вкушать чёрствый хлеб, пить тёплую, затхлую воду.

Долгие часы отрок Радко стоял на коленях и молил Всевышнего о милости. Но избавление от темницы никак не приходило.

¹⁵⁴ Кат – палач.

Глава 22

Стремительный Грон, спускаясь с отрогов снежных Татр, шумно втекал в широкий и более спокойный Дунай. Вода в Гроне в любое время года была холодной, почти ледяной. От холода ломило зубы. Склонившись над журчащей рекой, Володарь и его спутники, уставшие после перехода через знойную, раскалённую пушту¹⁵⁵, жадно и долго пили.

Вокруг простирались многочисленные слободы, яблоневые и грушевые сады, виноградники. Через Дунай к строениям Эстергома вёл плавучий мост, сооружённый из связанных друг с дружкой крепкими канатами перевёрнутых ладей. Спешившись и ведя за поводья лошадей, путники осторожно, медленно стали переправляться.

Впереди виднелись каменные зубчатые стены, обведённые рвом. В нескольких местах внутри крепости вели подъёмные дощатые мосты на цепях. Вокруг стен раскинулись предместья. Крытые черепицей домики торгово-ремесленного люда густо облепили низину и склоны окрестных холмов. Сам Эстергом лежал у подошвы уходящих на восход Вишеградских гор. Крепость располагалась на более высоком месте, чем посады, местами стена подходила к самому обрывистому берегу Дуная. Кое-где из-за стены проглядывали высокие башенные строения – там находился королевский замок, а также дома знати и королевских приближённых.

Володарь, хорошо знавший угорскую молвь, первым делом направился на кишевший людьми торг. Кого здесь только не было! Расположенная в самой сердцевине Европы, на перекрёстке торговых путей, угорская столица вбирала в себя самых разных людей, разной веры, разного языка, разных одежд. Жили тут и славяне, и немцы, и франки, и валлоны, и оседлые печенег, и валахи, и греки. Удивительно мирно в тогдашней Угрии уживались православие и католицизм, никто никого не преследовал за веру. Реки были богаты рыбой, пастбища – сочной травой, земля щедро согревалась солнцем и давала добрые урожаи пшеницы, поэтому в стране почти никогда не бывало голода – этого страшного бича соседних европейских держав.

Купцы из западных и восточных стран, ремесленники – в основном славяне, паломники-монахи, странствующие рыцари, лошади, огромные верблюды, одnogорбые и двугорбые, мулы, стригущие длинными ушами ослы – всё это сгрудилось на подобном муравейнику торжище.

В порту чуть пониже переправы теснились ладьи, среди них преобладали ромейские хеландии и лёгкие быстроходные славянские струги. Пристань, как и соседний торг, пестрела разноцветьем одежд. Вдоль берега рядами тянулись деревянные гостиные дворы и харчевни. Ноздри щекотал аромат готовящихся яств.

Володарь, ранее не раз бывавший в Эстергоме, быстро договорился с хозяином одного из постоянных дворов – сутулым широкоусым угром. Своё дело сделали серебряные номисмы-скифагусы¹⁵⁶. Дружинников разместили в нескольких просторных помещениях на верхнем жиле. Спустившись вниз, они смогли утолить голод и жажду мясом с острым перцем и белым виноградным вином.

Володарь на гостинном дворе задерживаться не стал. Взяв с собой одного только Халдея, направил он стопы в крепость.

– Родичей ближних повидать надобно. Братцев двухродных. В прошлый раз помогли мне, пособили, упредили о ковах Ярополковых, – счёл он нужным сказать хазарину.

Когда шли они мимо лавок менял, Халдей вдруг остановился.

¹⁵⁵ Пушта – степная равнина в Венгрии, к востоку от Дуная.

¹⁵⁶ Номисма-скифагус – византийская монета.

– Дозволь, светлый князь, я спрошу того менялу в синем халате. Он – мой единоплеменник. Узнаю от него, что творится в городе и в стране. Такие сведения никогда не бывают лишними. Я догоню тебя у крепости, – предложил хазарин.

– Добро, – кивнул Володарь. – Ступай, но поторопись.

...Запыхавшийся от быстрого бега Халдей нагнал его уже внутри крепости.

– Король Ласло сейчас находится в своей резиденции в Фехерваре, – сообщил хазарин. – Обьезжает владения. Это он делает каждый год. А старший из твоих двоюродных братьев, о доблестный, здесь. С ним его мать, русская княжна.

– Воистину добрая весть! – Володарь заметно оживился. – Стало быть, вовремя я.

– Ещё... Меняла сказал... В Эстергоме недавно побывал посол из Киева. Король Ласло и князь Всеволод заключили мир. Князь не стал воевать с королём, хотя его просил об этом германский император Генрих. Вот... такие имею новости.

Смуглое лицо Халдея было испещрено капельками пота. Он снял с кудрявой головы войлочную шапку и отёр ею чело.

– Мир, выходит. Ну, это не к худу для нас, думаю, – произнёс Володарь. – Не будет никто мешать нам пустить в дело серебро и нанимать ратников.

За толковнёй они свернули направо и по одной из узких улочек вышли на довольно обширную площадь. Возле неё возвышался двухъярусный дом, сложенный из серого камня, с толстыми округлыми башнями по обоим краям.

– Ну вот. Это и есть хоромы королевича Коломана и его матери, – молвил Володарь.

Они не спеша поднялись по ступеням восхода. Два рослых воина-иобагиона с копьями в руках перегородили им дорогу.

– Пошлите к королевичу Коломану. Скажите: я – его двухродный брат, Володарь, сын Ростислава, – потребовал князь.

Как только один из иобагионов скрылся в дверях, он огляделся по сторонам. Подул лёгкий ветерок, и внезапно обдало Володаря отвратительным запахом гнили. Он заметил, что перед одним из окон на верхнем ярусе к стволу дерева привязана толстая верёвка, на которой висит человек в монашеской сутане и с куколем на голове. Вокруг повешенного с хищным клёкотом кружили чёрные вороны.

– Господи! Это ещё что?! – пробормотал неприятно поражённый Володарь.

На крыльцо, ковыляя и опираясь на деревянный посох, выскочил горбатый уродец Коломан в лиловом, украшенном узорочьем длинном кафтане. Чёрные волосы на голове у него были всклокочены, самую макушку покрывала маленькая лёгкая шапочка, обшитая парчой. Невидящий левый глаз королевича закрывала чёрная повязка.

При виде Володаря смуглое скуластое лицо Коломана расплылось в радостной улыбке.

– Кирие элейсон! Брат мой! Как рад я тебя видеть!

Приставив к стене посох, он широко развёл руки и заключил Володаря в объятия. Двухродные братья горячо облобызались. Малорослый Коломан не доставал высокому Володарю даже до плеча и потому стоял на пару ступенек выше.

– Пойдём в дом мой! Добро пожаловать! И знай: для меня ты всегда желанный гость.

– Дозволь, светлый князь, я покину тебя, – шёпотом попросил Володаря Халдей. – Побуду в помещении для иобагионов. Может, узнаю ещё что-нибудь важное и ценное.

– Хорошо. Ступай.

Юркий хазарин тотчас исчез за поворотом стены.

Через безлюдный переход и лестницу двоюродные братья проследовали в большую камору. За слюдяными окнами видна была крепостная стена и кусочек Дуная с островами и низким левым берегом.

В каменном дворце было не так жарко, как на улице, но мрачно и сыро. В одном месте по стене сбежала водяная струйка.

Обстановка в покое выглядела довольно простой, хотя стены украшало несколько шпалер с рисунками на библейские темы. Посреди каморы стоял большой дубовый стол, по обе стороны которого находились обитые рытым¹⁵⁷ бархатом скамьи со спинками. Коломан указал Володарю на одну из них, сам же расположился напротив, удобно умащивая горб и больную ногу.

– Сколько лет мы не виделись? – стал прикидывать он в уме. – Кирие элейсон! Грехи тяжкие! Три года! С тех самых ловов, во время которых я упредил тебя и твоих братьев об угрожающей вам опасности! Да, Гертруда и Ярополк – неважные соседи для страны мадьяр. Король, мой дядя, предпочёл бы видеть во Владимире тебя с Рюриком. Но... – Коломан усмехнулся и заключил: – Думаю, наступит и ваше время.

Он зазвонил в серебряный колокольчик. На пороге возник холоп.

– Принеси чего-нибудь поесть! – приказал королевич. – Заморим червячка, дорогой братец! Обед у нас будет позже.

– Слышал, ты оженился? – спросил Володарь. – И у тебя уже двое чад народилось с тех пор, как мы виделись.

К удивлению его, лицо угорца передёрнулось от недовольства.

– Об этом поговорим после! – отрезал он. – Сперва расскажи о своих делах.

Володарь подробно поведал о своих мытарствах и о тмутараканском княжении. Выслушав его, Коломан сказал:

– Ты не огорчайся. Слишком большая сила вмешалась в ваши дела. Что там этот Олег? Кирие элейсон! Он – всего лишь пешка в большой игре. Алексей Комнин, базилевс ромейский – вот кто стоит за ним!

– Тоже так полагаю, – согласился Володарь.

– И догадываюсь, что ему нужно там, на Боспоре Киммерийском. Ведь империя ромеев непрерывно ведёт войны у всех своих границ. На востоке идёт война с турками, на севере – с ордами печенегов, а на западе нурман Роберт Гвискар¹⁵⁸, дядя моей дражайшей супруги, здорово потрепал ромейскую рать у Диррахия¹⁵⁹. А чем сильна империя? Огнём Каллиника, который изрыгают медные трубы на их кораблях. Говорят, ужасная штука. Кирие элейсон! Не дай мне Господь когда-нибудь увидеть её в действии! Так вот: для этого огня нужна нефть. А она как раз и имеется на Киммерийском Боспоре.

– О таком я, скажу честно, и не помыслил. – Володарь развёл руками. – Что нас с Давидом прогнали греки – это я уразумел. Мыслил, хочет базилевс подчинить Тмутаракань власти своей, а Олег – удобный для того человек. Почитай, всем обязан Комнину. Тот его из ссылки возвратил, нашёл знатную супругу-красавицу, дал войско.

– Да императору ваш клочок земли не столь важен, поверь. Здесь иное – то, о чём я тебе сейчас сказал. Впрочем, ну его к чёрту, Комнина! Ты, братец, главное, не отчаивайся. Здесь, в стране мадьяр¹⁶⁰, а у меня – тем более чувствуй себя, как дома. За зиму без труда наймёшь дружинников. Поверь мне – за серебро найдётся немало желающих помочь тебе добыть удел в Червонной Руси.

На столе вскоре появилась нарезанная тонкими ломтиками копчёная колбаса, пахнущая дымом костра, сыр из козьего молока, оливки, фрукты и белое виноградное вино, которое молодой стольник разлил в окованные серебром чары.

Коломан ел жадно и быстро, рвал пищу острыми зубами. Володарь, хоть и голоден был, едва за ним поспевал.

¹⁵⁷ Рытый бархат – бархат с тиснённым узором.

¹⁵⁸ Роберт Гвискар (ок. 1015—1085) – предводитель норманнов, захватил Южную Италию и Сицилию. Получил от римского папы титул герцога.

¹⁵⁹ Диррахий – ныне город Дуррес в Албании.

¹⁶⁰ Мадьяры – самоназвание венгров.

После еды королевич и гость омыли руки водой из поданной холопом большой чаши.

– Пошли за матерью на женскую половину дома. Скажи: мой брат, князь Володарь, приехал к нам в гости, – приказал Коломан стольнику.

– Что у ты, братец, за дела тут такие? На дворе зловоние стоит. Какой-то монах в петле на древе болтается? – спросил Володарь.

– Это один преступник. Получил по заслугам, – отмахнулся угорец.

– Что же ты не велишь убрать из-под окон его труп? Погляди: вокруг него на древе гнездятся хищные вороны!

– Пускай повисит ещё немного, в назидание некоторым неверным жёнам! – Коломан злобно осклабился.

В палату вплыли несколько женщин в богатых одеждах. Зашуршала парча. Впереди всех держалась старая Софья Изяславна, мать Коломана.

Володарь, вскочив на ноги, отвесил ей поклон. Изяславна прослезилась, обняла и расцеловала его.

– Господи, Володарь! Я знала тебя ещё таким маленьким! Ты подолгу гостил с братьями у нас в доме! Яко сын ты мне! Полоцк и Червенщина – две земли Святорусские, окраинные! Помнишь, как вы с Коломаном и Альмою плавали на тот берег Дуная, как учились держаться на воде?! А как лодку утащили и на берегу Грона развели огромный костёр? Как дохлую мышь подложили в постель герцогине Восточной марки¹⁶¹? И я извинялась потом! – Вдовая королева ударила в воспоминания.

Они проследовали из каморы в просторную залу со сводчатым потолком и высокими полукруглыми окнами.

По пути Коломан шепнул Володарю:

– Сейчас говори по-славянски. Я и мать понимаем, а остальным знать ни к чему!

«Остальным», видимо, относилось прежде всего к рослой белокурой особе лет далеко за тридцать, в волосах которой поблескивала усеянная жемчугами герцогская диадема. Володарь догадался, что это и есть жена его двоюродного брата – Фелиция, дочь властителя Сицилии Рожера Готвиля. Она была довольно привлекательна, хоть уже и не молода. Всё в её наружности: тонкие губы, большие светлые глаза, крючковатый, сильно загнутый книзу нос, ниспадающие вниз прямые волосы – отличалось какой-то породистостью и сразу выдавало её знатное происхождение. На Фелиции было длинное платье – котт багряного цвета, на шее горело золото и самоцветы, руки, несмотря на летнюю жару, обтягивали чёрные кожаные перчатки.

– Скоро время обеда, – сообщила Володарю Софья Изяславна. – Я распорядилась приготовить твой любимый гуляш.

– Мы будем хлебать его с Володарем из одного котелка, как в детстве! – заявил Коломан.

– Ты поросёнок, что ли? – недовольно заворчала на него вдовая королева. – Не малое дитя, чай! Не пристало так вкушать пищу державным мужам! Дозволь, дорогой Володарь, представить тебе мою сноху, супругу Коломана. Фелиция – дочь герцога Сицилии, – с гордостью указала она на высокую женщину в диадеме.

– Рад видеть тебя, принцесса. – Володарь приложил руку к сердцу и чуть наклонил голову.

Фелиция ответила ему таким же лёгким кивком и неожиданно спросила:

– Кто из вас старше? Ты, князь Володарь, или мой супруг, герцог Коломан?

Голос у нурманки был немного грубоват, но говорила она на языке мадьяр очень чисто, без акцента.

– Я старше двумя годами. Ныне мне двадцать четыре стукнуло, а ему – всего лишь двадцать два, – поспешил утолить любопытство женщины сын Ростислава.

¹⁶¹ Восточная марка – Австрия.

– Совсем мальчишки ещё оба, – вздохнула сокрушённо Изяславна.

Когда они сели за столы и Володарь очутился рядом с Коломаном, он тихо спросил королевича по-русски:

– Вижу, твоя супруга превосходит тебя летами?

– Ну да, она старше.

В разговор тотчас вмешалась Изяславна.

– Что с того? Я тоже была старше твоего отца, короля Гезы.

– Вот так. Слышишь, Володарь? В нашей семье, оказывается, такая добрая традиция, – насмешливо изрёк королевич. – Жёны старше мужей! Ещё говорят, что якобы моя бабка, княгиня Полоцкая, была самой настоящей ведунницей, босорканью¹⁶². Собирала по утрам росу и травы, готовила зелья разнообразные! Прямо какая-то Вашорру-баба! Или Баба-яга, по-вашему! Заколдовала, приворожила молодого князя Изяслава, вот с него это всё и пошло. Кирие элейсон! Грехи тяжкие! Что только люди ни напридумывают! А ведь, вообще говоря, такого явления, как ведьма или босоркань, не существует. Они – плод людского воображения! И не более того! Вот если я стану королём, то непременно издам указ о прекращении преследования за ведовство! Впрочем, мы немного отвлеклись от предмета нашей беседы. Лучше ответь мне, мать, как я должен теперь жить с этой дойной нурманской коровой?!

Разговор вёлся на славянском наречии, и Фелиция ничего из сказанного не понимала.

– Прекрати! – зашипела на Коломана раздражённая мать. – Тебе сыскали лучшую невесту со всей Европы! Самую богатую! Самую красивую!

– И самую старую! – добавил с издёвкой Коломан. – И ещё самую блудливую! Представь себе, дорогой братец, её вытащили из какого-то монастыря и доставили мне на корабле из города Палермо в Сплит¹⁶³. Альма ездил за ней к герцогу Рожеру. Я сам встретил её в Сплите. Ну, потом обвенчался в аббатстве Святого Доминика в Пече. Честно говоря, всё равно было, с кем и как. Понимал, что женитьба моя выгодна и дяде-королю, и герцогу Сицилии, и даже самому римскому папе. И вдруг замечаю, что у моей дражайшей начинает расти живот. И вскоре на белый свет появилось некое отродье, наречённое Ладиславом в честь короля! Ну, я-то знаю, что в такой короткий срок, какой минул после нашей первой ночи, люди не рождаются. Только кошки разве!

– Прекрати немедленно! Какой позор! Дорогой Володарь, не слушай сей бред, прошу тебя! – Изяславна в отчаянии всплеснула руками. словно крылья, взметнулись в воздухе широкие рукава её платья русского покроя.

– Разумеется, я стал искать виновного, – продолжал, не обращая на неё внимания, Коломан. – И что ты думаешь? Нашёлся один блудливый монах, который сопровождал наше сокровище в пути по Ядранскому морю¹⁶⁴. Я приказал повесить его перед окнами спальни моей драгоценной жёнушки. Пускай повисит ей в назидание!

– Снял бы ты его, схоронить велел. К чему зверства сии? – нахмурился Володарь. – Кстати сказать, она тебя намного ли старше? На сколько лет?

«Вот и Таисия была меня старше. Господи, почему опять о ней думаю?! Пора уж забыть!» – пронеслось у сына Ростислава в голове.

– Ну, лет на десять, верно.

– Ты что, точно и не знаешь?

– А на что мне это надо? Вижу, перезрелая жёнка. Вся золотом увешена, яко кукла, яко идол поганый! Но король убедил меня, что как раз такая вот мне и нужна. И приказал мне жениться. Державный союз – что поделаешь? Её отец знатен, богат, имеет много золота, вои-

¹⁶² Босоркань – ведьма в мифологии венгров.

¹⁶³ Сплит – город в Хорватии, на берегу Адриатического моря.

¹⁶⁴ Ядранское море – Адриатическое море.

нов и кораблей. Мадырии нужны сильные друзья. Кирие элейсон! Грехи тяжкие! А вообще, я тебе скажу так, дорогой Володарь – не женись никогда! Ну их к чертям, этих баб! Я вот оженился – и всякий покой потерял. Приезжаю из Нитры, там, из Пожони¹⁶⁵ или Унгвара. Часто приходится бывать в разных городах. Устаю в пути, нога болит, горб ноет, хочется поспать. Но ночью эти дети начинают громко орать на весь дом и мешают моему отдыху! Лежишь, плюёшься и молишь Всевышнего, чтобы всё это поскорее прекратилось!

– Перестань городить чепуху! – перебила сына Изяславна. – Дорогой Володарь, хоть ты повлилай на моего первенца! Он вовсе становится невыносим!

– Зато ты знаешь, Володарь, моя жена, оказывается, хорошо вышивает, и ещё у неё очень сильные руки. Яко у мужа. Кроме того, она – знатная охотница. Метко бросает копьё в зверя, – продолжал, не обращая внимания на материны сетования, сын Гезы.

– Гляди, как бы она в тебя копьё не метнула, – шутливо заметил Володарь.

Софья Изяславна, не выдержав, властным голосом потребовала:

– Немедля переходите на угорскую молвь, мальчишки вы негодные! Королевна Фелиция не понимает по-славянски. А по-угорски баит добре. Экая умница! За три года так выучить неведомый доселе язык! Я токмо лет чрез десять стала всё понимать!

– А что нам?! Мы и по-угорски, и по-латыни. Так ведь, братец? – Коломан с лукавой усмешкой подмигнул Володарю своим единственным видевшим глазом. – Учителя у нас были хорошие – латинские и греческие монахи. Когда розгами, когда за ухо оттаскают! Кирие элейсон! По крайней мере, что положено знать княжеским и королевским отпрыскам, усвоили мы оба довольно хорошо.

Мало-помалу столы в зале уставляли яствами. Перед Володарем возник горшок с угорским гуляшом – густо наперченным супом с клёцками и луком. За трапезой говорили мало. Володарь обратил внимание, что на обеде не было никого из духовных лиц – одни знатные дамы и несколько молодых баронов из свиты королевича.

«Правду, верно, говорят, что Коломан недолюбливает латинских попов», – подумал он.

После еды гостю был показан отведённый для него покой с мягкой пуховой постелью и столиком с иконами греческого письма, на котором горели свечи.

Едва Володарь уложил в ларь дорожный вотол и переоблачился в багряную шёлковую рубаху, как в дверях покоя возник Халдей.

– Светлый князь! – заговорил он шёпотом. – Мне удалось кое-что выведать. Внизу, в подвале, в клети каменной, томится один русский, с Волыни. Его поймал на торгу Жольт – лазутчик Коломана. Говорят, что три года назад этот русский захватил и пытал Жольта.

– Что? – Володарь насторожился. – Какой-такой русский? Попрошу-ка я Коломана.

– Я бы на твоём месте не торопился, светлый князь. Успеешь, спросишь. Сейчас ты нуждаешься в поддержке своего двоюродного брата. Кстати, не намекал ли он тебе...

– Намекал, что хотел бы видеть меня князем на Волыни? Было, – подтвердил Ростиславич.

– Вот видишь. А твои вопросы могут не понравиться.

– Пожалуй, ты прав, Халдей. Обережёмся от ненужных догадок и слов. Не время, – раздумчиво промолвил Володарь. – Вот что. Сходи на пристань, сведай, как устроились мои отроки и гридни. Не имеют ли в чём нужды. Потом воротись назад. Уразумел?

– Всё сделаю, светлый князь!

Халдей исчез в дверях. Меж тем за окнами слышались громкие голоса. Володарь выглянул во двор. Трое иобагионов в кожаных доспехах снимали с дерева труп монаха.

– Слава богу! Внял просьбам нашим, – прошептал князь.

¹⁶⁵ Пожонь – венгерское название Братиславы.

Вечерело. На Эстергом надвигалась сумеречная мгла. Вскоре в покой к Володарю явился Коломан, да не один, а с женой и служанкой – молодой угринкой в белом льняном платье, которая держала на руках большой свёрток.

– Вот, полюбуйся, – указал на него Коломан. – Дочь. София. Второе имя имеет – Мартина. Твоя двухродная племянница. Совсем мала. Уже крещена, но ещё не научилась ходить. Моя мать от неё без ума. Считает своей внучкой, возится с утра до ночи.

Угринка передала Володарю свёрток. На Ростиславича уставились два больших светлосветлых глаза.

– Мартина, – тихо пробормотал Володарь. – Диковинное имя.

– Так звали одну из ромейских базилисс, – подала голос Фелиция.

Она была уже в другом платье, изумрудного цвета, шитого из дорогого бархата, но по-прежнему руки её обтягивали перчатки.

– Жёну императора Ираклия¹⁶⁶, – подтвердил Володарь. – Она жила четыреста лет назад.

– Ты хорошо знаешь историю, – уважительно закивала головой сицилийка.

– Я же тебе уже говорил: нас обоих учили основательно, – заметил Коломан. – По многу часов корпели мы над хрониками.

Володарь вернул крохотную девочку обратно угринке. Мартину унесли, а Коломан с супругой остались в покое. Холоп поставил на стол вино в небольшом бочонке и две чары.

– Доброе вино. Старое, из погребов, ещё при деде моём и твоём разлито было. Отметим нашу встречу, – Коломан поднял чару.

...Лёгкий хмель кружил голову. Улучив мгновение, Володарь тихо спросил сына Гезы по-русски:

– Почему твоя жена не снимает рукавиц?

– Потому что такие рукавицы для неё – не просто предмет одежды, они – знак благородного происхождения. Вот мой прадед был кочевником, скотоводом, и длани у него были черны и грубы от мозолей. Твой пращур – скиф, верно, шёл за плугом. И тоже сдирает в кровь руки. А предки нашей Фелициежки только мечом работали. И в жилах у неё течёт, как говорят, голубая кровь. Ручки у дочери герцога Сицилии беленькие, яко лепестки ромашки. Она их бережёт, мажет мазями и не снимает рукавичек, чтоб не повредить кожу. И чтоб, не допусти Господь, не оцарапаться. Вот так. Длани нежные, а манеры грубые. Что ты хочешь – нурманка, дочь викинга. – Коломан сначала говорил тоже по-русски, но в конце перескочил на латынь.

– О чём это вы? – спросила королева.

– О тебе, моя радость, о чём же ещё, – съязвил Коломан.

Фелиция презрительно хмыкнула. Пальцем в кожаной перчатке движением снизу вверх она потёрла свой крючковатый нос.

– Обрати внимание, Володарь, что жёнки гораздо чаще мужей чешут своё тело. Почему это происходит, я не ведаю. Для меня это загадка, но это так, – заметил с кривой ухмылкой Коломан.

Кажется, королевич выпил много вата вина. Будучи столь тщедушен, он быстро пьянел и начинал нести всякую околесицу.

– У меня есть кое-что рассказать нашему гостю, – неожиданно заявила нурманка, прерывая его болтовню. – Сказ мой будет короток. Жили на свете два соседних народа. Один народ пас коней. Другой – выращивал хлеб на земле. У каждого из народов было много красивых мужчин и женщин. И вот однажды правитель того народа, который пас коней, взял в жёны дочь правителя другого народа. Была весёлая свадьба. Люди радовались, видя красоту этой пары, желали молодым радости в жизни и долголетия. Пришло время княгине рожать, и она с замиранием сердца ждала, когда же на свет божий появится малыш, такой же прекрасный,

¹⁶⁶ Ираклий – византийский император, правил в 610–641 годах.

как и она сама, и её муж. Но вдруг вместо красивого младенца родилось нечто отталкивающее, отвратительное, гадкое, с одним глазом, как у циклопа, с горбом на спине. Это существо скалило непомерно огромные зубы и злобно хохотало над несчастной матерью...

– Довольно! – перебил жену Коломан. – Ещё скажи, что ребёнок сей был весь покрыт шерстью, что вместо стоп у него имелись копыта, а сзади болтался хвост. И что прозвали этого негодяя Коломаном. Так?

– Примерно да. – Фелиция внезапно громко расхохоталась.

– Как будто наш гость сразу не понял, к чему ты клонишь. Сказ твой, я думаю, вовсе не короток и содержит многие из тех моих проступков, о которых тебе рассказала моя мать. Как я подкладывал жабу в постель киевской княгине Гертруде, как дохлую мышь подвесил под дверь герцогине Восточной марки, как вместе с детьми колонов¹⁶⁷ разорил грушевый королевский сад. Да, хорошими разговорами развлекаешь ты моего двухродного братца, нечего сказать!

Коломан налил себе ещё вина.

– Довольно тебе пить. Без того уже пьян! – возмутилась нурманка. Рука в перчатке решительно легла на чару. – Опять будешь жалок и беспомощен в постели! Горбун хромой!

– Не обзывайся! Перезрелое яблоко! Гнилая сицилийская маслина! – Коломан злобно осклабился, но чару послушно отставил в сторону.

– Я слышала, у тебя двое братьев, князь Володарь. Рюрик и Василько. Ты средний из них. Где они сейчас? – спросила Фелиция.

– В Перемышле. Пока они не имеют достойного удела и живут милостями старших князей. Вот думаю им помочь. Собрать войско, занять города, принадлежащие нам по праву, – ответил ей Володарь.

– Война. Опять война. Вот и у нас дома тоже сплошные войны. Все воюют: графы, герцоги, короли, даже римский папа. Все ищут власти, ищут уделов. – Фелиция горестно покачала головой. – У меня, князь Володарь, тоже есть брат, Симон. И ещё сестра, Констанция, совсем ещё девочка. Я очень люблю свою сестру. А теперь у меня сын и дочь, и я буду любить их так же горячо.

– Во как! Слышал, Володарь? Запомни мой совет: никогда не женись! – возгласил, вставая со скамьи, Коломан. – Наставят тебе рогов, поднимут на смех, нарожают детей от каких-нибудь блудливых попов! А тебе потом расхлёбывайся с ними! Впрочем, понимаю. Надоели мы тебе своей глупой болтовнёй! Отдыхай, устал с дороги! И набирай воинов! Забери то, что тебе по праву принадлежит!

Королевич явно был пьян. Фелиция подхватила его, сильными руками сгребла в охапку и потащила к двери, на прощание одарив Володаря обворожительной улыбкой.

«Да, любезные родичи! С вами не поскучаешь! Развлечёте паче скоморохов!» – думал сын Ростислава, качая головой и глядя на закрывшуюся дверь.

Холоп убрал со стола вино. Быстро разоболочившись, Володарь упал на постель и забылся глубоким, беззаботным сном усталого человека, который наконец-то обрёл на некоторое время надёжное пристанище.

* * *

Спустя несколько дней случилась у Володаря одна неожиданная встреча. В Эстергом прибыло на богато убранных ладьях пышное посольство из Константинополя. Хитрые ромеи договаривались о будущем браке императорского родственника с одной из дочерей короля Ласло.

¹⁶⁷ Колоны – феодально зависимое население в средневековой Венгрии.

Володарь как раз был на пристани вместе с Халдеем и Юрием Вышатичем, когда вдруг кто-то окликнул его по имени:

– Архонт Володарь!

Обернувшись, молодой князь сразу узнал яйцеголового безносого примикария¹⁶⁸ Татикия, бывшего спутника князя Олега в Тмутаракани.

– Я рад тебя видеть здесь! Немало удивлён! Никак не ожидал, что ты, архонт, окажешься в земле мадьяр! – Татикий развёл руками и улыбнулся, выставив наружу свои огромные лошадиные зубы.

Хоть и не было большого желания, а пришлось Володарю принимать у себя в покое высокого гостя.

¹⁶⁸ Примикарий – в Византии высокий придворный чин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.